

Н. Кривицкая-Барабаш

Отступник

Роман в двух частях,
четырнадцать глав

Москва
Серебряные нити
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
К82

Доказательством свободы воли
служит факт всем известного пе-
реживания души, которое называ-
ется *раскаянием*, и каждому зна-
комо по личному опыту.

Игумен Филарет

ISBN 5-901811-064-8

© Н.А. Кривицкая-Барабаш, 2008

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Небо не все еще заволокло тяжелыми свинцовыми тучами, не все еще звезды высыпали, чтобы подсмотреть, что собираются делать люди, даже луна только маленьким краешком обернулась, чтобы глянуть вниз, а Арсений уже высыпал на поверхность стола горсть таблеток, чтобы приступить к тайному плану, который разрабатывал долго и тщательно.

Ветер рванул прекрасные сиреневые шторы на кухне, и он с горечью отметил, что как же она любит этот цвет, загадочный и совсем не для кухни уж. Но в нем что-то было, это точно, окно светилось таким таинственным отливом, так перекрещивались в нем огни огромного количества машин и всей пасти большого города, что только такие, казалось, и должны были висеть на окне, откуда вид был и впрямь потрясающий: несколько перекрестков, эстакада, грохот, шум транспорта, несмолкаемый гул жизни, одним словом. И это сумасшедшее движение и волнение жизни мужчина решил прервать дерзким, адским своим замыслом.

До прихода Сони времени хватало и можно было все еще раз взвесить и отрепетировать. Начать предстояло с размешивания всей этой мерзкой кучи дразнящих своей белизной кругляшек, среди которых попадались и продолговатые, и какие-то с надрезами, видимо, для деления. А потом одно — скормить ей все это богатство и наблюдать, как жизнь постепенно покидает хрупкое женственное создание.

Он посмотрел на одну облатку и не к месту вспомнил, как совсем недавно ездил черт-те куда, чтобы достать это лекарство, которое ей выписала невропатолог. Требовали особый рецепт, подписанный не просто и не только врачом, но еще и проштампованный регистратурой и без

всяких исправлений. Он бегал, хлопотал, поправлял помарки, которые наставила глупая врачиха, и вот, прошло три недели, и больше он терпеть не мог. Не мог многого: ее вечных привираний, сокрытий, которые она, на редкость изысканно, трактовала, как простое «забыла, не сказала, ну и что?». Собственно, именно эти особенности ее характера, которые она не считала никаким прегрешением, и играли главную роль в принятом решении. Сказать можно обиденно: подумаешь, не договаривала, скрывала какие-то глупости, что из этого? Но процесс этот растянулся так надолго, претерпевал такие сложные превращения и изменения, не изменяя в главном, что больше мириться с этим он не мог. Что происходило в его душе, как билось сердце и холодели руки, как он, сохраняя на лице улыбку и не переходя на крик, в отличие от нее, терял последние капли самообладания, у него и правда выскакивало сердце, потели руки, он становился рассеян и все не мог сосредоточиться до середины рабочего дня, когда приходилось читать и читать рукописи, но строчки косили, расплывались, и он заставлял себя на том, что временами плачет. Она издевалась над ним — это было ясно. Она не могла жить по-другому — это тоже было очевидно. А он не мог примириться с этим до конца и не обращать внимания, хотя она призывала к этому многократно.

Что делать, он любил ее не просто безумно, страстно, до дури, но желал невозможного: чтобы она совсем, окончательно растворилась в нем и не принадлежала не то что кому-то другому, но даже себе. Она была его полной, абсолютной собственностью и когда-то сознательно пошла на это. Он ведь предупреждал, что не сахар. Правда, добавлял при этом, что жить с ним вполне можно и даже неплохо. Но она не понимала, какие доставляет ему страдания, как ранит его, как лишает возможности полноценно работать, и именно из-за нее он дважды попадал в больницу, из которой тоже бежал скорей, скорей, лишь бы оказаться снова рядом и снова проходить сквозь все унижения. Он истязал себя, понимал это и ничего с этим поделать не мог.

В двери что-то щелкнуло, и он понял, что это она поворачивает своим ключом замок. Так случалось всякий раз,

когда назревала размолвка или ссора была в разгаре. Он моментально сгреб таблетки (их оказалось довольно много) и высыпал к себе в карман. Тут же испугался, что она может нечаянно, обнимая его, нащупать, но делать было нечего, времени не оставалось и он пошел к двери.

— А что ты не позвонила? Здравствуй.

— Так, не хотела тебя тревожить, может, ты занят очередным опусом автора?

— Замерзла?

— Да нет, на улице прекрасно, метет, но мне нравится. Давно пришел?

— Да нет... А что?

— Почему сразу «что»? Просто спрашиваю. У нас обед есть или ты недавно вернулся? Я тут кое что прикупила.

Он схватил ее сумки и рванул на кухню, все еще надеясь, что успеет переложить содержимое карманов в какую-нибудь посудину. Разбирал пакеты и судорожно соображал, как быть. Перепутал, что куда класть и тут вошла она.

— Ты что такой взъерошенный?

— Да растерялся, и ты вот не позвонила. Это всегда предвестник недоброго. Знак.

— Брось, какой знак? Все нормально.

— А где ты была? У тебя же всего две пары было. Зашла куда-то?

— Ну и что, что две. Зашли с Надькой в кафе, поболтали, потом... А, что ты суетишься так? Мясо совсем не туда кладут. Дай, я сама.

— Так ты не ответила. Куда, говоришь, зашла?

— Господи, какое это имеет значение? Не помню, какжется в какой-то Хэнд. По дороге был.

— Что, из университета вдруг хэнд объявился? А, наоборот, вы другой дорогой ехали, да?

— Ой, ну что ты все о ерунде? Ехали—не ехали. Приехала и ладно. Давай есть.

— Так ты же была в кафе...

— Это уже давно было, я проголодалась.

— Ну, конечно, я сейчас, быстро, иди раздевайся.

Он услышал, как она напевает его любимую мелодию, романс, и ему стало мутно. Что это ей так весело? После лекций сколько ходили и вот, на тебе, еще поет. Он

услышал, что она перешла на другой мотив и напрягся. «Мыла Марусенька белые ножки», — начала она своим прекрасным, от природы поставленным голосом, а потом все туже и туже затягивала мелодию, делая из нее совсем не оперный вариант, а какой-то хулиганский. Звучали слова дерзко, с вызовом: «Мыла Марусенька белые ножки»... Дальше этих слов она не продвигалась, и он решил, что она зацклилась на какой-то своей мысли. Тогда он вошел в спальню и увидел, что она сидит на кровати и перебирает колготки, а поет совершенно машинально. Он снова утвердился в мысли, что ее одолевает какая-то неотвязная идея или воспоминание, или просто так: спорится мысль. Он быстро отошел, чтобы она не заметила его и отправился на кухню готовить ее любимое мясо.

Прекрасное изобретение — физическая работа. Она — и отвлечение, и успокоение, и просто отдохновение. А ему было, от чего отдохнуть. И прежде всего — от своих мыслей. Руки постепенно перестали дрожать, сердце приняло свой нормальный разбег, и мясо получилось замечательное. «Вот кровожадная, как она любит мясо», — думал Арсений в то время, пока раскладывал на тарелки шипящие куски и звал ее, свою дорогую Соню ужинать.

Она явилась сияющая, красивая, все еще напевая невесть откуда прицепившуюся мелодию с этими самыми ножками Маруси. Когда она была вот такая, уверенная, прелестная, он терялся еще больше и еще больше мучился неизвестностью: верна ли она ему или дурит? Уверяла, что никогда в жизни... Он вторил ей. Однако что-то подсказывало, что есть у нее какая-то тайная пассия, пусть не роман, не увлечение, но какой-то объект, который интригует ее, заставляет быть в форме, следить и ухаживать за собой. Так он думал.

Она похвалила его, поцеловала в щечку и направилась в свою комнату (так они называли маленькую спальню) смотреть телевизор. Он понимал, что так она собирается провести весь вечер. И снова подступил комок, снова забилося сердце, и он подумал, что эта попытка не кончится никогда. Она и впредь будет что-то скрывать, таить и полного откровения ему не дожидаться вовек. Он залез в карман, нащупал горсть и решил, что все доделает позже, когда она ляжет и попросит какую-нибудь таблетку

от головы или от чего-то еще. Она пила их без разбора, находя в этом занятии некоторое, видимо, успокоение. Он не мог бы назвать ее мнительной или паникершей, но была в ней эта странность: глотать таблетки по поводу и без. На этом и можно было сыграть.

Он задал себе вопрос, что будет потом, ну, совсем потом, без нее. И сможет ли он вообще существовать один? Но мысль не додумалась до конца, и он ощутил, как увлажнилась рука, так и перебирающая в кармане его содержимое.

И тогда он вспомнил (некстати, как это обычно и водится) сегодняшний сон. Какой же он был светлый и обнадеживающий! Он проснулся даже в слезах, так проняло! Какая-то вода, легкая рябь и необыкновенное чувство покоя и безмятежности. Куда все подевалось? И это в течение дня, когда позвонив пару раз, он так и не смог услышать ее голос: абонент был недоступен. И вот пришла, как ни в чем не бывало, песню идиотскую пела, теперь телевизор... Нет, невозможно, и каждый год все прибавляет сложностей. Сколько раз он уже был готов, был почти у черты, почти... Вот именно!

Но теперь, теперь тянуть больше нельзя, дальше петля будет только больше и больше затягиваться, он не сможет одолеть сам себя, ее недомолвки, ее откровенное вранье, в конце концов. Нет, надо действовать. Пусть так, больше подобное продолжение невозможно, он не может ни работать, ни продвигаться по службе: все его мысли заняты ею. Она виновна, в этом он не сомневался. И, стало быть, наказание и возмездие оправдано. Кем? Да никем, а им, только им одним. Только он знает всю меру ее изворотливости и способности к обману, только ему и судить ее.

И тут он услышал странный шорох, затем шум и понял, что что-то происходит вне их квартиры, за окном. Он подошел поближе, прикоснулся лбом к стеклу, и его слегка обожгло холодом и той картиной, которая представилась. На него в окно, прямо в глаза смотрело существо, очень напоминающее Витьку из соседнего подъезда. Лицо почти ничего не выражало какое-то время, но вдруг постепенно стало меняться, превращаясь в незнакомца, старого и морщинистого и на секунду Арсений ужаснулся: неуже-

ли он вконец свихнулся, если ему уже такое стало мерещиться?! Однако лицо не пропадало, более того, створки окна сами собой распахнулись, и Сеня из комнаты внезапно переместился во двор, но оказался не на земле, а словно повис, прикрепившись к водосточной трубе. Так он и висел и продолжал смотреть на морщинистого мужика, который махнул рукой, не произнося ни слова, и оба они легко и непринужденно отправились сначала на задворки, повернули за угол дома и... полетели.

— Простите, кто вы, куда мы направляемся? Странно, право...

— В данном случае вопрос несуразный. Что значит «кто»? Вы сами не догадались? Впрочем, обо всем после. Терпение, мой друг.

— Друг?

— Естественно, кто же еще?! Не считаете же вы, что я вас похитил, и вы к этому не имеете никакого отношения?

— А какое я ко всему этому, — Арсений огляделся и заметил, что они уже миновали Тульскую и подлетают к Серпуховке, — какое я имею отношение?

— Вы прекрасно знаете, о чем я... Прошу вас, потом, позже. Вы после поймете.

— А долго нам еще лететь?

— Долго. Я же просил вас: терпение.

— Но у меня жена, дом...

— Не смешите, любезный, жену вы только что готовились... как бы это помягче сказать... убить, словом.

— А вам откуда это известно?

— Вы чрезвычайно любопытны. Я знаю все, ну ладно, или почти все.

— Вы что же, сам Господь Бог?

— Это вы загнули, положим. Но знаю и правда много. Вы, наверное, думаете, не снится ли вам это все? Уверяю вас, нет. И неизвестно еще, что реальнее: там, на вашей кухне со всеми вашими мерзкими мыслями и намерениями или здесь, в полете?

— Но у вас есть план?

— План, говорите? А как же иначе?

— Прохладно, я даже без пальто...

— Скоро, любезный, осталось совсем недолго, потер-

пите, вы сами такое хотели сотворить, что не грех и померзнуть.

— Странно...

— Вот именно. Видите, уже и университет виден, так что, мы приближаемся.

— Мы что же, в МГУ что ли?

— Ну, почти...

— Простите, а как к вам обращаться?

— Смотрите, какие звезды?! Вряд ли вам еще когда выпадет такая удача. Запоминайте!

— Господи, что все это значит?

— Да не скулите вы, пожалуйста.

— А вы не очень воспитаны.

— Кто бы говорил?!

— А о жене вы зря так. Я Соню люблю, именно поэтому...

— Я понял, понял, именно...

— Сейчас раздастся звонок и мы ... мы окажемся у цели.

— Да, у какой?

— Все, теперь спокойствие. И, как я уже говорил, терпение, мой друг. Его-то вам хронически и не хватает.

Внезапно возникло подобие взлетной площадки, и никаких границ города уже не было видно. Двое опустились на устойчивую почву, и тут же рядом возник голос, который снова Арсению показался знакомым. Его спросили, как он себя чувствует и все ли благополучно. «Ничего себе — “благополучно”», — подумал мужчина с Тульской улицы и в этот момент увидел человека. Был он высокого роста, хорош собой, в синих одеждах, которые туго очерчивали его статную фигуру. Рядом стояли почти в таких же одеяниях еще двое мужчин, но что-то в их одеянии выдавало некую вторичность, было понятно, что они своего рода подчиненные. Никакого трона или кресла, на манер всех сказок, не стояло и постепенно лишь прорисовывалось огромное черное пятно, напоминавшее мрамор, в котором выделялось углубление, и оно-то и служило опорой, стулом. Человек присел, осмотрел прилетевшего и улыбнулся. Затем помолчал и вдруг весело рассмеялся.

— Что это вы такой напряженный? Думаете, наверное,

что прилетели на Марс или что-то в этом духе? Успокойтесь, здесь все... словом, здесь вас поймут, да и помогут, надеюсь. Что, не ладится в семье? А не попытаться вам просто махнуть на все рукой и не заморачиваться на этот счет? Ну и что, что не договаривает? Вы же не знаете точно, изменяет или нет?

Арсений едва опомнился от вполне разумной речи, от пережитого полета, потряс ногами, как это он обычно делал в минуты сильного волнения и собирался уже произнести фразу, как его остановил сопровождающий. Он вдруг выступил вперед и сказал, что стоит, наверное, сначала подкрепиться и выпить. Он не назвал, чего именно, но гражданин с Тульской понял по его тону, что он далеко не последнее лицо в этом странном окружении. Господин на мраморном кресле что-то шепнул рядом стоящему, тот удалился, и тогда он произнес: «Вы что же, полагаете, что сами способны вершить суд? Поверьте, это очень страшно. Да и потом просто противно. Зачем? Чтобы освободиться от зависимости? Находите другие способы.

— Да-а, — только и смог произнести Арсений. — А что, я так страшен? Вы что, сами никогда не думали о подобном?

— О чем? Чтобы убить? Конечно думал, поэтому и здесь. Знаете, скольких... — Он не договорил, но Арсению тут же представилась жуткая картина с виселицами и прочей устрашающей атрибутикой.

— Я хотел спросить, вы кто же будете?

— А-а, это, милейший, не теперь, позже. Сначала вот закусите. — И он указал на блюдо, где лежали прекрасные сочные куски мяса и еще чего-то такого, чему названия Арсений явно не знал. — Ешьте, кушайте. Вы, говорят, закончили знаменитый литинститут? Что ж, похвально. Только работать стали плохо, это нехорошо.

— Господи, да что все это значит?

— А вы расслабьтесь и тогда поговорим. Уж больно вы напряжены.

— Будешь тут, — буркнул Арсений и повертел в руках что-то, похожее на яблоко, но почему-то изогнутое и длинное. Он надкусил и чуть не выплюнул кусок. Пришлось дожевывать и морщиться.

Человек в синем снова пошептался со свитой и вскоре

Арсений почувствовал знакомый запах табака. Он любил после ужина покурить, делал это нечасто, а вот сегодня выдался именно такой день. Он с удовольствием отметил, какой приятный запах источают похожие на сигареты палочки и взял одну. Ему тут же поднесли огня и он закурил.

В это время главный рассматривал что-то поверх своих перчаток и насмешливо поглядывал на Арсения. Он снова задал вопрос:

— Вам никогда не доводилось увидеть мир, хотя бы одним глазком, весь, целиком? Не в ваш телевизор, не посредством какой-то техники, а своими глазами?

— Что, возможно и такое?

— Представьте, у нас, как в Греции, не только все есть, но и возможно все!

Человек в синем махнул рукой, подозвал свою свиту, пригласил жестом Арсения и тот, осторожно ступая, приблизился, как ему показалось, к краю то ли крыши, то ли какой-то преграды. Оттуда, слегка перегнувшись через некое подобие перил, он посмотрел вниз и увидел... Нет, трудно даже описать, что он там увидел. Это и вправду была Земля с самой что ни на есть заглавной буквы. Смотрелась она как отдельно стоящий неровной поверхности шар голубовато-зеленого цвета, который слегка покачивался.

— Можете, если хотите, увидеть и ваш дом, квартиру, жену Соню. Ну как?

— Я бы не возражал.

Синий хохотнул, и в то же мгновение Арсений увидел словно из огромного окна не видящую его Соню. Она преспокойно болгала по телефону и не обращала, как видно, никакого внимания на то, что он отсутствует. Стало грустно-грустно и захотелось прилечь.

Большой человек заметил замешательство мужчины с Тульской, оценивающе посмотрел и сказал:

— Видите ли, я позвал вас не для любования вашим очагом, не из любопытства, а по другой причине. Изложена она будет позднее. А сейчас посмотрите еще раз вон туда, — и он указал направление движения. Стало совсем страшно, потому что увидел там Арсений жуткую картину. Земля, словно по волшебству, приблизилась,

стало возможным различать отдельные улицы, людей, и он увидел горящие дома, бегущую в панике толпу и спросил, где это происходит.

— А все у вас, на Земле. Кто-то присвоил, как и вы, впрочем, себе право судить. Люди стали убивать, полагая, что вершат справедливый суд. И вот, что произошло. Не правда ли, горько на все это смотреть?

Он помолчал, все время покручивая какую-то веточку, листочки с которой не опадали, как бы он их не сдирал.

— Видите ли, — опять заговорил он, — только вы, люди, не знающие, что там, за гранью, можете убивать и вершить зло, приносить горе, смерть.

— А вы кто же?

— Мы...мы — бывшие люди, на которых вам выпало взглянуть. И мы, уж поверьте, действительно знаем, что такое жизнь и что такое смерть. Мы тоже занимались подобным.

— Отчего же вам такая честь, что теперь вы можете судить и выносить приговоры?

— Да нет, не приговоры. Это взгляд, что называется, со стороны. Испытав все и получив продление жизни не за заслуги, а именно за грехи, мы испытали в полной мере, что значит жить вечно. Уверяю вас, это тоже наказание. Жить и знать, что совсем рядом происходит срам, кошмар, мерзость и что вы, рядом живущие, не сознаете это. Но я не о добродетелях. Мне бы хотелось и наказать вас, и проучить, и напомнить, что не вы, ох, далеко не вы можете принять на себя миссию казнить и миловать. Жестоко поплатитесь. Обдумайте мои слова. Как, кстати, ваши таблетки, с вами? Не выбросили по дороге сюда? Теперь собирайтесь, еще встретимся.

На этих словах человек в синем словно стал уменьшаться в размерах и наконец совсем исчез. Словно его и не было. Арсений оглянулся, никого не увидел, и ему стало совсем нехорошо. Однако тут он услышал голос, который снова показался ему знакомым. Было сказано, что следует отойти от края перил, взмахнуть руками и отправляться в обратный путь.

— Как, самому? — только и сумел произнести он, однако невольно уже махал руками и уже отрывался от твер-

дой, неровной поверхности и Земля постепенно приближалась, вызывая щемящее чувство тоски и тревоги. Ему казалось, что все может сорваться в любой момент и он не долетит. Его никто не сопровождал, и обратный путь был долгим и проходил в полнейшей темноте. Он не видел очертаний городов или улиц, он просто летел и только внутреннее чувство причастности к чему-то тайному и загадочному подсказывало ему, что он непременно доберется до места. И это же чувство говорило о том, что сложности только начались и что теперь все его поступки будут на виду и он не сможет поступать легко и в согласии со своими представлениями о добре и зле так, как считает необходимым. Это печалило, однако, и придавало некоторые силы: он надеялся, что с новым поворотом в его жизни он познает нечто такое, что позволит ему справиться и со своими жизненными напастями, и с самим собой, что было куда важнее всего остального.

Дома он оказался неожиданно и так, словно и не покидал кухню, на которой громоздились немывтые тарелки и чайник разрывался, свистя в свой свисток. Его не слышали, как и того, что он пропал, вернулся опять... Никому не было до него дела. Он присел на краешек стула и услышал негромкий разговор жены. Он понял, что она воркует с их общим приятелем, который почему-то перекочевал в ее основные друзья, видимо по простой причине: понимая, что не очень-то симпатичен Арсению, и разобрал слова.

— Видишь ли, я всегда знала, что не очень-то и нужна ему. Отсюда все сложности. Он ведет себя как-то странно: затаился, спрягался, не откровенничает. Да его нет сейчас, я слышала, как хлопнула дверь, наверное, вышел на улицу. Он иногда там курит. Подожди, я гляну.

Тут она появилась на кухне, где неподвижно сидел ее муж и смотрел прямо перед собой. Он не курил, не ел, не пил, а тихо сидел и смотрел, думая о чем-то о своем.

— Сеня, так ты дома? И что же, все слышал?

— А что такого я мог слышать?

— Да все. Знаешь, это ужасно — подслушивать. Нехорошо.

— Да не волнуйся, я только что появился.

— Боже мой, а где ты был?

— Я летал.

— Понятно. Спать тебе пора.

— Угу. Сейчас буду стелить.

Он потрогал карман, убедился, что тот по-прежнему наполнен горстями таблеток и встал. Открыл кран, сполоснул свою чашку и пошел в комнату. Вслед услышал:

— Интересно, что это только свою? А мне все остальное?

Арсений ничего не ответил и стал стелить простынь на своем диване, отмечая, что тот изрядно потерялся и хорошо бы купить новый. А можно и не покупать, можно вообще, — он не додумал, что вообще, как она подскочила и обняла его.

— Какой же ты все-таки глупый! Ну почему ты так? Почему ты — вещь в себе? Ничего не рассказываешь, не делишься?

Арсений замялся, высвободился из ее объятий и пробурчал:

— Я думал, что это твоя привилегия — ничего не рассказывать.

Она засмеялась и снова попыталась прижаться к мужу, но тот упорно освобождался, расправляя простынь и укладывая подушку.

— Станный, ты все же странный. Мне так тяжело, если бы ты только знал. В тебе никогда ничего не поймешь.

«Ну и дает, — подумал Арсений, — неужели это она всерьез, искренне?»

Соня наконец отступила и, погрузившись, сказала, что у нее неприятности и что ее, наверное, уволят или самой придется уходить, что пришла злющая новая завкафедрой и притащила с собой двух таких же злых теток.

— Все образуется, — сказал Арсений, укладываясь на диван.

Соня села рядом, взяла его за руку, и он чуть не заплакал от обиды и невыразимого счастья. Она молчала, рассматривая его руку, потом всхлинула и заключила:

— Никому я не нужна.

Он отвернулся, не в силах продолжать этот разговор, и она поднялась. Затем прошла в свою комнату и погасила свет.

Так закончился этот вечер, который начинал какую-то новую страницу жизни в судьбе Арсения и, наверное, в их общей судьбе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наутро наспех позавтракав, он, стремясь не разбудить Соню, ушел первым и сам запер дверь. Такой маневр применялся крайне редко, в исключительных случаях, и кто-то, кто к нему прибегал, должен был понять, что это знак, что что-то произошло. Ненавязчивый такой знак.

Арсений шагал по улице и был зол, страшно зол на себя, свою судьбу и, конечно же, на Соню. Прежде всего на нее. Он понимал, что настолько рассеян и раздрадован, что день, как видно, полетит черт-те куда, он не сможет сосредоточиться, и рукопись, которой он теперь занимался, так и не будет вручена хозяину. Надо сказать, ее автор, доктор, профессор и все такое прочее, внес немалую сумятицу в душу редактора, коим являлся Арсений. Там говорилось о сложных химических превращениях металлов, из чего следовало, что законы диссипации или рассеяния свойственны не только неодушевленным объектам, но и человечеству. Да, именно ему, с его заблуждениями и чрезмерной амбициозностью.

Вот и у Арсения сейчас мозг представлял собой некую диссипативную структуру, собрать которую не представлялось возможным. Однако появиться в издательстве, где он прослужил тринадцать лет, стоило хотя бы потому, что именно сегодня должен был выступать известный ученый в области психологии и еще чего-то смежного, что (так говорили все) касалось большинства граждан и было интересно всем. Что этот ученый способен по взгляду, имени и еще какому-то набору невербальных признаков определить чуть ли не всю судьбу и основное предназначение человека. То, что это был не очередной целитель, не шарлатан, а именно ученый, подкупало более всего. И так хотелось узнать побольше об уготованном в жизни. Но на этом месте своих рассуждений Арсений прервал себя, заметив резонно, что после вчерашнего приключения и вообще, после такой известной повторяемости событий в его жизни, в особенности ощущений, мало что

может измениться. Однако искушение послушать и прикоснуться к неизвестному притягивало, и он спешил на свой автобус.

Намеренно, даже усилием воли он стремился отогнать все воспоминания, связанные со вчерашней ночью. Однако они, естественно, неотступно возвращались и настойчиво прожигали сознание. Он решил, догоняя тронувшийся автобус, что только вечером хорошенько все додумает и что теперь вряд ли что путное сообразит. Отметил только, что вряд ли все было так взаправду, может, это просто разговор с совестью, которая предстала в человеческом облике, а все приготовления вечера только усугубили и обострили восприятие происшедшего? Но он не знал ответа на этот вопрос и потому пытался сосредоточиться на проходе (будь они трижды неладны с этими унизи-тельными проталкиваниями сквозь металлические заслонки. И это-то в 21 веке!) и вставить свою карточку в пасть турникета, которую тот настойчиво выплевывал. На него нажимали и покрикивали, а одна тетка даже сказала, что он олух, хотя и молодой, но ничего не понимает. Он обернулся и не зло сказал: «Точно, олух, вы правы», после чего тетка расплелась и сказала, что все же есть разумные люди, способные соглашаться с правдой.

Доехал он быстро и вскоре входил в холл знаменитого когда-то дома, где последние несколько лет располагалось издательство. И в этот момент он вспомнил, что в домашней куртке так и остались лежать горсти снадобья, которое не было пущено в ход. Вряд ли Соня, которая обычно не проявляла любопытства к его карманам и содержимому портфеля, вдруг что-то обнаружит, но следовало проявить осторожность и переложить таблетки.

В комнате, где был его стол, помещалось еще четыре таких же, за которыми сидели одни женщины. Это рождало много неудобств. Приходилось, с одной стороны, выслушивать бесконечные разговоры на темы от колготок до любовных походов, а с другой, приносило и пользу: его старались не трогать и только в исключительных случаях прибегали к советам. Вернее, спрашивали их, не особенно заботясь об исполнении. Так, на всякий случай: мужик все же.

Когда-то он закончил химфак солидного университе-

та, уже после литинститута, был даже замом у главы лаборатории, но по прошествии лет понял, что его исследовательские навыки все больше реализуют себя в размышлениях и описаниях. Так, после нескольких публикаций и помощи шефу в одной из них, он решил, что неплохо бы вообще порвать с пробирками и тягами и осесть где-нибудь в месте, где все было бы спокойно и предсказуемо. Шефу идея понравилась и он посодействовал в устройстве Арсения на работу в издательство. Так он стал редактировать чужие мысли и не сильно расстраивался на сей счет. Была, однако, и у него одна несбыточная мечта. Но он понял со временем, что ей в обозримый период времени не сбыться. Заключалась она в том, что путем сложных химических реакций, под воздействием тока и всяких хитрых превращений можно добиться перехода вещества из одного состояния в другое. Шеф, когда прослышал про опыты младшего коллеги, строго сказал, чтобы он перестал дискредитировать отечественную академическую науку и не смел больше фокусничать. Так и прозвал его опыты фокусами. Но Арсений, работая долгое время в издательстве, умудрялся иной раз, это случилось не так часто, пробираться в свой родной институт на Ленинском проспекте, куда его проводил закадычный друг, и продолжал экспериментировать. Никто не знал о его занятиях вне редакции, даже Соня. И он однажды поймал себя на мысли, что не она, а он частенько утаивает и не рассказывает то, что жене ставит в вину и никогда ее не отменяет. Ни ее невинные рассказы, ни сам убедительный тон их не способны были смягчить отношение Арсения к способности жены говорить неправду, попросту лгать. Он физически не мог переносить это состояние, осознание того, что ему врут. Причина коренилась еще в детстве, когда партийная строгая мама всякий раз, выпрашивая о чем-то, настаивала именно на правде и по сто раз уточняла, не обманывает ли он.

Он старался не обманывать, страх сказать неправду закрепился и он стал подозрительным. И малейшие нескладности в Сониных рассказах, времяпрепровождении, разных неточностях по часам пребывания где-то складывались в душераздирающую картину мучений и невыраженного гнева. Он временами ненавидел свою жену, меч-

тал, чтобы она исчезла вовсе, насовсем, чтобы ее не было никогда в его жизни, но спустя время успокаивался, даже раскаивался и все повторялось снова.

В комнате находилась только одна Вера Ивановна и он, поздоровавшись, прошел к своему столу. И вдруг услышал непривычные звуки. Оглянувшись, увидел, что она плачет. «Что с вами?» — с места спросил Арсений, на что женщина тут же откликнулась: «Все вы, мужики несчастные, все вы...». Она не договорила, но он уже понял, что опять у Веры Ивановны очередная ссора с мужем и почувствовал: «Не переживайте, все наладится». Она только и ждала этих слов, так, по крайней мере, показалось Арсению. «Никогда, никогда от вас не узнаешь правду, вы родились, чтобы бездушно лгать. Бездушно». Она повторила это слово снова, и Арсений резонно подумал, что врать с душой, пожалуй, еще страшней. Он решил больше не утешать, тем более, что на пороге показалась Маргарита Никифоровна. Она была, как обычно, весела, хорошо одета и ее несколько не смутили слезы коллеги. «Ой, Верочка, бросьте, не стоят они наших слез». Вере Ивановне это явно понравилось, в особенности же слово «наших». Стало быть, она не одинока в своих несчастьях, раз ее объединяют с собой другие.

Арсений вздохнул и выгасил рукопись. Удивительное дело, но на первой странице, где были выведены название и имя автора, красовалась поперечная красная линия, которая закруглялась книзу (?), образуя странный то ли экслибрис, то ли просто загогулину без внятного очертания и смысла. Вглядевшись, он ужаснулся: краска на его глазах стала расплываться и постепенно заливать всю поверхность обложки. Арсений негромко спросил, никого ли не было в комнате утром, на что Вера Ивановна, уже промокнувшая слезы, резонно заметила, что он ее не мог не заметить, а ключ она брала на вахте. «А что случилось?» — совсем просохшим голосом спросила женщина, и Арсений замялся, однако сумел взять себя в руки и сказать, что ничего особенного.

«А бывает у вас вообще что-нибудь особенное?» — язвительно продолжила женщина, и Арсений внутренне содрогнулся. «Да, тетенька, знали бы вы», — подумал он, а вслух сказал, что у него все как обычно гладко. «Понят-

но, что вам еще! У вас жена — ангел!» Этот вывод был как нельзя кстати, и Арсений стал размазывать краску, которая под его рукой тут же становилась бурой, а потом и вовсе черной. «Это все вчерашнее», — подумал он, а сам пытался перевернуть страницу, но и с ней приключилось нечто странное: она была накрепко приклеена к первой и разлепить рукопись не представлялось возможным. Подумав, Арсений решил позвонить автору, но пока ничего не объяснять, а просто попросить захватить еще один экземпляр. «Скажу, дома оставил», — решил он и набрал номер. На другом конце мгновенно отозвались: «Вас не хотят слушать, и о рукописи мы ничего не знаем. Делайте что хотите». С этими словами трубку положили, и редактор, встав со своего места, подошел к Вере Ивановне, якобы затем, чтобы поддержать, а сам уткнулся взглядом в листы, что лежали у нее на столе. На его глазах и они стали принимать какой-то скукоженный вид и шелестеть без всякого к ним прикосновения. «Чертовщина!» — подумал редактор и тут же отошел от стола. Присев, он уже со своего места примирительно спросил: «Много у вас на сегодня, Вера Иванна?» — «А что это вас так интересует?» — нелюбезно ответила та, но не посмотрела на рукопись, а отодвинула ее. «Интересно, что у нее со страницами? Неужели так же или только у меня?»

Вошла третья сотрудница, Галя, разговор возобновился, все дружно поругали мужиков, кивая в сторону Арсения, а он в это время сидел, обхватив голову руками, и думал, что все, теперь его жизнь покатируется по какой-то неведомой колее и что надо бы что-то придумать. В то же мгновение он услышал над ухом голос, который сообщал ему, что сегодня в восемь вечера, когда будет совсем темно, его будут ждать в районе Нескучного сада и что под мышкой он должен держать рукопись.

Все, это был финиш. Решив, что крыша у него поехала окончательно, Арсений поднялся, попытался оторвать листы от стола и, не сумев отодрать, вышел из комнаты.

В курилке он дрожащими руками вынул сигарету, покрутил и заметил, что в углу стоит Васька, редкий проходимец, как говорили все. Работал он то ли редактором, то ли кем-то таким, от кого не требовалось чтение рукописей, а только их проталкивание и вхождение в контакт

с нужными людьми. Такие кадры есть в любом творческом коллективе, их роль сводится к сводничеству, как бы они не именовались по приказу. Васька насупленно курил, что было на него явно не похоже. Арсений молчал, молчал и сводник. Вдруг Васька обернулся к редактору и заговорщически спросил, не хочет ли тот устроить кое-кому темную. Арсений чуть не уронил свою сигарету и задал нелепый вопрос, кому это. «Будто ты не знаешь, кому? Естественно, Егорычу. Его все ненавидят. Вот я и думаю...». Арсений оценивающе посмотрел на собеседника и спросил, давно ли Васька почувствовал в себе столь незаурядную силу. Спросил и пожалел. Тень от стены, где только что стоял сводник, отделилась, превратилась в смешное круглое существо с неровными краями и Васькиным голосом спросило: «Ты, парниша, не парься, иди лучше к своей Сонечке, а то ее уже видели сегодня с этим...». Существо не успело договорить, как Арсений размахнулся и сильно двинул по округлой поверхности. Но только больно ударился о стену. Не было рядом ни Васьки, ни кого-то другого, а стоял он один в курилке, в которую вскоре вошел еще один гражданин, имени которого Арсений не знал, хотя и видел его в издательстве почти каждый день.

«Сволочи», — подумал он, — никто ничего не знает, а туда же, «Сонька», — передразнил он предшествующего собеседника. «Сонька», — снова повторил он и сплюнул. «Это уже черт-те что», — подытожил он и решил, что на сегодня хватит, надо выйти на улицу и заглянуть в соседнее кафе. «Трахну рюмаху, может полегчает», — подумал он и вышел на улицу.

Однако он забыл, что на дворе была почти зима, а он без пальто. Но идти было недалеко, и он решил не возвращаться. Добежав до кафе, он подошел к стойке, заказал виски и огляделся. В помещении была одна лишь парочка, сидевшая в темном углу. Он выпил напиток, закусил поданным лимоном и решил, что может позволить себе вторую порцию. И в это мгновение почувствовал, как кто-то тронул его за рукав. Он оглянулся, но никого не увидел. Услышал лишь голос: «Итак, в восемь. А, может, угостишь?» Арсений протер руками лицо и ему показалось, что больше ничего хорошего в жизни не бу-

дет, что все, теперь его станут преследовать невидимые духи, голоса и прочая нечисть. Однако он сжал кулаки, весь как-то напрягся и снова замахнулся. И тут же услышал смех. Странное дело, но стоявший рядом бармен никак не реагировал на происходящее. «Стало быть, не слышал», — заключил редактор. И тогда он решился. «Послушайте, чего вы добиваетесь? Что я такого сделал?» — «А, вот, батенька, вы и заговорили. Это славно. Не бойтесь, нас никто не слышит, но все же отойдите к столику, присядьте, успокойтесь».

Арсений подчинился и сел за столик. Он не заметил, что кто-то двинулся следом, но в одно мгновение все преобразилось: рядом сидел стильно одетый мужчина, никак не напоминающий ночного человека в синем. Держался он подчеркнуто вежливо, был приветлив и даже услужлив. «Не надо привлекать к себе внимания, я согласен, поэтому делайте вид, что мы здесь давно». Арсений увидел на столе обильную закуску и снова, но про себя, задался вопросам, не снится ли ему все это. «Скажите, а который час?» — идиотски спросил он, на что вежливый господин ответил, что скоро час дня и что можно не волноваться: время обеда и никто отсутствия сотрудника не заметит. «Плохо вы знаете наших дам», — усмехнулся Арсений, на что получил резонный ответ: «А это вы напрасно, мы все знаем». — «Позвольте, а кто это мы, и почему вы здесь? Вы кто? Что вам от меня нужно?» Незнакомец помолчал, затем, отпив чуточку из бокала, ответил: «Видите ли, на конкретные вопросы отвечать не стоит. Неграмотно как-то. Вы же бывший ученый, вам это должно быть известно. А нужно... Знаете, смешно, но просто поближе познакомиться. Никакой определенной цели. Если вы боитесь, то о каждом таком появлении мы будем вас извещать». — «И каким же образом?» — «А очень просто, над ухом словно прозвенит колокольчик. Вы и поймете, что это мы».

Арсений хотел было опрокинуть третью рюмку, но незнакомец сделал упреждающее движение и продолжил: «Никогда не надо спешить. И паниковать тоже. Все будет хорошо, даже прекрасно, я бы сказал. А зовут меня... Зовут просто Лель». — «Вы что же, и с творчеством драматурга Александра Островского знакомы?» — «Нет, но

зовут меня именно так. Хотя, как знать. Вот вам моя информация: это такой персонаж из сказки «Снегурочка», инфантильное, скажу вам, существо». — «Вы что же, так скоро можете получить и такие сведения?» — «Естественно. Моя специальность — это мгновенная добыча информации».

Арсения уже почти перестало удивлять все, творившееся рядом с ним, но изумиться все же пришлось. Неожиданно возник какой-то шум, затем послышался хлопок, и в доли секунды редактору показалось, что происходит все это где-то далеко и не с ним вовсе, но когда он увидел, что его недавний собеседник стал заваливаться на бок и в конце концов упал на пол, то вскочил и с ужасом отодвинулся. Подбежали люди, невесть откуда появившиеся в кафе, появился человек в форме, и ему уже задавали вопросы. Более того, неподалеку лежал пистолет или револьвер (редактор мало что смыслил в этом), и Арсений с ужасом подумал, что и это может являться жутким аргументом против него. Удивительное дело, но в такой кризисной ситуации он еще пытался мыслить разумно и прагматично. Однако его уже спрашивали, и это был именно человек в форме, что произошло, как и почему. Арсений только разводил руками и не находил ничего лучшего, как повторять, что он ничего не знает и видит этого господина впервые. Ему, как водится, не поверили, и предложили ехать вместе: куда положено. Так и сказали — «куда положено».

Редактор понуро пошел к выходу, снова забыв про верхнюю одежду, оставленную в издательстве. Ему сразу же напомнили: «Вы, кажется, без пальто? Вот, возьмите», — и он с ужасом увидел, как ему подадут его собственную одежду. Пальто точно было его, он это сразу заметил по слегка облезлему воротнику, который так и не удосужился спороть в этом сезоне. А ведь хотел, хотел же. Он иногда отвлекался на подобные вещи, с удовольствием строча на машинке или попросту подшивая какие-нибудь вещи. Даже и для Сони. Она этого делать не любила, а вот он позволял себе подобную слабость. Хотя, какая тут может быть слабость? Полно мужчин портных, закройщиков. Чем он не портной, если всю жизнь только и латает и перелатывает что-то? То чьи-то рукописи, то опыты, пы-

таясь соединить несоединимые элементы, извлекая единый, целостный результат? Но путь к нему — тоже процесс, и любил он его больше всего.

Одевая пальто, он с неудовольствием глянул на мерзкий воротник, пытаясь как-то закрыть его и даже сконфузился, но вдруг подумал, что главному-то он не удивился: откуда взялась эта вещь и что вообще все это значит.

Он повернулся к мужчине в форме, но тот отчего-то стягивал с себя фуражку с козырьком и обматывал шею длинным шарфом. При этом он весело, даже заговорщически улыбался и как-то при этом ободряюще поглядывал на редактора. «Ничего, молодой человек, все будет хорошо, только не надо волноваться. Помните, как Бурков в каком-то фильме говорил, что прежде всего надо успокоиться и действовать разумно?» — «Про разум тут говорить трудновато, потому что непонятно, что все это значит. Куда мы направляемся и за что меня взяли?» — «Вот и ошибочка. Во-первых, вас никто не «взял», это раз; во-вторых, вам скоро станет очень интересно и совсем не страшно. Так что, вспоминайте Георгия Буркова, и все будет хорошо». Он взялся за руль, но вдруг хлопнул себя по лбу, словно сокрушаясь о чем-то и сказал: «Я полный дурак. Я ведь вам так и не представился. Да успокойтесь вы, я знаю, что вы не стреляли, да и Лель совсем не умер. Все живы. Так надо. Послушайте, вы скоро все поймете, а пока не теребите меня своими прагматичными вопросами. Неужели вам никогда не хотелось пожить вне правил и законов бытия? Обойти приличия, ввязаться в то, что нормальному человеку из нормального общества не по силам? Вы же некоторым образом связаны с иррациональным началом, так что же? Попробуйте, вкусите его!»

С этими словами он выхватил что-то из-под полы своего пальто и взмахнул тем, что оказалось... тем самым пистолетом, оставленным у стола. «Вот вам, держите», — произнес он и передал страшный предмет изумленному Арсению, — пригодится». — «Не приведи Господи», — следом подумал редактор, но оружие взял и сидел, держа его в руках. Тут милицейский человек хохотнул и ехидно спросил: «Так что же у нас выходит, вы готовились к такому мероприятию, можно сказать, сортировали препа-

раты, а тут игрушечный пистолет от настоящего отличить не можете, да еще и испугались совсем».

Арсений сидел по-прежнему молча и только смотрел на предмет, оказавшийся тоже ненастоящим. «Позвольте, а что у вас всамделишное, правдашнее, так сказать?» — «Как, а разве вчерашнее ночное путешествие ни в чем вас не убедило?» Арсений вздохнул и хотел было передать игрушечную пушку сопровождавшему его лицу, как тот, мгновенно преобразившись, сказал, что поездка закончена и что повидаются они завтра. Так и сказал: «Завтра». С этими словами он открыл дверь машины и Арсений увидел очертания своего госучреждения, стоящего почти загадочно в полупустом переулке, заливаемое полдневными сумерками. Он уже вообще ничего не понимал и только услышал: «На самом деле, если вдуматься, все очень просто». — «Хотелось бы верить», — только и произнес редактор и вышел из машины. Игрушку он сунул в карман пиджака и зашагал к крыльцу. Время, о котором он благополучно успел позабыть, оказывается, никуда не покатилося, а все еще имело свои конкретные значения и величины, поэтому когда он глянул на часы и увидел, что стрелки показывают почти пять часов, он припустился как можно скорее, дабы успеть забрать вещи и не светиться перед дежурным. У них не принято было засиживаться дольше положенного, и он мог вызвать ненужное внимание к своей персоне.

Зайдя в комнату, он обнаружил одну только Веру Ивановну, которая уже не плакала, а, напротив, прихорашивалась, и увидев коллегу, укоризненно покачала головой. «Где это вас целый день носит, уважаемый? Ходите себе, не сказавши ни слова...» — «Да я, собственно, с автором...» — «Ну, конечно, понимаю, как же», — насмешливо прищурилась недобрая женщина и встала, чтобы уйти. Тогда вдруг Арсений, сам не зная почему, вдруг спросил ее: «А что, все у вас хорошо? Налаживается?» — «А что у меня может быть плохого?» — хмыкнула Вера Ивановна и удалилась.

«Вот и пойми этих баб», — подумал Арсений, запихивая бумаги в портфель и натягивая пальто. И тут он вспомнил, что стряслось утром с рукописью и решил посмотреть. Папка, которую он вытащил из стола, была в полном

порядке, никакой краски не было на ней, тем более и с листьями все было так же благополучно, и не осталось и следа от какой бы то ни было склеенности. «Чудеса!» — воскликнул редактор и пошел к выходу.

Однако злоключения сегодняшнего дня не кончились на этом, потому что на ступеньках его поджидала Соня. Хороший это был знак или дурной — этого Арсений пока не знал. Соня стояла, опершись о длинную трость зонта, хотя какие дожди в ноябре? На ней было новое пушистое пальто под стать погоде, красивое, светлое, с необычной опушкой по подолу. Одеваться Соня умела и любила страсть как это занятие. Выражение лица ее, насколько смог заметить Арсений, было вполне приветливо, и она сразу же подошла к мужу: «Я уже давно тебя поджидаю. Давай пройдемся, может, заглянем куда?» Мужчина был одновременно счастлив и сбит с толку. Такого он припомнить не мог: чтобы жена приходила к нему, да еще вечером, без предупреждения, да такая красавица! Что за этим могло стоять? Он решил не рассуждать и полностью подчиниться судьбе.

Они пошли вдоль тихой старой московской улицы, и Арсений сознавал, что что-то постепенно преобразуется в его душе и становится светлее. Мысли о всех наворотах последних суток он старался отогнать, и это ему почти удалось еще и потому, что Соня на редкость вела себя изумительно тихо и спокойно. Была покорна и прилежна, как школьница. Ну, например, он спросил, чего бы она хотела, на что ему ответили, что все равно, лишь бы ему было приятно и что если он не устал, то и вправду можно было бы где-нибудь посидеть.

Так они и сделали, зашли в кафе, коих теперь по городу была тьма-тьмушая. Она едва не потянула его в то, где уже сегодня он побывал, но он вывернулся и они прошли еще какое-то расстояние и оказались в весьма привлекательном месте под интригующим названием «Я вас любил...»

Оба рассмеялись, оба хотели поскорее обнаружить тот скрытый смысл, позволивший так окрестить заведение, и разгадка лежала почти на поверхности. Когда они оказались внутри, то к ним подошла пара, парень с девушкой, и пригласили к столу. Звучал романс, но другой, не тот,

что был в названии. «Что они скрывают, что за тайна?» — спросила Соня и решила, что разгадка откроется постепенно, не сразу.

«Я хотела тебя видеть. Ты не рад?» — спросила она, и он, помедлив, заверил ее, что просто растерялся, а вообще, конечно же, рад...

Внутри помещения, которое освещалось фонарями, стилизованными под 19 век, на одной из стен находилась неожиданная вещь — панно, которое было удивительно своим сюжетом и все светилось особым талантом художника. Он сумел запечатлеть поэта, автора строк «Я вас любил», который протягивал руку к удаляющейся фигурке жены, Наталье Гончаровой. Уходила она, оглядываясь на Пушкина, спиной. В самом углу картины виднелась чья-то кисть руки и пистолет. Было сделано все замечательно, изысканно, со вкусом. Никакого налета на вульгарщину или бытовщину. Даже странно, как он мог не знать этого заведения. Потом сообразил, что дорога к автобусу проходила не здесь и что он его попросту никогда не видел. Сеня не мог предположить, что в двух шагах от его работы располагалась такая красота. Но это было именно так.

Они оба растерялись от увиденного и приостановились. Нарушил молчание молодой человек, который предлагал на выбор два столика, и они остановились на самом крайнем, в углу. «Ох, уж мне эти столики», — не к месту вспомнил Арсений, но виду не подал, что не так-то ему и хочется рассиживаться в кафе и прошел с женой к круглому, тоже весьма изящному столу.

Все помещение было стилизовано под время Пушкина. Они оглядывались, и оба находили детали, подтверждающие тему, заявленную в необычном названии. Например, трость. Она была совсем не современная, из какого-то непонятного дерева, с изогнутой ручкой другого цвета и рядом красовался почти на таком же уровне зонтик. Голубой, с разводами, явно не из современной жизни. Затем они заметили бюро и решили, что попозже непременно подойдут к нему. Им поднесли меню, и тут они обнаружили, что все названия блюд, да и сам кожаный переплет, бумага, наконец, — все напоминало ту старую, забытую почти древность, которая была во времена по-

эта. В орфографии, конечно же, присутствовало ять, названия блюд поражали загадочностью. Пришлось консультироваться и справляться, что означает то или иное название. Так, совещаясь довольно долго, они остановили свой выбор на фаршированном грибами мясе и на фруктах. Выбрали вино, и даже Соня изменила своей привычке заказывать всегда виски и согласилась с мужем, что вино здесь будет — в самый раз.

Пока сервировали стол и носили приборы, они подошли к бюро и посмотрели, что под стеклом. И здесь чувство меры и вкуса не изменило дизайнерам и хозяевам заведения. Естественно, что это тоже была симпатичная стилизация: лежали очки, рукопись, видимо мастерски сделанные ксероксы или даже ручной работы листы, написанные прекрасным художником со стихами поэта. Был знаменитый его перстень с изумрудом, который он носил последние годы и который был на пальце и во время дуэли. Понятное дело, что это тоже была всего лишь имитация, но как любовно изготовленная!

Соня оглянулась и Арсений спросил, не ищет ли она музыкантов? Соня кивнула, и они увидели в темном углу рояль. Очень небольшой, старый, он, видно, тоже имел отношение к той эпохе и пара вполне осталась довольна своими наблюдениями. А когда они сели за свой столик, раздались звуки музыки, и они поняли, что это не пластинка, не магнитофонная запись, а живой фортепьянный звук. И правда, приглядевшись, они увидели пожилого маэстро, сосредоточенно склонившегося над клавишами. Он исполнял какую-то удивительную смесь из мелодий разных времен, композиторов. Узнали они знакомые звуки Первого концерта Шопена, затем возник Скрябин, потом звуки романса на стихи поэта и музыка продолжалась и продолжалась...

Соня подняла свой бокал и заговорщически посмотрела на мужа.

— Ты не в себе сегодня. Да и вчера что-то с тобой не то было... Я не права?

— Может быть...

— Я знаю, ты сердисься на мою невнимательность, забывчивость. Но я не со зла, поверь мне.

— Я верю.

— Ничего ты не веришь, — рассердилась Соня, — и хватит во всем со мной соглашаться. Ты — не веришь, я знаю.

— Глупости, успокойся. Что ты так разволновалась?

— Потому что я все, все знаю...

Арсений похолодел.

— Что, что ты можешь знать? И потом, давай не будем ссориться.

— Хорошо, я не ссорюсь, но ты все равно странный.

— Когда человек начинает ощущать, что он виноват, то начинает, как правило, искать вину в другом, приписывая этому другому свои прегрешения.

— А что же, ты у нас безгрешный?

— Я? Не уходи в сторону, я же понимаю, что ты хочешь что-то сказать.

— Не торопи меня.

— Вот видишь.

— Хорошо, слушай, я давно собираюсь. Помнишь Женьку? Ну, который еще с нами в институте...

— Естественно, помню хорошо, как он к тебе неровно дышал, а ты... ровно. Что же теперь?

— Не теперь, а уже давно...

— Хорошо, что давно?

— Ты и вправду не можешь мне помочь.

— Ах, простите великодушно, я еще и помогать должен. Скажи, он что, твой любовник? Давно, скажи, давно?

Арсений не помнил, как схватил Соню за руку и так крепко сжал, что она вскрикнула. Но он не отпускал и все повторял про любовника. Наконец она высвободилась из его рук и неожиданно миролюбиво спросила.

— А, собственно, что ты так кипятишься? У тебя что, никогда в жизни ничего не было?

— Ты пришла об этом меня спросить?

— Я пришла, чтоб сказать тебе, что я от тебя уйду, все. Я больше так не могу.

— Не можешь что?..

— Не могу видеть тебя, слышать тебя, не могу кувираться в вечном безденежье, не могу, не могу...

— Понятно. Кстати, я тоже. Осточертело все. Да и ты тоже.

— Что?

— А как ты думала? Все еще люблю? Нет, девочка, ошибаешься.

— Знаешь, давай выпьем. Выпьем за понимание. Все ясно. Ты не любишь меня, устал, я ...

— Что же, договаривай. Скажи: «Я не люблю тебя», скажи. Что замолчала?

— Может, я не могу. А он не любовник мне. Это ты ко мне охладел, я знаю. Ты вообще бы хотел, чтобы меня никогда не было, нигде и ни с кем.

— Дура. Ты полная дура.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Они чокнулись, и оба выпили вино до самого дна. Музыка все еще звучала, но не было больше в ее звуках того согревающего чувства, той энергии, какая слышалась час назад. Сломалось что-то у обоих, и сказка не складывалась. Они молчали, и Арсений ухватился за соломинку: «Но она же не произнесла этих слов, не сказала, что есть любовник, вообще толком ничего не сказала».

— Послушай, я погорячился. Давай сначала. Так что ты хотела мне сказать? Что не любишь, что есть другой человек, я понял. Так?

— Не знаю, ты измучил меня, я не знаю, ничего не знаю. Идем отсюда.

— Как, ты же всегда так любила подобные заведения, меня, домоседа, все пыталась выгащить, а я, гад, сопротивлялся. Что же теперь? Нет, нам не подавали еще горячее, а я есть хочу.

И правда, как раз в это время официант стал раскладывать из скворчащей сковородки мясо и поливать еще чем-то сверху. Они дождались окончания этой процедуры, и Арсений налил по бокалу вина снова. И предложил:

— Давай сыграем...

— Ты ли это? Ты же не любишь играть.

— Да, я. Если мясо окажется вкусным, сочным, мы помиримся и пойдем домой.

— Господи, здесь же так легко обмануть.

— Вот ты и попала. Зачем обманывать? Предпочитаю говорить правду. Это ты всегда ловчишь и скрываешь. Вот и теперь не стала говорить прямо, так и не смогла пересилить себя. Так как, играем?

Они принялись есть мясо, которое на редкость было мягким и имело необыкновенный вкус. Соня сидела, опустив голову, ела неохотно, но согласилась, что блюдо прекрасное, и что не стоит торопиться.

— Беда в том, — начал Арсений, — что ты всегда была слишком уверена во мне, знала, что я всегда под рукой, никуда не денусь.

— Хорошенькая беда. Что же из этого? Все время подзревать? Ты, кажется, и повода не давал.

— Я-то — да. А ты?

— Снова ты за старое? Я хотела только сказать, что Женька, урод, пригласил нас обоих к себе.

— Так я и поверил — обоим.

— Да, именно так.

— И что я там забыл? Тебе надо, ты и иди.

— Всегда так. Ты сам меня провоцируешь на плохое.

— У кого этого плохого и в помине нет, не больно спровоцируешь.

— Пригласил, да, но это не главное. Я правда хочу уйти от тебя.

— Ой, насмешила, ой, не могу, — заливался Арсений. — Что ты есть-то будешь? Или тебе готовить к тому же будут?

— Будут, — буркнула Соня и, не чокаясь, допила свое вино.

— Я убью тебя. Слышишь, так и знай, убью, — совершенно серьезно сказал Арсений, и Соня слегка поежилась от его тона и самих слов.

— Я всегда знала, что ты сумасшедший. У меня все прошло, я больше не хочу врать. И у меня совсем не Женька.

— Понятно, старый хрыч, который по тебе двадцать лет сохнет?

— Тридцать, — поправила Соня, а сама покачала головой.

Она отвернулась к окну, ей показалось, что на нее кто-то смотрит сквозь толстое стекло. И она не ошиблась. Этот кто-то почему-то помахал ей рукой, затем появился в помещении и сразу же направился к их столику. Он учтиво поклонился Соне, но обернувшись к Арсению, произнес: «Вот вам письмо. Простите, что помешал». —

«Обождите, что за письмо, от кого?» Незнакомец еще ниже склонил свою черную голову и еле слышно добавил: «После, сударь. Потом поймете. А теперь, — и он раскланялся, — прощайте».

С этими словами он не то чтобы удалился, отошел, или еще произвел какое-то действие, нет, он просто испарился. Соня сидела как замороженная, не в силах произнести ни слова, а Арсений измученно улыбнулся и совсем глупо произнес: «Это, наверное, кто-то из редакции, потом прочту». — «Нет уж, дорогой, давай при мне, это ведь ты у нас такой честный, читай, что же ты? У тебя ведь нет от меня секретов, не правда ли?»

Арсений вытер со лба проступивший пот и развернул сложенный вчетверо лист бумаги. На нем крупно было выведено: «Милостивый государь, сегодня в полночь буду ждать вас на вчерашнем месте. Поторопитесь».

Соня выхватила страницу, пробежала по ней глазами и расплакалась. «И это ты — честный?» С этими словами она рванулась к выходу, схватила в охапку свое чудесное пальто необыкновенного цвета и на крыльце наткнулась на неизвестного господина, только что передавшего письмо. «Не сердитесь, дитя мое, все еще впереди. А впереди, знаете, так много всего». Он приподнял край шляпы и снова исчез.

Соня шла, теребя в руках свою шапочку и плакала. Она ничего не понимала и только вспоминала, с чего, с какого момента началось то страшное, что так скоро и омерзительно вошло в ее жизнь. В их жизнь. С кого все началось: с нее или с мужа? Она задавалась вопросом, кто виноват, а сама боялась оглянуться и не знала, идет ли за ней странный человек или отстал и кто он вообще, отчего это он позволяет быть с ее мужем запанибрата? Что означает это письмо и что произошло вчера, если в письме говорилось «как вчера»? Ей хотелось одновременно бежать, чтобы не идти вместе с Арсением, но страх не позволял отходить совсем уж далеко. Наконец она остановилась и совсем-совсем горько разрыдалась. Тут-то ее и настиг Сеня. Он прижал ее к себе и прошептал: «Ничего не бойся, это так, глупости, потом все расскажу». Она попыталась сначала вывернуться, но потом как-то сникла и прижалась к мужу, больше не делая попыток отстра-

ниться. «Какая я дура», — говорила она про себя, а потом это же произнесла и вслух, и в это мгновение Арсений ощутил такое необыкновенное счастье, что готов был на любые жертвы, на прощение, на вечные муки со своей Сонечкой, лишь бы только она была и была всегда.

Однако оба почувствовали наконец, что пора двигаться к дому и двинулись вместе, под руку, не говоря ни слова. Шли молча и не обсуждали, дожидаться ли автобуса, ловить ли машину, — просто шли и шли. И все-таки пешком добраться было нелегко, и оба, снова не сговариваясь, добежали до автобуса, проехали три остановки, и еще минут семь шли до дома. Оба посмотрели на темные окна, и в каждом шевельнулась похожая мысль о том, что дом — это так много в жизни, и хорошо, что он есть.

Не доходя до подъезда, Арсений внезапно схватил Соню за плечо, развернул к себе, крепко прижал и спросил: «Скажи, вот здесь, прямо сейчас, ты верна мне? Любишь ли?» Соня отстранилась и ничего не ответила. Арсений быстро нажал нужные цифры на домофоне, и дверь открылась. Вошли в квартиру молча, и Арсений первым делом достал куртку и убедился, что горсть на месте. Он поставил чайник, пока Соня переодевалась, но к ней больше не подходил и несколько раз смотрел на часы: до полночи оставалось сорок минут. «Неужели этот кошмар повторится снова?» — подумал он, но страшно отчего-то не было и он стал расставлять чашки. Соня пить чай отказалась, и Арсений остался на кухне один.

Он вертел в руках свою любимую кружку и вспоминал, как принесла ее жена и подарила в День защитника отечества. По-старому — к 23 февраля. Было это лет семь назад, жили они еще на другой квартире, и все тогда было совсем не так: оба еще надеялись, что нашли свою половинку, что счастье возможно, и что хорошо, что они вместе. Но шли годы и за прошедшие семь лет многое претерпело изменения. Он вспомнил, что однажды, когда они согласились поехать на пикник с ее работы, он заметил этого противного длинного мужика, который все увивался за его женой и делал это до неприличия навязчиво. Еще в то время Арсений не то что забеспокоился, в ту пору еще речи о ревности, о настоящей ревности не было, но осталась зазубрина, что-то такое, что подсказывало:

не будет ему Соня верна вечно. И то, как она общалась, как осторожно кокетничала, как, словом, не оставалась равнодушной к ухаживаниям этого типа, — заставило Арсения еще тогда напрячься.

Он и не предполагал, что ощущения страха тех минут так закрепятся и обретут реальные очертания опасности. Теперь же он не знал почти ничего о своей Соне: ни где она по-настоящему бывает, ни с кем общается, ни — главное — о чем думает. «А правда, мечтает ли она? И почему не уходит от меня, если разлюбила? Что ее удерживает, одна только инерция?»

Так думал ревнивый муж, и прервал его мысли стук в окно. Он встрепнулся и увидел вчерашнего незнакомца. Был он так же морщинист, стар и неухожен. Однако страха не было и он решился: «Послушайте, уважаемый, вы что же, решили, что я так туп и что буду вам подчиняться?» — «А куда ж деваться?», — услышал он прозаический ответ, и окно само по себе распахнулось, и старый дядька снова махнул рукой.

Все повторилось, но только летели они теперь совсем другим путем. Не было Тульской, не пролетали над Ленгорами, Москва вообще почему-то быстро закончилось, и возникло пустое голубоватое пространство, усеянное звездами. «Это, наверное, и есть рай», — подумал редактор, и старец устало тряхнул головой. «Вы что же, и мысли мои слышите?», — спросил Арсений, на что его спутник как-то обреченно заметил: «Что делать, такая работа».

«Ничего себе, у них что, тоже есть работа? И вот этот путь — одно из заданий?» На эти мысли был снова утвердительный ответ старого человека, при этом добавившего: «Позволю себе дать вам один совет. Не сильно ерпеньтесь, только хуже сделаете». Он замолчал, а Арсений снова подумал, что вся эта чертовщина или фантасмагория просто так не закончатся, что-то непременно случится. «Случится, случится», — подтвердил старый, когда они оказались у некоего подобия ворот, и им навстречу выпорхнули две милые девочки в голубовато-серых одеяниях, с крыльшками за спиной. Были они так игривы и веселы, что Арсений не удержался: «Вы что же, ангелами тут будете?» Они весело засмеялись и, взмахнув крыльями-руками, улетели. «Рай что ли?» — успел подумать Ар-

сений, но его остановил человек в темно-синем, который держал в руках вещь, похожую на плетку, и, подходя, помахивал ею и постукивал о все ту же, что и вчера, твердую почву.

«С прибытием, Арсений Павлович», — приветствовал он гостя, а сам уже шел к своему необыкновенному то ли трону, то ли ложу, которое формой повторяло человеческую фигуру, но на котором вряд ли было удобно возлежать, ведь на мраморе долго не высидишь. Однако человек удобно расположился и вдруг сказал, что его, кстати, зовут... «Лель?» — вдруг отчего-то спросил Арсений и получил утвердительный ответ. Человек ни чуточки не удивился, что было угадано его имя и только добавил, что он одинаково легко обретается как здесь, так и на земле. «А где это — здесь?» — осмелел Арсений. — «Много будете знать... далее по тексту». — «Понятно. Но не все. Например, зачем я вам нужен и что вы собираетесь со мной делать?» — «Да ничего особенного, просто уберечь». — «Отчего это?» — «Да так, от многого, узнаете».

Арсений неожиданно вспомнил, как в детстве его мама, дорогая его мама, всякий раз, когда он попадал в сложные ситуации с мальчишками, а потом и с девочками, все приговаривала: «Господи, да как же тебя уберечь?» Действительно, сложная это была задача. Но там, далеко, — мама, которой теперь уже нет, а что здесь? Он не то, что совсем уж не понимал происходящего, нет, скорее, с точки зрения химических превращений элементов и перехода их в другое состояние (неважно, жесткое или мягкое) твердо знал, что меняется не просто структура вещества, его свойства, но и способность реагировать на изменения как земные, так и небесные. В какие-то мгновения он осознавал, что происходящее с ним — либо плод глубочайшего погружения в фантазии, сподвигнутые все той же заикленностью на работе и ожиданием необычных результатов, которые он ожидал в ходе своих реакций. Это была его тайная миссия, о которой не знал никто, только друг и сподвижник Серега. Вместе они приготовили такое и приготовились к такому, что все реальные нынешние события жизни были сущим пустяком по сравнению с грядущими переменами не только в области биохимии, но и в представлении человека о вселен-

ной, ее законах и особенностях. Подумаешь, неземная цивилизация! Это могло быть что угодно! Не только невероятное напряжение ума, но и умение человека входить в иные сферы, которые не открывались, естественно, всем и каждому. И Арсений предполагал, что отчасти сам спровоцировал подобное превращение с собой.

Но положила руку на сердце, он не мог не сознавать, что в большей мере и на самом деле замешаны здесь совсем другие силы, и это новое, что так или иначе вошло в его жизнь, принимало какой-то зловещий оттенок.

«Обернитесь назад, во-он туда», — услышал он голос, обращенный к нему и сразу же посмотрел в ту сторону, куда было предложено. Вдалеке, но довольно отчетливо, из звездной темноты проступали фигуры. Были они, однако, весьма странными. Замотанные в белое, они сидели, прислонясь к барьеру, который и поддерживал их, и было такое впечатление, что верхняя часть, а попросту голова у них отсутствует. Фигуры были недвижимы, и сине-черный Лель прокомментировал: «Вот что делает война, куда приводят распри. Люди перестают верить в то, что они люди, и каждый из них — человек. А главное, что есть самая священная заповедь — не убий, которой во все времена пренебрегал человек. Он помнил ее, знал наизусть, но обстоятельства, ситуация, внезапный переплет событий и собственная несдержанность, ревность, алчность, страсть и страх приводили к одному: человек исключал эти слова из своего этического обихода, он считался с эффектом, находил оправдание себе в любой, не имеющей прощения, ситуации, но не сдавался: оправдывал себя. Позднее, много позже приходило раскаяние и страх за содеянный грех, но в минуту напасти слабая человеческая плоть противостоять силе духа не могла. Да и вряд ли пыталась. Достоинство вообще было не в счет. Не говоря о чести».

Арсений взглянул на Леля и спросил: «Сам-то он что, безгрешен? Почему так яростно напоминает о главной заповеди людей?» На это странный человек в темно-синем ответил не сразу, а долго сидел на своем мраморном изваянии и перестукивал плетью то по ногам, то по поверхности площадки. «Я не безгрешен, и так бы хотелось предостеречь тебя от непростительной ошибки, от того,

после чего уже не будет прощения: ни лично тебе высшими силами, ни собой».

— И что же, гуманнее воздержаться? Не погружаться в плен ревности и подозрений, которые испепеляют душу, изгрызают сердце, все внутренности, ты уже не принадлежишь себе и не знаешь, кто ты: еще человек или просто орудие, в руки которого вложены ножны? Ты начинаешь мстить, находя в таком действии единственно возможный путь освобождения. Он сладостен. Сладок и опасен одновременно. Таит опасность — да, но и какое блаженство предвкушения от мысли, что будет ПОСЛЕ!

— А после, уважаемый, ничего не будет. Ни ваших сумасшедших опытов, ни мечтаний, ни прогулок по лесу, ни просто ее, Сониного живого присутствия в доме. Как вам это? Понимаете, вы сейчас заикнулись на первом этапе — освободиться и обрести покой, перестать подозревать и не мучиться. Но ведь потом, совсем потом вы станете страдать ничуть не меньше. Больше, уверяю вас. Вы видели эти остатки людей, которые имели семьи, сражались за справедливость, защищали родину и религию и жили, надо сказать, почти в одном месте. Это такая точка на земле, вам, вероятно, известная, где сходятся три религии. Они разные, но ведут к одному, к Господу, хоть и называется он у всех по-разному. И вот это-то место на земле и является самым проблематичным. Здесь наибольшая концентрация войн, потенциальных жертв, терактов, всего того, что только может привести к вражде и уничтожению. Эти люди, — он кивнул в сторону странной группы людей, — тоже чего-то хотели. Один просто не желал воевать, но его вынудили. Другой прятался в подвале, но его извлекли и заставили. Третий побежал сам и в тот же день угодил под бомбу. Лишь один взвесил все и отправился защищать родину. Не спонтанно, не с кондачка, а осознанно. Но был не обучен и не знал, что нужно для этого, кроме любви к своему дому, матери, соседям? Он шел и верил и молился, чтоб его не тронули. И в его намерении была святая простота и беспечность одновременно. А тот, что с краю, просто продавал цветы и оказался самой страшной жертвой, в самом эпицентре сражения. Вот такой переплет. Непродуманность их действий, необученность и отсутствие системы привело к та-

кому страшному результату. Война почти не может быть предсказуема. В ней всегда есть элемент импровизации, предательства и неожиданности. Зачем она человечеству, ты не знаешь?

— Знаю. Чтобы продвигаться вперед и в этом эволюционном движении, с точки зрения масштабности происходящих на земле процессов, есть свой резон. Человечество обновляется, омолаживается, начинается прогресс именно после войны. Страны, которые не воевали, так и живут в полухломе состоянии. Но это не выход. Выход прост, и он один: совершенствование человека. Вряд ли это возможно, но стремиться к этому надо. А что, кстати, совершили вы? И по своей ли воле здесь? Зачем спускаетесь на землю?

— На землю, чтоб газеты почитать, быть в курсе модных тенденций, а если всерьез, то рассматривать человеческие лица, проследить их поступки — от зарождения до исполнения. Но вас, вот, почему-то стало жаль и я решил попробовать помешать адову замыслу, решил избавить вас от дальнейших страданий. Это теперь вы жаждете их, вы преисполнены желания сотворить свое право на возмездие и суд. А что такого страшного сотворила ваша Соня? Правду говорить не любит? — и в этом все ее прегрешение? Романчик завела? Вам не смешно? А мне так прямо очень. По сравнению с тем, что пережил я, — это сущие пустяки.

— Что же такого сотворили вы?

— Я предал друга, лучшего своего друга, приревновал к жене, а потом утопил его. Но он выжил и хотел даже простить меня, а я поначалу попал в психушку, затем кое-как выкарабкался и решил сам, что жить больше не достоин. Но такие люди мечутся весь век, проходят сквозь тысячелетнее развитие земли, почти живы, у них имеются привилегии в виде полетов на землю, но они никогда, слышите, никогда уже не попадут ни в ад, ни в рай. Сносные условия существования — не больше. И так — до бесконечности. Это на земле мы мечтаем о лишнем хотя бы годике, лечим болезни, продлеваем жизнь физкультурой, солнцем, воздухом и водой, а здесь... Здесь ничего этого нет, никакого солнца, а уж — тем более — воды. И цикл этот бесконечен. Нет ни смерти, ни подлинной жизни,

так и возвращаемся в бесконечности бытия и столь же бесконечно. Ни уйти, ни изменить что-либо мы не властны.

— А эти? — и Арсений кивнул в сторону белых одежд.

— А эти попадают сюда время от времени, чтобы мы не забывали про ад на земле и что рая вне ее нет. Но там строить его мы не желаем: времени нет, средств, лень одолела, неохота. Без мотиваций.

— Вы так четко все изложили, спасибо, что предостерегаете меня, но в одном с вами не соглашусь: случись даже сейчас что-то из ряда вон, вы проявитесь именно как человек: и в морду дадите, и даже...

— Что, договаривайте?

— И способность убить, коль вы все еще остаетесь человеком, никуда не подевалась, она при вас, нужен только случай, только повод, чтобы это проявилось. Вы сами себя обманываете. И случай такой, я думаю, представится. Может, даже скоро. Знаете, у меня к вам маленькая просьба: не пугайте Соню, а я подумаю, может, и правда что-то изменю и переосмыслю?

— И избавитесь от таблеток?

— Ох, это дело нехитрое. Пожалуйста. Грех уже в том, что я собирал их, в самой подготовке. Если бы спонтанно, неожиданно, вы бы, надеюсь, не осуждали меня, так?

— Я против убийства.

— Жена-то у вас была? Любили? Ревновали? И что вы хотите, чтобы миленько так отказаться от всего, уступить дорогу, да на зеленый еще и перевести обидчика к своему собственному дому?

— Жена меня даже не хоронила, но я ее все равно люблю. Даже сейчас, несмотря ни на что.

— Вот, стоп. Стало быть, работают главные истины: люблю — убью? Есть она, эта любовь, которая вопреки логике и рассудку? И с ревностью тоже совладать — извините, не по силам оказалось. Откуда же эта склонность к проповедям? Вы — не самодостаточная личность. Глупо, скажу я вам, давать советы. Вы вот лицедействуете тут, дидактикой занимаетесь, обучить целомудренному взгляду на мир желаете, а сами? Сами ничего не умеете. Случись сейчас нечто, что заденет лично вас, — не устоите, вззоете, да еще как. И пойдете дальше, если рана будет болеть и становиться глубже. Нет, уважаемый, противо-

речия человеческой природы еще никто не отменял. На том и стоим. И весь мир балансирует на этой хрупкой грани любви и неправды, ненависти и абсолютной, безоглядной веры. И вам я уж точно не верю.

— Ах ты, молокосос. Врезать бы тебе и правда, да ладно, не ко времени теперь. Уходи. Но разговор наш не окончен. Ты пройдешь сквозь такие испытания, что мало не покажется.

— Чем же? Любовью, возрастом, профессией?

— И этим тоже, но главное — представлением о добре и зле. Это только в золотом детстве все поделено на белое и черное, на белых и наших, красных. А я тебе устрою головоломку: ты начнешь путаться и теряться, хвататься за соломинку в поисках правды и сбиваться на преступные мысли и планы. Ты запомнишь меня.

— Может быть. А ты так и остался мстительным. Ни небесная жизнь, ни земные путешествия тебе нисколько не помогли. Прощай! Не провожай, я знаю дорогу.

— Постой, путешественник, я хочу тебе кое-что сказать. Мое имя, мое настоящее имя — Марк.

— Может быть, Марк Аврелий и жил ты году так...

— Нет, жил я в этой эре и зовут меня просто Марк Рельсов. А Лель я только на земле, и то для таких слабаков, как ты. Это же не может быть мужским именем, правда? Ну что значит, в самом деле, Лель? Ни-че-го, иллюзия из сказки.

— Ты путаешься. Ты, а не я. Пока человек остается человеком, то он совершает все: и зло, и добро. И ничто никогда его не остановит, иначе остановится само развитие цивилизации, развитие человечества. В поисках отказа от зла, на пути к воплощению заповедей и их неисполнению он существует. Только так. Где ты видел кастрированное общество? И сам попал и теперь проповедуешь? Да кто ты такой, чтобы этим заниматься, Господь Бог? Он и тот молчит.

— А если я тебя не выпущу?

— Вот-вот. Пожалуй, единственное, что ты сможешь сделать. Но ты забыл об интеллекте, силе ума и духа, в конце концов. Я, а не ты сделаю так, как надлежит. А будет любопытно, сам к вам пожалую. Может быть.

С этими словами неведомая сила подхватила Арсения

и оттолкнула от странной ребристой поверхности, похожей на автомобильные шины. Он полетел. Пролетел путь до дома в полном одиночестве, не заблудился, не испугался и неожиданно понял, что он может все, ну, или почти все. Силой своего интеллекта, огромным потенциалом сил, о котором он даже не догадывался, он, оказывается, способен превозмочь все: даже возвращение отсюда, откуда вообще-то не возвращаются.

Свет дома не горел, его явно не ждали, но это обстоятельство его почему-то не расстроило, напротив, он даже обрадовался. Прошел на кухню, поставил чайник на плиту, заметил, что все прибрано и взял в ванной куртку, в кармане которой лежала та самая горсть. Он нащупал ее, затем высыпал на стол, сгреб и хотел было спустить в унитаз, как что-то остановило его, и он решил, что ничего, пусть лежит. Пусть останется своего рода искушением, запретом, притягательной и спасительной вещью, которую не стоит использовать по назначению в таком количестве. Назначению первоначального плана. Он подумал, что если у него столько сил и вдохновения и мужества, неужели он не сможет пережить такую утрату, как нефизическую, слава богу, потерю жены? Но не совершит греха, который не то что всю оставшуюся жизнь отмаливал бы, но и мучился бы еще вдвойне тем, что взял на себя роль судии. Если бы спонтанно, под воздействием обстоятельств — другое дело, а тут все иначе. Нет, разнести все в пух и прах — это пожалуйста, сил хватит, а исподтишка, медленно и изверски — нет, не пойдет.

С этими мыслями он налил себе стакан чая, почему-то на этот раз игнорируя кружку, поставил его в старейший престарый, мамин еще подстаканник, и с удовольствием от какого-то завершенного дела отпил глоток. Почему-то ему показалось, что произошло событие, важное и значительное, и связано оно было не только и даже не столько с полетами, но с его поведением и, как ему представлялось, с определенной победой, одержанной в разговоре с бывшим живым человеком. И он подумал, что не может простой смертный, хотя и бывший и имеющий опыт предательства и раскаяния, судить, миловать, наставлять и прощать. Сам, только сам человек проходит все сполна, расширяется и насыщается опытом. И никто, ничей, са-

мый показательный образец не может служить опорой и примером. Сам.

Ему было спокойно и комфортно, он подумал, что завтра же после работы отправится в свою лабораторию и засядет за эксперимент, который дожидается его вот уже десять дней. Ну, а если снова позовут слетать, — что ж, он готов. Он готов быть оппонентом, у него есть линия, позиция, в конце концов. И это придавало силы.

Ночь была в самом расцвете, и он подошел вплотную к окну, не боясь увидеть чье-то лицо. Звезды, серые с блеском, светили и жгли, призывая к каким-то поступкам и осмыслению прожитого. Никуда они, конечно, не призывали, но свет их был столь притягателен и неназойлив, что и впрямь хотелось сделать что-то совсем необыкновенное. Например, просто пойти и принять душ.

Когда он вышел из ванной, то услышал стук. Стучали в их дверь. Странно, что не звонили, а именно стучали. Он подошел и глянул в глазок. Никого не увидел и остался стоять у двери. И вдруг разобрал чьи-то слова: «Можешь не открывать, я не против, но поговорить придется. Соня не любит тебя, ясно. Вот так», — добавил человек, которого не было видно через глазок, и Арсений распахнул дверь. Перед ним оказался небольшого роста человек в шляпе, в старомодном пальто, из кармана которого торчал шарф. Оценивающе глянув на ночного гостя, Арсений вдруг рассмеялся и сказал: «Послушайте, вы что же, дуэль предлагаете? А просто подраться не хотите?» — и на этих словах он размахнулся и со всей силы врезал незнакомцу в грудь. Тот упал и лежал неподвижно. Арсений стоял. Наконец тот пошевелился и произнес: «Она правда вас не любит». — «А, значит, любит вас, вы это хотите сказать?» — «Нет, и меня не любит». — «Господи, да кого ж, по вашему, она любит?» — «А никого», — был ответ.

— Знаете, это тоже вариант. А вы пришли, чтобы сообщить мне об этом? Часом не перепутали адрес? А, может, время суток? Сейчас три часа ночи. Как вам? А, наверное, просто не спится, да? Хотите, кстати, чаю? Вы же убивать меня не станете? У меня в последнее время замечательные знакомцы объявились, из разных, знаете, сфер: земных и небесных.

— Ой, больно. А что, вы правда можете дать чаю?

— Не уверен, что это нужно делать прямо теперь, но... впрочем, входите. Сами встанете?

Мужчина поднялся, отряхнул свое пальтишко, поднял скрученный в клеточку, видавший виды шарф и направился в квартиру. Арсений снова рассмеялся и ободрил мужчину: «Не робейте, чего уж там, всякое бывает. Вы как предпочитаете, с вареньем или без? Да раздевайтесь, можете руки помыть». Мужчина пошел в ванную, где недавно с наслаждением смывал с себя следы ночных бдений редактор, а хозяин дома запер дверь и подивился насыщенности не только сегодняшнего вечера и ночи, но последних двух суток. «То пусто, то густо, так всегда в жизни», — подытожил он и пригласил гражданина на кухню.

«Да, кстати, как ваше имя или это секрет?» — «Не смейтесь надо мной, я из лучших побуждений». — «Скажите, а из лучших побуждений нельзя было дождаться утра хотя бы?» — «Видите ли, я давно вас поджидаю, но то не решился, то вы не отзывались. А потом, знаете, заснул. Прямо на подоконнике. Посмотрел на часы, показалось всего 12. Я и решился. Оказывается, ошибся. Извините». — «Да что уж там!» — великодушно произнес Арсений, и ему по-прежнему было весело. «Ну, рассказывайте, — подбодрил он ночного гостя и придвинул ему чашку с горячим чаем. — Кто же любит нашу Соню и кого любит она?»

— Меня зовут, между прочим, Аркадий Запесоцкий. Мне 43 года, я не женат...

— А были?

— Уже не помню. Неважно. Ваша жена вам не верна.

— Ну и что из этого следует?

— Да вы и правда садист. Мне говорили.

— Врали, уверяю вас, врали самым наглым образом.

— Как можно жить с человеком, который изменяет?

— Во-первых, это еще не факт, а в главных, из любви. Представьте, из любви можно все. Или почти все. Вы не знали? Жаль.

— Не знал. Как только мне изменили, а это случилось в первые же полгода нашей совместной жизни, я ушел. Оставил все и ушел. У меня больше не было ни женщин, ни жилья, ничего.

— Только потребность делать добро.

— Нет, не смейтесь, я состою членом одного общества. Там все — друзья.

— Как же, так я и поверил.

— Нет, правда, меня подкармливают, сдают угол.

— Знаете, спать в углу вредно, пусть вам сдадут середину квартиры или комнаты.

— Вы что все насмежаетесь? Вам не горько разве?

— Я? Да Бог с вами.

— И вам не страшно, ну, то, что я сказал?

— Нет. Совершенно. С чего вы взяли?

— Я ведь по заданию, меня прислал наш председатель.

— Бред да и только. И что же, предложили сообщить гражданину такому-то, что его супружница не верна ему, пусть принимает меры, причем, срочно. Так?

— Почти. Чай у вас хороший, необычный, красный какой-то.

— Скажите, любезный, вы Соню мою в глаза видели?

— Не случилось.

— Жаль. Хотя нет, может, вам просто повезло, а то влюбились бы. В нее все влюбляются. Пейте, пейте. Вам сегодня есть где ночевать?

— У меня угол...

— Да, я помню. Так что будем делать, Аркадий? Спать или в свой угол пойдете?

— Пойду, пожалуй, мне не поверят, что вы меня еще и приютили.

— Как знаете, не настаиваю. Заглядывайте, если еще какое задание получите.

— Спасибо.

Когда Арсений закрыл за ночным визитером дверь, на улице совсем посветлело. Звезды все еще дразнили своим искрящимся светом спящее и бодрствующее человечество, и не было в их искрах того раздражающего напряжения, какое испытал Арсений всего пару дней назад. Тогда, когда задумывал свой зловещий план и готовился совершить то, что уже сегодня казалось ему безумием и нелепостью. Уж лучше страдать и мучиться, но нет, только не это.

Он решил не ложиться совсем и только теперь надумал заглянуть в Сонину комнату, где маленькая красная лампочка так и не была погашена, и это была ночная обязан-

ность Арсения — выключать телевизор и гасить свет, когда жена уже спала. Странная и смешная была у нее привычка — засыпать под телевизор. Светлое утро подкралось и к окнам ее комнаты. Лицо жены было безмятежным и, как показалось Арсению, счастливым. «Что ж, пусть так», — решил редактор и снова вышел на кухню.

Ему почудилось на какое-то мгновение, всего лишь на миг, что все пережитое за последние дни, — не более чем сон, и больше никогда не повторится. А если и случится нечто подобное, он знал, как действовать. Растерянность первого визита ТУДА сменилась уверенностью и полной ясностью своей позиции. Нет, ничто не может изменить человека, как бы он того не хотел. Меняются формации, образ жизни, нормы, которые придумывает сам человек, наконец, идеал, тоже меняющийся во времени, но только не он, этот человек. Разве пример Ромео и его Джульетты не повторяется многократно и в разных странах все снова и снова? Разве до сих пор не исчерпали себя семейные, клановые распри, вопросы финансовой состоятельности и среды? Человек другого круга, наш — не наш существовал всегда и всегда не вписывался в общие установки и правила.

А кто, собственно, он и из какой среды, что Соня ему кажется существом неземным и неравным ему? Вот ведь парадокс: именно он, а не она происходил из старинного графского рода, о котором в недалеком прошлом и писать-то, и говорить было не принято. А вот внешнею, манерами — не вышел, здесь верх держала Соня, хотя была из самой обычной семьи врачей. Тоже, конечно, интеллигенция, но уже нынешняя, взрослая в советское время, да еще в далеком азиатском крае, куда семья попала во время войны. Известный хирург, Петр Петрович, который был ее отцом, прошел войну, оперировал до последнего своего дня, и так и умер у себя в кабинете. Мать лечила женщин, была мягким, доброжелательным человеком и умерла всего два года назад.

Именно с этого времени с Соней что-то произошло. Она могла не прийти домой, хотя обещала к такому-то часу, могла явиться выпившей, могла соврать, что мучило его больше всего, а главное — у нее появились новые друзья, которых он не знал, только понаслышке и только

по телефону и которые, он в этом был уверен, не вели ее ни к чему хорошему. Она замкнулась, не рассказывала, как прежде, обо всем на свете, и складывалось ощущение, что жила она совершенно самостоятельной, отдельной от него жизнью.

Но как же любил он это хрупкое создание! И чем больше она изворачивалась, плела всякие несурезицы, игнорировала его, порой просто не замечала, он тянулся к ней все больше и его чувство, которое и всегда-то было достаточно сильным, стало еще значительнее.

Он нащупал в кармане куртки свое страшное оружие и отдернул руку. Что мешало взять и выбросить вот сейчас, немедленно эти окающие таблетки? Однако ведь что-то удерживало его от этого шага?

Он наскоро перекусил и ушел, не разбудив ее. Подумал, может, как раньше, оставить записку, но повертел бумагу и не написал ни слова. Так чистый лист и остался лежать на столе. Потом он и об этом сокрушался, что она может понять это как некий знак совсем не в пользу дружбы и любви. Но махнул рукой и больше к этой мысли не возвращался.

На работе было все по-прежнему. Подводила глаза Вера Ивановна, опаздывала Маргарита Никифоровна. Но что самое удивительное — его рукопись была в полном порядке, листы не склеены и вообще стол резко отличался от других подобных своей чистотой и прибранностью. Никаких скоплений бумаг, неразберихи. «Интересно, — подумал Арсений, — неужели я сам до того дошел, что навел такой марафет?» И в эту минуту он услышал странный шорох. Звук был похож на скольжение по стеклу, но временами он становился более скрежещущим и неприятным. Странно, но Вера Ивановна словно не замечала ничего, что нарушало бы тишину. Напротив, она едва ли не восторженно сообщила, что вскоре, а именно двадцать девятого числа ее дочь Даша выходит замуж и что вчера будущий зять приходил просить ее руки. «Моей ненаглядной», — добавила она, и Арсений с подошедшей Маргаритой переглянулись, так как отчетливо помнили, как хороша была ее Даша. Длинная, с худыми ногами, впалыми плечами, устремленным куда-то вдаль взглядом, она, казалось, всегда смотрела мимо вас, и это создавало

крайне неудобным общением. Но для матери, понятное дело, дочь олицетворяло красоту. Маргарита спросила довольно язвительно: «А что зять, высокого роста?» На что Вера Ивановна ответила, слегка обидевшись: «А что, это имеет какое-то значение? Ну, чуточку ниже, ну и что из этого?»

Разговор не клеился, и тут Арсений снова подумал о Соне и решил, что, скорее всего, ничего не сможет с собой поделаться. Ни доводы рассудка, ни здравый смысл, ни просто ее божественная красота не смогут изменить его намерения страшного плана. Да, в какие-то минуты, даже дни он успокаивался, и ему казалось, что все еще возможно, в том числе и счастье. Но возникал новый случай, новый эпизод, в котором Соня снова что-то врала, выдумывала, пряталась, скрывала, и он не находил себе места.

Но вот же, ходили совсем недавно в кафе, со стороны — полная идиллия. А что было у него на сердце? Он сидел, смотрел на нее и думал, пытался понять, что занимает ее ум сейчас, о ком и о чем думает она сама? И не находил ответа. Она всегда умела остаться сама по себе. Даже в редкие минуты ее участия и прикосновений к нему, у него внутри все сжималось и начинало казаться, что и в этот момент она играет и скрывает какую-то тайну.

«Может я просто болен?» — не раз задавался он вопросом и однажды пошел к врачу. Седая пожилая женщина смотрела куда-то мимо него, почти ни о чем не спрашивала, а только велела назвать самую главную, на его взгляд, причину, по которой он явился. Он долго соображал, что можно ответить, и не нашел ничего лучшего, как сказать, что слишком сильно, видно, любит свою жену. «Так и хорошо, и любите себе», — сказала докторша и насмешливо посмотрела на него. Но он решил, что не уйдет, пока не произнесет мучающего его. И он нелепо сказал: Скажите, а у всех бывают мысли об убийстве?» — «Суицид что ли?» — буднично поправила дама-врач, но Арсений не унимался и сказал снова: «Нет, когда сам хочешь другого...» — «А, вот вы о чем...» — протянула докторша, но не проявила к пациенту никакого интереса. Видно, за долгие годы наслушалась так много всякого-разного, что удивить ее было уже просто нечем. «Да нет, — не унимал

ся Арсений, — когда жизнь другого, близкого даже человека, становится в тягость, когда ты мучаешься и не знаешь, как жить». Седая дама посмотрела наконец на него и сказала, что сейчас выпишет таблетки, которые навсегда избавят его от подобных мыслей. «Хорошо бы!» — протянул Арсений и уже понял, уже окончательно понял, что никто и никогда не сможет ему помочь. Даже и он сам. И — тем более сам.

Он поблагодарил врача и заверил, что непременно станет принимать таблетки и что, скорей всего, это у него не вполне серьезно. «Серьезно, серьезно», — почему-то решила докторица и села строчить рецепт. «Послушайте, доктор, неужели вы думаете, что вот я, нормальный, сильный мужик, пришел к вам, чтобы получить какие-то там таблетки и таким образом спастись от пагубных мыслей?» Врач оторопело посмотрела на пришедшего, отодвинула свой рецепт и вполне серьезно сказала: «Скажите спасибо, что я именно так отнеслась к вашим жалобам. По хорошему, вас надо не таблетками амбулаторно лечить, а направить в специализированное учреждение». — «В психушку что ли?» — «Вот именно. Но пока, пока, я думаю, сможем обойтись и так. Настоящие шизофреники не делятся так изящно своими планами. Совершают и все». — «А, может, я просто умный псих?»

Врачиха протерла стекла очков, поглядела в окно и сказала: «Может быть, вы и правы и вам стоит полечиться в больнице? Хотите? Только я лично не советую». — «Спасибо, доктор. Когда мне прийти еще?» — «Через месяц. Если удастся, конечно. Всего хорошего. Пишите письма, читайте классиков, меньше смотрите телевизор. А по врачам бросьте ходить» — «Кому письма?» — «Да хоть кому: друзьям, возлюбленным, жене, в конце концов. Главное — пишите. Вспомните Чехова. Жил себе подальше от жены и был страшно рад этому обстоятельству. Не всегда, знаете, близкий человек должен быть под боком».

Арсений ушел тогда от пожилой женщины совершенно обескураженный. Сначала она показалась ему угрюмой, равнодушной мегерой, но потом он понял, что ошибался. Только все никак не мог придумать, кому бы написать.

И вот сегодня настал такой день. Он решил. Письмо

будет отправлено... Тут он поежился, сам не зная почему, а потом стиснул зубы и произнес: «Напишу ей. Пусть почитает. Может, что-то изменится?!»

И он приступил. «Соня, — начал он, — ты помнишь, как у нас на курсе училась Танька Ахмедова? Вроде бы татарочка. Нам всем она нравилась независимым характером, маленьким ростом и тем, что была настоящей злочкой. Но самое страшное заключалось в другом: у нее было больное сердце, но это никак не проявлялось во все время учебы. Ни на лекциях, ни на семинарах — нигде ничего, только очень была бледной. И вот однажды все заголосили, что Таньке стало плохо, и что вызвали скорую и она лежит. Мы побежали смотреть, но увидели всю ту же бледную Таньку, которая и в этом состоянии умудрилась сказать, что лекция сегодня была просто дрянь. И тут приехала неотложка, кто-то поднял ее на руки, и ее увезли. Через неделю она была уже на занятиях, и невольно закрадывалось сомнение, так ли уж больна одна из самых талантливых девушек на курсе. Потом все закончили вуз и благополучно разбрелись кто куда. Говорили, что у нее с мужем вышла неприятная история, и все начали собирать деньги на адвоката, не очень вникая в суть того, что произошло на самом деле.

Она приходила и к нам пару раз, и мы тоже давали какие-то небольшие деньги. Что там было с ее Сашкой, с кем он подрался и не захотел извиняться и потому загремел, — неясно. Ясно одно: Танька вытаскивала своего мужа, хотя про них говорили, что Танька его не любит. Надо же такое. И вот, спустя года три-четыре разнеслась весть: Таня умерла. Сашка продолжал работать в том же институте, он и правда был самым способным на курсе, и вел себя почему-то так, что как будто ничего не случилось. Может, это была такая защитная реакция? Кто его знает...

Соня, я давно хотел тебя спросить, но все не представлялось случая. Скажи, ты давно с этим, ну, с Вадимом? Или Женей, не знаю? Почему ты тогда живешь со мной? Не лучше ли было бы уйти, совсем уйти? Я не буду ни о чем просить, я даже сумею все пережить. Но только не надо больше меня обманывать. Я так жить не могу. Да и тебе не советую. Знаешь, лучше жить легко и просто, ни-

чего не скрывая, ни от чего не прячась. Давай так и сделаем. Я уйду, ты останешься и сможешь поступать так, как захочешь. Но не будешь больше жить с этим грехом неправды и измены. Иначе может случиться непоправимое.

Сегодня смотрел, как ты спишь и понял, что ничего красивее на свете нет. Пока, моя дорогая девочка. Ты не поверишь, но я летал. Нет, не во сне, а самым настоящим образом. И мне предстоит кое-что решить. Время пришло и медлить больше нельзя.

Ты иногда смотри на звезды, может, увидишь там меня?..

Твой Сеня.

Полдень, я не помню, кажется все ушли на обед и вообще ... происходит нечто странное. Я потом тебе объясню, сейчас некогда. Пока, тороплюсь, за мной, кажется, опять прилетели. Не волнуйся, все очень просто, наверное, кому-то понадобилось, чтобы обычный земной человек преступил. В себе самом, в кодексе, который сам себе сочинил и в который верит. Не знаю, устою ли я... Пока».

Арсений запечатал письмо и решил, что именно сегодня вечером вручит его Соне. Нет, можно иначе, по-другому. У них на работе есть нарочный, курьер, одним словом. Можно попросить его, чтобы он сгонял к Соне на работу и вручил ей послание. Так он и сделал. Нашел Михал Ильича, все разъяснил, написал подробный адрес и велел вручить только ей, и еще прибавил, что она самая красивая и что может удивиться, чтоб это его не смущало. Курьер взял под козырек, недаром был отставным военным и ушел.

А Арсений принялся ждать вечера и решил, что не уйдет с работы, пока она не объявится или не позвонит.

Время шло, было уже около четырех часов, дамы в комнате постепенно стали собираться по домам, и Вера Ивановна спросила, как надолго задержится на работе Арсений, а то она ждет важного звонка, а ей пора убежать. Редактор снова, в который раз подивился несурзной логике женщин, которые ждут, но между тем уходят, не дождавшись, и заверил, что пробудет сегодня долго, наверное, допоздна. Так сказать, наверстает вчерашнее. Женщины заулыбались и на прощание предуп-

редили, что они все вышли покурить, если их кто-то спросит. Словом, на тот случай, если кому-то понадобятся. И вдруг Арсений спросил: «Вера Иванна, а у вас дома все хорошо?» У редакторши чуть не выпала пудреница. «А что случилось?» — тут же отреагировала женщина, и ее долго пришлось успокаивать и заверять, что это не больше, чем обычное любопытство. «Успокойтесь, я не хотел вас обидеть. Так, любопытства ради. Мы же давно вместе работаем. У меня вот...» — «То, что у вас, всем давно известно, — зло отпарировала Вера Иванна, — вашу Сонечку много раз видели с этим, ну, с длинным таким, кажется Вадимом его зовут». — «Да они работают вместе, — попытался оправдаться Арсений, — я знаю об этом». Но женщины переглянулись и подытожили: «Надо найти в себе мужество и ...». Они не закончили, что именно он должен был обрешить, по их мнению, но редактору стало так грустно, что он некстати подумал, что сегодня готов на все, на любые битвы и сражения. Он сегодня победит, он верил в это.

Он даже решил заглянуть в соседний отдел, где Галочка, черненькая стриженная молодая особа, давно поглядывала на него и даже звала посидеть в кафе. Он всегда отнекивался, даже когда праздновали ее день рождения. Но вот сегодня решил проявить инициативу.

Когда он открыл дверь, то увидел странную картину: Галочка размахивала пачкой бумаг и орала, что есть мочи, но что и какой был предмет ее гнева, понять было сразу трудно. Напротив стоял Женька, тоже их сотрудник, и Галя кричала именно ему что-то страшное. Она обвиняла Женю в плагиате, в укрывательстве от всех пришедшей почты, в мелочности и скаредности, в том, что он просто некрасив и никогда не женится. Такова была снова женская логика. Как же вовремя оказался здесь Арсений. Он схватил на лету пачку, запущенную явно в Женьку, и примирительно произнес: «А не пойти ли нам, други, куда-нибудь набраться?» Так и сказал — «набраться». Возникло замешательство, листы упали на пол, Галя спрыгнула со стула, на котором стояла, верша свой суд, и изумленно посмотрела на редактора. «Это вы?» — только и сказала она, но Арсений уже собирал с пола огромное количество печатной продукции и приговаривал, что сегодня,

мол, самое время. Женька так обрадовался вошедшему спасителю, что тоже не сразу включился и только глупо спросил: «А у тебя что, именины сердца?» — «И именины тоже», — был ответ редактора, который подошел к стулу, снял с него еле живую Галочку и усадив в кресло, стал махать все теми же бумагами прямо перед ее пылающими щеками. Все это время она не произнесла ни слова. Наконец опомнилась, поняла, что вошел тот самый Сеня, которого она безуспешно пыгалась заарканить уже целый год, но отчего-то все же сказала: «А у вас правда...?» — «Совершеннейшая правда», — нагло соврал Арсений и уже подавал Галочке ее беличью шубку, а Женьке бросал его длиннющий знаменитый шарф.

«Одно условие, — произнес редактор, — мир и дружба, иначе никуда не пойдём». Дерущиеся граждане потушились, не произнесли ни слова, но нашелся Женька, который обнял Галочку и даже чмокнул в щечку. Она было дернулась, но больше не проронила ни слова, и все втроем направились к выходу.

Решали, в какое кафе двинуть; Галочка упомянула о пушкинском «Я вас любил...», но Арсений отмел это предложение, и решено было проехать пару остановок на трамвае и загудеть в очень маленьком приличном заведении, где все по старинке еще таскали свою выпивку.

Боже мой, как же давно он не проделывал ничего подобного! Однако и они купили бутылку водки (расплачивался, естественно, Арсений) и заняли уютное местечко у окна. Народу было полно, он гудел и тоже что-то праздновал. Это было им на руку, потому что так они меньше привлекали внимание, и редактор весело стал разливать белую жидкость по стаканам.

А веселиться было от чего. Стоял жуткий смрад, гул, хотя не было в этом шуме раздражающих, злых звуков. Все словно были настроены на одну общую волну, и волна эта называлась — оторвемся по полной. Поэтому и Арсений сразу же уловил настроение толпы и засмеялся. «Ребята, за встречу! Сегодня у китайцев Новый год. Это священо». Выпили. На закуску им принесли много чего хорошего, и они с удовольствием нажимали на еду.

«Вы чего не поделили?» — спросил редактор у Галочки, но та кокетливо отвела глаза и сказала, что Женька

сам виноват, но она его уже простила. Поднял свой граненый стакан (подавали только такие) Женька и произнес: «Граждане, за любовь! Пусть она хоть у кого-то будет!» И выпил, не чокаясь. Галка завопила, что вот он опять такой, снова отделяется, единоличник, но выручил Сеня, который резонно заметил: «А мы как в Англии, не чокаюсь. Кто как хочет, впрочем. Я вот люблю чокаяться. Давай, Галюня, чокнемся и что-нибудь друг другу скажем. Ну, например, что ты хорошая, и что вообще мир прекрасен». Галюня радостно улыбнулась и добавила: «А что-то вы меня никогда не замечали, а? Что случилось? Или просто настроение?» — «Галюнь, ты мне всегда нравилась, но я не решался», — нагло врал редактор, отчего Галюня аж поперхнулась и томно заметила, что сегодня у нее и правда необычный день. «Конечно, если вспомнить конец рабочего дня в особенности», — съязвил Женька, но Галюня была сама доброта и не стала ворошить прошлое. Ей было куда интереснее другое. Например, правда ли то, что только что сказал Сеня, и что вообще происходит? И что будет дальше, завтра, например? Ох, женщины! — они всегда обожают заглядывать туда, куда нос совать не положено.

В этот момент в окне, которое было совсем рядом и хоть и запотело, но все сквозь него было видно, Арсений увидел лицо. Сомнений не было, это смотрел на него Марк. Или Лель, если по-земному. Смотрел так строго, не ерничал, не строил рожи, не улыбался, а только показывал какой-то пакет, и сквозь гул и хохот веселящихся людей Арсений явственно услышал слова, обращенные именно к нему: «Сегодня в полночь жду вас. А это, — он указал на сверток, — получите в гардеробе». Лицо исчезло, как и испарилась мгновенно веселая редакторская удаль и хорошее настроение.

«Что-то случилось?» — спросила Галя, но Арсений ответил, что ему надо выйти и встал из-за стола. Подойдя к вешалкам, он хотел было сказать, что ему оставили то-то и то-то, но его опередили и тут же передали большой пакет в твердой бумаге, которая показалась также ему знакомой, и на пакете стояла печать. Настоящий герб, который светился разными красками и даже (как показалось Арсению) издавал какой-то звук. «Чудеса!» — только и

смог подумать редактор, как его легонько одернули за рукав и хитро сказали: «А не прогуляться нам после вашей трапезы? Вечер уж больно хорош!» Арсений понял, что отпираться бессмысленно и посмотрев на человека, пошел к своему столику.

Там он налил всем остатки горького напитка, подержал свой стакан и неожиданно сказал: «Галя, а вы бы вышли за меня замуж? При условии, что я негодяй, убийца и развратник?» Галя повременила со стаканом, затем поставила его на стол и спросила: «И кого же вы успели убить? Или только так, сны одни?» — «А вот вас если?» — «Дорогой Сеня, вам пора домой. Одновременно жениться и быть убитой — нереально. Выбирайте что-нибудь одно. И вообще мне пора».

Она поднялась и стала собираться. Женька тоже затропился и напоследок сказал, что все же все в этой жизни хорошо, надо только уметь это видеть. У выхода почему-то каждый решил пойти своей дорогой, и в итоге Арсений остался один.

Он действительно был один, сколько ни старался крутить головой, пытаясь выхватить в наступающей темноте уже знакомую физиономию. Но никого, однако, не было, и он направился домой. Там, он это точно знал, Соня даже не заметит его состояния, запаха, ей по-прежнему все будет безразлично. И все же он поймал себя на мысли, что пытается лукавить. Ну не может, просто по определению не может живой красивой женщине быть безразличен тот, с кем она живет, обретается под одной крышей, так сказать. Ведь еще совсем-совсем недавно она настойчиво выпрашивала его, кто это ему так поздно звонит, хотя и была при этом неизменно насмешлива. Ох, как же ему хотелось сказать, ну, притвориться в конце концов, что и у него есть тайна, но тут же выдал себя, сказав, что это по работе. «Ты говоришь уже почти пятнадцать минут», — укорила она его (или просто констатировала?), на что он с жаром ответил, что это всего-навсего Женька. Господи, вот так всегда: только выдастся возможность заработать очки на кажущейся ревности, как неизменная честность и стремление не сделать больно ей, все перекрывает.

Он настолько задумался, что проехал свою остановку, вернулся назад и наконец вышел из метро. На улице был

просто-напросто рай: пахло чем-то щемящее знакомым, почти лесным, хотя откуда здесь взяться лесу? И не просто пахло, но перебивало все остальные возможные запахи, настоящим, подлинным лесным духом. Только у самого дома он увидел, что привезли на машине елки, которые собирались сажать. Он недоуменно заметил про себя, отчего это решили делать на ночь глядя, и сам себе ответил, что наверное потому, чтобы не искушать граждан ненужными поползновениями. А так, глядишь, проснутся завтра, а перед ними — готовый лес. И никто ничего не растащит. Хотя, кто знает? Все может стать, народ нынче скорый на руку: чуть что, сразу и схватит, даже если и не нужно вовсе. А тут елки — целое дело. «Вот бы на дачу такие!» — в доказательство своих же мыслей подумал Сеня, но тут внезапно был остановлен мужчиной, который странно вел себя и притворялся... женщиной. По крайней мере, повадками, пудренным белым париком очень смахивал на нее. Был он хотя и в брюках, но жеманился так, что на настоящую женщину никак не тянул. Да он и не скрывал, что просто притворяется. Он задал Сене один вопрос, который смутил его и в то же время заставил отстраниться. «Ну, что, мухомор, сегодня слетаем?» «Кто это тут мухомор?» — негодуя пронеслось в Сениной голове, однако ему не дали выговориться вслух, а только заговорщически подмигнули. Притворявшийся мужчина исчез столь же внезапно, как и появился, и уже лесной запах и ожидание встречи с женой не казались такими призывными и желанными.

А дома готовился сюрприз. Соня не просто ждала его, но сидела перед накрытым столом в великолепном зеленом платье, поблескивавшим при свете свечей. Их было три. Отчего именно столько, он не понял, но был изумлен неожиданной встречей. Подобным образом его не встречали давным-давно. Соня молчала, видно, ожидала его реакции. Не сразу заговорил и он. Так они и молчали некоторое время, пока, наконец, Сеня не решился. «А что, может быть, у нас дата или еще что-то?» — неуверенно спросил он, на что она хитро ответила, что дат нет, а если и были, все кончилось, и что просто такой чудный вечер и пахнет лесом. Да и просто все хорошо. Это заявление о том, что все хорошо привело его в полнейшее замеша-

тельство, однако он справился с собой и снова задал вопрос. «И у тебя никакого особого события?» — «Да нет, успокойся, захотелось посидеть вот так, без выяснений, без проблем, запросто. Но... при свечах. Разве тебе не нравится?» Вопрос был явно провокационным, Сеня это понимал, как и сознавал то, что ответа он не требует. «Здорово!» — только и сказал он и сел к столу. «А ты ручки помыл?» — был всегдашний ее вопрос. Он спохватился, встал, а вернувшись из ванной и потирая руки, снова спросил, как она себя чувствует, и не тревожит ли ее сегодня головная боль. Она нахмурилась и нехотя ответила, что слегка и болит, но что это не страшно и что шампанское не помешает. Он подумал про себя, что как раз шампанское было для нее вечным провокатором поднятия давления и прочего недомогания, но смолчал. «Давай не будем про болячки, их и так хватает», — предложила Соня и он покорился.

И еще подумал, что недаром она считает его приличным занудой. Так и есть: зануда, да и только.

Он продолжал любоваться Соней, разливая игристый напиток, а сам понимал, какой он мерзавец, что вот сейчас сидит, пьет с ней, а сам замышляет нечто такое, от чего холодеют руки.

Она расспрашивала его о работе, о Женьке, о других сотрудниках, даже прищурившись, спросила о Гале, на что он резонно ответил, что Галя сохнет по Женьке, и с этим все всем давно ясно. «А ты о ком сохнешь? Да и сохнешь ли вообще?»

Сеня сознавал, что вот он, его шанс помучить ее, потрепать нервы, отмолчаться, в конце концов. Однако не смог и, не удержавшись, ответил, что ей известно, по ком он сохнет все двадцать с лишним лет. Соня сделала глоток и неожиданно сказала: «Знаешь, я должна тебе кое-что сказать...» Сеня напрягся, так это было неожиданно, но сумел взять себя в руки и спросил: «Сейчас? Я готов». — «Да подожди ты, не спеши, не все так скоро. Я думаю, что не настал момент. Хотя, как знать, как знать... Мне иногда кажется... Впрочем, давай еще выпьем». С этими словами она протянула свой бокал, они чокнулись, как это было у них заведено, и тут она схватилась за голову. «Боже мой, опять...», — с трудом произнесла она, но Сеня

уже открывал пузырек с заветными каплями, доставал таблетки и ставил чайник. «Зачем ты, Соня, ну к чему было столько пить?» — «Не трогай меня», — был привычный ее ответ, — дай скорей воды, чаю, чего-нибудь». Он подавал, наливал, а сам думал, и у него при этом тряслись руки, что только бы не разыгрался приступ, только бы она была, всегда, всегда.

«Господи, ну как же так, — все еще недоумевал Сеня, — вот хотел же, хотел сам, а тут с ума схожу, боюсь». Он уложил ее, вернулся на кухню и залпом осушил ее бокал с недопитым вином.

И в это время что-то щелкнуло в окне, и внезапно перед ним возник человек. С одной стороны, он несколько смахивал на притворявшегося давеча мужика, а с другой — на Марка и Леля одновременно. И все же в нем снова находились какие-то черты, никак не связанные с образом его предшественников. Вроде все это был один и тот же человек, а разделить по частям — то совсем и не тот.

Он как-то ловко устроился у стола и, спохватившись, заверил бедного Сеню, что Соня уснула. «Наверное, завтра пойду к врачу», — мелькнуло в голове у Сени, а сам он в это время разливал по чашкам чай. Делал он все это настолько автоматически, словно кормил посетителя и потчевал чаем ежедневно. Затем, однако, спросил, не откажется ли тот от чашки зеленого жасминного чая. Пришелец подмигнул и ответил, что именно от жасминного и не откажется. И добавил: «А почему сегодня жасминный? Вы же обычно предпочитаете фруктовый?» Сеня ахнул про себя, но смолчал. «Что же это делается?» — снова подумал он, но мысль легко и как-то скоро испарилась, и он уже не задавался никакими вопросами, а только слушал гостя и глядел на него.

— Вы вот, небось, думаете, что это происходит, а главное, к чему склоняется всё? Так ведь? Я скажу, отвечу, можете не говорить, сам знаю. Имеем грандиозный замысел, вы — часть его, понятно?

— Ничего пока непонятно. И почему я?

— Ну, хотя бы потому, что сами задумали нечто грандиозное. По законам всякой человеческой земной жизни вы — преступник, не больше, не меньше. Вы собираетесь воплотить свой замысел, вы готовитесь. Только силенок

пока не хватает, а так все в порядке: зелье, приступы, когда это снадобье можно подсунуть. Всё!

— Но вам-то откуда это известно и вообще... Кто вы, в конце концов?

— Точно, «в конце концов». В этом самом конце содер- жится ответ. Вы давеча (опять он употребил это стран- ное, давно вышедшее из обихода слово) летели со мной, да и потом не раз встречали меня. И, небось, думаете: «А не сошел ли я с ума?» Думаете?

— Думаю.

— Слушайте, а не прогуляться ли нам еще разок? Уж больно у вас на земле душно, да и пыли много. Опасно жить становится.

— И это вы говорите? Я решил, что вам подвластны любые превращения...

— «Любые». Нет, дорогой мой, вовсе не любые. Так только, прогулки, нравоучения, а больше всего — прово- кации, мистика. А их-то и нет, уверяю вас.

— Тогда с кем же я сейчас беседую?

— Да со мной и говорите, с кем же еще? Все по правде, никакой мистификации. О ней вы все по большей части в ваших рукописях читаете, а на самом деле ее крайне мало, смею вас уверить.

— Но кто вы?

— Я? — посетитель усмехнулся и хмуро сказал: Я — ваш грех. Это вас устраивает?

— Вполне. И все же... Зачем я вам? Что вы задумали, проучить в моем лице человечество? Чтобы не злоупотре- бляло своим земным положением, задумалось? Не бу- дет этого, не добиться вам того, чтобы искоренить грехи. В них человек жил и будет жить всегда.

— Так, хорошо говорите, согласен. Вы в шахматы иг- раете? Знаете, что такое думать на несколько ходов впе- ред? Просчитывать, так сказать?

— Я знаю, что вы сейчас скажете. Что потом, наступит когда-нибудь потом, когда я стану мучиться, пытаться искушить свою вину, изменить ход событий, вернуть все. И Соню, и все, все, все... Но сейчас, понимаете, сейчас я жить так — не могу. И не хочу.

— Миленько. Так вы себя и порешите. Нет, вы другого собираетесь, месть, знаете, сладостна, так и хочется ис- пробовать ее на вкус. А себя же что, жалко, выходит?

— Нет. Но вы правы: месть. Ее сладостный привкус опьяняет, томит, не дает покоя.

— Это-то мне ясно. Но что потом, вы подумали?

— И не буду и не хочу, — был ответ. — Потом будь что будет. В монахи уйду, к заблудшим.

— Любите себя, сразу видно.

— А вы, что же, не любите? И кто вы, черт вас подери?

— Злитесь, понятно. Я — воплощение греха, его кон- центрация, я — само исчадие ада. Мы с вами наемни чуть ли не в раю побывали, а сегодня вам представится ад. Полное его великолепие. Я даже не знаю, где лучше. Вам выбирать. Я — гений зла и раскаяния, я — низкая мерзостная тварь и самый нежный из нежнейших. Я ког- да-то был заблудшим, теперь нет. Но самое главное: сей- час я не совершил бы всего того, что успел натворить. Я сделал бы большее: остался жить и вечно мучиться.

— Кто же вам не дал этого сделать? Вы что же, сами себя порешили?

— В том-то и дело, что нет.

— Тогда кто и почему вы наделены такой властью? Кто над всем этим стоит? Почему вы выбрали меня? Я хочу знать, я должен это знать.

— Помолчите, голубчик, не все сразу. Выпейте чайку, остыл уже. Вот и вы остывайте. Разорался. Соню разбу- дите.

— Хорошо, тогда скажите, глаголом одним скажите: вы меня предостерегаете, или наоборот, подталкиваете? Вы за кого?

— Я — за исполнение желаний. Но перед их свершени- ем люблю, знаете, побеседовать, вынюхать все про все. Хотя грех — ах, какая же все-таки это условность. Хотите убить? — вперед.

— Я благородный человек.

Пришелец громко засмеялся, затем спохватился и зак- рыл рукой рот.

— Вы? А вы ничего не путаете? И что это значит: «бла- городный»? Сами хоть знаете?

— Знаю. Непреступивший. Да, я, может, уже престу- пил, так как замыслил. Но еще не всё, не всё потеряно.

— Нет, вы уже не отступитесь, вы во власти сладост- ной, неотступной мечты. Мечты освобождения. Ничего

нет блаженнее исполнения мстительного замысла, ничего. Разве что... Разве что прямо противоположное, к примеру, спасение кого-то, великая помощь, отдание жизни во имя другого. Вот это — оборотная сторона счастья, а, может, самое главное и настоящее счастье. То есть, то, где есть жертва. В вашем случае будут все равно две жертвы: Соня и вы со своим раскаянием и ношей. А в противоположном — единственное и целое. Что вам больше по душе? Еще есть время, еще можно выбрать.

— Но как? Как это сделать? Чтобы и не мучиться от еджи и жить легко и с миром, и не приносить себя в жертву? Как избавиться от наваждения? Это что со мной, наваждение? Может, я просто болен?

— Не облегчайте себе жизнь, не упрощайте ситуацию. Вы, именно вы и задумали, и уже преступили и скоро начнёте воплощать...

— А, может, я отступлюсь?

— И как жить собираетесь? Просто помрете? А про смирение ничего не слышали? Ну как же, вы же образованный человек! Нет, не настало, видно, время. Полетим. Там разберемся. Ничего вы не понимаете. Или так, заучили несколько правил из жизни и зубрите их. А сути, сути не знаете. Да и откуда вам ее знать?! К ней надо прийти. А приходят через что-нибудь. Например, через преступление. Как в вашем случае. Или — наоборот...

— Что это значит?

— Ничего. Еще узнаете. Все, полетели.

С этими словами Марк взмахнул огромными рукавами своего странного одеяния, и они оказались на крыше Сениного дома.

Было темно и страшно. Однако что-то все же придавало сил и уверенности в том, что должно было случиться неминуемо.

А случиться должен был полет. В нем виделась та странная сила, которая могла бы, как показалось Арсению, что-то высветить, прояснить в бедной его душе.

Потрясающе! — ад! А, может, не искушать судьбу, не испытывать ни жизнь, ни себя? Может, просто вообще махнуть на все рукой и жить, как все. Но как «все», он точно не знал. Так было принято говорить в полемическом задоре, когда хотелось что-то доказать, что доказа-

тельств не требовало. Как «все» — означало вовремя ходить на работу, являться домой, мало думать и много спать и есть и — главное — не мучиться всякими глупостями типа «не могу терпеть, убью» и все такое прочее. Быть — как все. Но откуда мог он знать, что думают и как живут эти все? Может, в отчаянии, ночью они подумывают как раз о том же, о чем думает сам Арсений? Может, и их искушает древняя, как мир, мысль о мести и расплате? За что? Да хотя бы за то, что на кого-то там уборщица тетя Дуся криво посмотрела, а потом смотрела криво всегда, и причин и объяснений этому не находилось. Может, кто-то из соседей включал на всю катушку дикую музыку, которую слушать не было никаких сил, и рождалась все та же гибельная мысль о расправе? А, может, просто один сослуживец по неизвестной причине никогда не здоровался первым?

Могло найтись сотни веских и мелких причин, чтоб начать ненавидеть кого-то. Но стоили ли они того стремления, искушения мстостью? Может, надо было быть просто мужиком, чтоб не опускаться до анализа причин и самих действий вышеперечисленных граждан и плюнуть на них и забыть? Но вот ведь, не забывалось! Дума-лось. Причем, неостановимо!

Отвлечшись от основного события, которое должно было вот-вот состояться, Арсений опомнился уже тогда, когда со своим ночным гостем они подлетали к огромной глыбе, являвшей собой то ли постамент, то ли немислимых размеров кафедру. Никого вокруг не было, шелестел один только ветер, или казалось, что звук проистекает именно от него. Но могло быть всякое. В это мгновение глыба зашевелилась, поднялась с места и ... перевернулась. На ее месте оказался ров или пропасть, во всяком случае, Сеня не заметил ровной поверхности. Края обрывались и открывались бездонная чаша. В нее-то они и нырнули. Сеня еще хотел спросить, что, мол, эта глыба, живая что ли, однако, не успел и они ринулись вниз. «В преисподнюю что ли?» — мелькнуло у него в голове. — «Похоже».

Марк во время полета не произнес ни слова. Вообще, был собран, строг и сдержан. Вдруг они остановились и он спросил, не откажется ли Арсений от плана? Еще есть

время, возможность отступить. Но мужественный редактор дернул головой, что означало «нет», и они снова углубились вниз.

Надо сказать, никаких встреч с иными существами не произошло, ничего не кипело, не жарилось, просто неожиданно наступила и окутала все такая сырая, серая мгла, что сердце екнуло и сжалось. Она, эта мгла, имела плотность, объем и наступала все сильнее, интенсивнее. Становилось совсем не по себе. И тут он услышал голос. Совсем не тот, что запомнился ему по прошлому полету, не глубокий и низкий, а высокий, даже и с фальцетом, принадлежащий, скорее всего, существу высокого роста. По крайней мере одна сотрудница, правившая рукопись по сценической речи, всем рассказывала о многих откровениях, неизвестных широкой общественности. Например, что высокий голос, как правило, принадлежит людям высоким и худым. Но это так, норма, нечто среднее. Есть же мощные, большие актеры, как Алексей Петренко, например, который хоть и высок, но голос у него совсем не фальцетный, уж точно. Да и мало ли примеров подобных!

И вот — голос. Сначала Арсений услышал свое имя, затем мерзкий смех, тьма надвинулась еще ближе, вжала его в такую же сырую стенку, и он едва не задохнулся. Тьма душила его все сильнее, и тут он услышал жуткий характерный треск, напоминавший шипение и пощёлкивание веток костра. Это и вправду был почти костер, только не из хвороста, а горящий сам по себе. Пламя подступало к Сене, он пытался отодвинуться, но позади напирала тьма, и, казалось, выхода нет совершенно. Он закричал так громко, как только мог. Звук был один: а-а-а. Ему было не столько больно и страшно, сколько он ощущал полнейшую беспомощность и даже безразличие. Только в кино и книгах он видел и читал про то, как замерзают люди на морозе и им становится совсем не холодно, а хорошо и безразлично. Вот этот страшный признак он и ощутил, когда уже все равно: есть ли ты сам, что-то вокруг, сама жизнь, наконец.

И снова возник голос, который накрыл его с головой. Ему предложено было решить, хватит ли у него сил продолжить (что именно, не уточнили) или его поднимут наверх.

— А где я?

— Вы? На подступах. Захотите пройти путь до конца, сдвиньте плиту (ему указали на огромную круглую махину, сдвинуть которую сумели бы человек пять, не меньше).

— А если не...

— Если «не», то путь назад будет трудным.

— Он и сюда был не из легких.

— Пробуйте. Думайте.

— Господи, за что мне все это?

Раздался знакомый уже мерзкий смех, так контрастирующий с вполне разумной речью, и ему было сказано:

— Сами догадайтесь, да, впрочем, вы все и так знаете.

— Неужели это ворота... туда?

— Именно. Туда. А что вас смущает?

Снова засмеялись, и вдруг тьма стала отступать. Арсений подумал, что, может, дальше будет не так страшно и жутко, и ощущение восторга и осязаемого трепета перед чем-то загадочным и непостижимым стало брать верх. Он подумал еще, что будет, скорее всего, не так мерзко и вспомнил о Марке. Но того рядом не было, и редактор решил: «Я бы хотел пройти дальше». — «Вы вполне уверены?» — «Да, да, пойдете». — «Нет, наш милый, пойдете вы и то при условии... ну, помните про плиту?» — «Да мне ее век не сдвинуть». — «А вы попробуйте», — был ответ. Ничего не оставалось, как приблизиться к окаянной махине и потрогать ее. Удивительно, но она поддавалась. Более того, она вполне даже легко была сдвинута в сторону и Арсений увидел то, что ни в каком страшном фильме, сне, произведении Данте не было показано или описано. Там была пустота. Абсолютная пустота, без цвета, запаха. Без костров и сковородок, без чудищ и прочей нечисти. Арсений понял, в одно мгновение осознал, что так выглядит подлинный ужас. Пустота была настолько реальной и бесконечной, ее не заполняло ничто, кроме ее самой, что шагнуть в нее было безумием. Арсений помедлил, сделал шаг и оказался внутри. Ничего, ну совершенно ничего не было вокруг. Он даже не знал, стоит ли или находится в подвешенном состоянии, может ли двигаться дальше или нет. Словом, само знание исчезло совсем. Он попытался вспомнить, что он, собственно, знает вообще, да и знает ли, и не смог. Он попытался думать, и

тоже не получилось. Он хотел произнести слово, но звука не было, как не было ничего вокруг. Не было даже страха, никаких чувств вообще.

Сколько так продолжалось, он не знал, но в какое-то мгновение возник свет, пустота наполнилась звуками, светом, каким-то скрежетом, и он понял, что жив. Это было самое главное знание.

Существо с противным голосом оказалось рядом и, хихикая, произнесло: «Ну как вам наше ничего?» Арсений молчал и постепенно к нему возвращались память, слух, понимание того, где он находится, с кем. Впрочем, с кем — он, естественно, не мог знать, но что-то подсказывало ему, что не все еще потеряно и что возвращение возможно. Он хотел было выразить свои чувства, однако увидел предупредительный жест и понял, что нужно молчать.

«Неужели я когда-нибудь еще посмею, подумаю?...» — «Вам решать, милейший, а сейчас в путь. И так запозднились». С этими словами он помахал Марку, невесть откуда взявшемуся, и Арсений оторвался то ли от почвы, то ли от чего-то еще и через мгновение уже летел. Сквозь облака он видел очертания земли и точно знал, что скоро покажется его дом. Рядом не было никого, он летел в одиночестве и думал лишь об одном: как бы поскорее увидеть свою Соню.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Убедившись, что Соня спит и что даже и не поднималась (отсутствовал пакетик с таблетками на столе, который обычно вынимался, если ей надо было принять лекарство). Сеня снова уселся на своей кухне, чтобы выпить чаю, согреться и обо всем увиденном подумать.

Многие детали, подробности происшедшего как-то не сразу были поняты, осознаны в момент случившегося. Все, что довелось испытать Арсению, конечно, не укладывалось ни в какое разумное объяснение. Что это было? Может, он болен? Но если бы события не повторялись с настойчивой последовательностью, тогда еще можно было раздумывать и ссылаться на плохое самочувствие. Здесь

все было по-другому, обычному объяснению не поддающееся.

Одно Арсений понимал точно: все совершалось из-за его намерения, к которому он готовился долго, то совсем вплотную приближаясь к нему, то отступая. Он отступал не только перед какой-то физической помехой, это было бы достаточно простым объяснением. Исполнить задуманное можно было бы уже десятки раз. Однако что-то все же мешало реализовать страшный замысел, что-то сдерживало, не позволяло. Что, закон внутри нас, или нечто еще более сложное? Кто эти странные господа, так внезапно появившиеся в его жизни? Но это тоже лишь кажется, что неожиданно и внезапно. На самом-то деле как раз в нужное время и в нужном месте. Жаль, дом осквернен этими прилетами, приходами, теперь все уже не так и не может быть, как прежде.

Он вспомнил, как еще до него, давно, в молодости Соню обокрали. Она рассказывала, что прежде всего и более всего была ошарашена, изумлена даже не пропажей драгоценностей, коих было немало, а самим осквернением, насильственным внедрением в ее интимную, закрытую для других жизнь.

Вот и его поразило больше всего сначала это противное воспоминание о присутствии здесь какого-то существа, а уж потом об истинном значении всего происшедшего. Разумному объяснению все это не поддавалось, ясно. Однако было во всем случившемся нечто такое, что не только не давало покоя, но никак не прорисовывалось в образ, в нечто реальное. Он несколько раз пытался подступиться к этой неясности и размытости, но не удавалось понять, что именно тревожит, и что явилось самым печальным и озадачивающим в череде событий последних дней.

Кто эти граждане, зачем появились в его жизни? Только ли затем, чтобы продемонстрировать наглядно, что заповеди работают, и место греху есть? Затем, чтобы остановить или, наоборот, подначить, ускорить, подтолкнуть его на преступление? Впервые он квалифицировал свое намерение так, как и надлежало: он и вправду задумал преступление.

Одно он понимал несомненно: все, встреченные им, либо сами прошли через грех и на свой лад действуют весьма пока неубедительно, странно даже — то показывая едва ли не рай, то отправляя его в преисподнюю.

Вот это последнее и стало наконец приобретать зримые контуры. То, что он там увидел, ощутил, к чему прикоснулся, говорило о страшном: не просто о той жути, к которой приблизился Сеня, но о большем, несомненно, о большем. Он начал осознавать, что эта пустота, в которую он был помещен, больше, чем неживое пространство. После этого — действительно ничего: ни возможности и права быть человеком, духовным существом, у которого есть память и возможность помнить и продолжать род. Он был там никем, а страшнее этого, пожалуй, и вправду нет ничего. Можно пережить боль, отчуждение, изгнание, отступничество людей, предательство, но все же знать, что ты есть, существуешь. А здесь — беспросветная пустота, после которой и ты — уже никто и ничто и даже не человек. И был ли им вообще, неизвестно.

Мы живем и строим свои догадки, предположения по аналогиям. Черти и прочая нечисть — те же аналогии, так проще человеку. Во всяком случае, через картинки строить рай, ад, то есть представлять нечто. А тут невозможно передать, пересказать, что ты видел и чему был свидетелем. НИЧЕМУ что ли? Выходит, что так.

Тот образ, который все ускользал и имел амёбopodobную форму, наконец стал наполняться неким содержанием, и Арсений вздрогнул, так резко и четко вдруг пронзил его весь страшный смысл случившегося с ним. Все, что угодно, но только не пустота, не соприкосновение с ней.

А затем пополз вполне закономерный следующий вопрос: так это правда, что мысль ТАМ, полоснувшая его, будет правдой. О том, что он уже никогда и ни при каких обстоятельствах?.. Что ни за что не решится на это зло?

Господи, страшно, как же страшно, что не придя к истинному раскаянию, а испытав лишь животный ужас и страх, он уже отстраняется. Отступник! — нашел он себе название И это было вовремя. Он тут же, словно в подтверждение своей мысли, вспомнил, как простил ей не только ложь — и не единожды, а измену. Да, совершенно

определенно он не знал, была ли она, измена, на самом деле, но косвенные подтверждения говорили об этом.

Он вдруг подумал, что не знает, какое сегодня число, осень или весна на дворе? Есть ли вообще какая-то внешняя человеческая жизнь, в которой совершается все положенное: встречи, сны, любовь, рождение, смерть? Есть ли? За окном была уже не ночь, а раннее, раннее утро. Он в какой-то момент понял, что на сегодня с него хватит, за ним никто не прилетит, в окне не покажется. И сам даже недоумевал, откуда взялась эта уверенность. Но она была, более того, ширилась, росла, светилась в расцветающем утре и, казалось, что ничего плохого уже не будет в его жизни. Никогда...

Он вошел в комнату, лег на диван и уснул. Не видел снов — какие уж тут сны, когда жизнь превратилась в самый настоящий то ли сон, то ли грезу, то ли сказку! И разбудил его колокольчик, его звук. Он часто вскакивал от этого звука, который возникал во время сна. По-настоящему в дверь и не звонили вовсе. И вот теперь он открыл глаза и увидел стоящую над ним Соню, которая действительно держала в руках колокольчик и звонила. А еще она смеялась, и ему вдруг тоже стало весело. «А, — подумал он, может все это чепуха и нечего париться?» Он обнял свою жену и увлек на диван. Она не сопротивлялась и это был хороший знак. Давненько этот знак отсутствовал.

Ах, как же она была хороша, как хороша! После душа, где опять оба смеялись, они пили кофе и улыбались друг другу. Все было как в американских кинофильмах, просто, сладко и в шоколаде. Никаких проблем.

— А ты собираешься сегодня творить на своей редакторской работе?

— Ну, ты даешь! Уже десять, что мы делаем?!

— Ничего особенного, еще успеешь и твоя Галочка снова спросит, отчего это ты опоздал. А ты будешь лебезить и оправдываться, да?

— Она не моя, сколько говорить. Она Женькина. А язвить — да, любит. У нее просто такой комплекс.

— А у тебя какие комплексы?

— Ничего себе вопросик накануне почти серебряной свадьбы.

— Ну, положим, до серебряной еще дожить надо...

— Вот именно, — заключила Соня, и мгновенно летучее, прелестное настроение покинуло Сеню, и он все вспомнил. Все! Нет, решительно что-то надо было делать, решительно.

Он скомкал завтрак, спросил, все ли у Сони в порядке и едва ли не выбежал во двор.

С этой секунды он решил, что в его жизнь вошло что-то новое, а, стало быть, и жить он должен по-новому. Что всякая чепуха типа звонила, сказала правду, где и с кем была, — больше его не волнует. Он должен был сделать куда более важные вещи. Ну, например, закончить в тайном своем прибежище эксперимент. Во-вторых, до такой степени додумать и понять происшедшее в последние дни, чтобы сделать и выводы соответствующие, и выработать программу действий к повторному появлению гостей. Надлежало понять их цель — вот что являлось главным. Что от него хотят? Зачем он им и что в результате?

С этими благими мыслями, которые казались Арсению как нельзя более конструктивными, он перешагнул порог издательства.

Впервые за несколько лет он внимательно огляделся и заметил, как много нового появилось в его родном рабочем доме. Ну, например, он никогда не замечал свежеевыкрашенных панелей, отделки деревом, намытых полов, роскошной люстры на потолке и — гардеробной. Ну что уж такого может быть в гардеробной! А здесь было. Во-первых, чистота и ухоженность, вышколенные молодые симпатичные девушки, которые, как оказалось, способны приветливо улыбаться, что для такого заведения — большая редкость. Зайдешь почти в любое московское учреждение и повсюду видишь унылую серую будничность. А здесь — распахнутые лица, улыбки. Он попытался вспомнить, когда был последний раз в столовой, и дал себе слово непременно сегодня там побывать. Боже мой, вот ведь привязка к старым привычкам! Одни стереотипы. Ну отчего, скажем, нельзя было давным-давно поинтересоваться, есть на каком-нибудь этаже нечто, похожее на общепит. Непременно надо будет узнать и ходить туда регулярно.

Еще его поразила витрина, которая занимала почти всю стену первого этажа. Там были не одни только приказы, но особым, локальным образом выделено местечко для выдающихся граждан. Он с изумлением, граничащим с обмороком, увидел собственную физиономию в числе способных, плодовитых и рьяных труженников редакторского фронта. «Боже мой, — подумал Сеня, — где я был все это время? Одними только таблетками занимался, да покушение на жизнь готовил?» Он вгляделся в свое лицо и снова изумился: был он гладко причесан, прилично одет, и этой внутренней всклокоченности, на которую всегда пеняли ему сослуживцы, не наблюдалось. «Где они выцарапали эту карточку? Даже и не помню, чтобы я когда-нибудь так выглядел». Он еще раз внимательно всмотрелся и вспомнил, когда это было. Действительно, года четыре назад собирались вручать какую-то премию, и велели всем прийти прилично выглядящими. Денег, однако, так и не дали, но карточка осталась, и он каким-то неведомым образом оказался среди передовых сотрудников. Это радовало и наводило на грустные мысли одновременно. Ну, почему он так замкнулся и ничего на свете не видел? Ничего, кроме своей Сони и своих намерений против нее? Что, неужели не было на свете других, менее печальных вещей, событий, маленьких подарков судьбы?

Все это, конечно же, имелось, и Сеня решил снова, как и накануне утром, что пора изменить взгляд на окружающее и начать видеть мир. Однако пошленькая мысль все же пробралась неведомым образом в его голову, и он опешил: «Действительно, а как же зловещий план?» С мыслями «да пусть все летит к черту» Сеня вошел в кабинет, где «девочки» уже приводили себя в порядок, и даже неулыбчивая Вера Иванна, глянув на него, отметила ледяным тоном, что, вероятно, сегодня падет град, если их сотрудник так вырядился. Она произнесла именно это слово «падет», и все рассмеялись. Засмеялся и Сеня и добавил, что отныне он всегда будет таким, стало быть, град будет чаще, чем положено у синоптиков.

Настроение у всех резко подскочило, Галя, перешедшая к ним в отдел, была тоже весьма доброжелательна, что и подтвердила вопросом: «А вы часом не развелись?»

Это был ее излюбленный прием: если все люди, как правило, говорили «не влюбились?», она непременно должна была изменить смысл на прямо противоположный. В работе, кстати, это приносило неизменные победы: она могла убедить любого автора, что парадокс лучше любого решения, и все ей (ну, почти) подчинялись.

День и вправду выдался на славу. Все трудились, отпуская иной раз шуточки, время от времени прихорашивались, и все бы замечательно, но зазвонил местный телефон и Арсению Павловичу велено было пойти к главному. Это круто меняло дело, потому что к главному по пустякам не приглашали, и вся команда редакторов напрягалась.

Сеня поправил свой коричневый пиджак, светлотерракетный галстук и шагнул в коридор, на прощание сказав: «Девочки, теперь все будет хорошо. Обещаю вам». Девочкам от этого легче не стало, но никто не решался разговаривать, все ждали.

Шагая по коридору, Арсений Павлович как-то смешно выпятил грудь, приосанился, вспомнил, что повязал прекрасный галстук к своему любимому коричневому пиджаку, тоже поправил его и вошел в предбанник. Вообще-то это была маленькая комната, где был такой же маленький стол, и под стать ему секретарша Алла, невысокая, коренастая, с бегущим взглядом. Однако несмотря на общие несимпатичные характеристики, была она доброжелательным милым человеком, что всегда привлекало в крохотную комнату большое число сотрудников. Поговаривали давно, что вот-вот приемная будет и шире, и больше, и что вообще главный переселится на самый последний этаж, чтобы быть менее доступным. Но это были все разговоры, а пока, лет уже пятнадцать так и толклись в маленькой полуприхожей.

Аллочка что-то бойко выстукивала на своем компьютере, и это было тем более странно, что от машинок лет сто, как отказались, а вот привычки восседания за ними, сам характерный взмах руки и удар по клавишам — это все осталось. Так вот, Аллочка колотила по клавишам в явной тоске по прежним временам, когда бумага вставлялась, ее можно было запросто выкинуть и начать все снова. Все это говорило лишь об одном: не любила она

новое совершенное слово в технике и всеми возможными способами демонстрировала это.

Она глянула на Арсения, кивнула, успела улыбнуться и, не заканчивая дирижерских своих взмахов маленькими ручками, глазами указала на дверь. А в добавок почти пропела под звук агрегата: «Ох, желаю вам...» Она не договорила, чего именно, но было ясно, что только хорошего.

Редактор был тоже невысок, худ и посмотрел на пришедшего долгим изучающим взглядом. «Давненько мы с вами не встречались, Арсений Пальч. Все ли у вас в порядке?» — «А что у меня может быть?» — на всякий случай ушел от ответа подчиненный. «Ну, милейший, мало ли чего? Дом, земля, вселенная — хозяйство у нас большое, не так ли? На Марс, к примеру, не хотите слетать?»

«Ничего себе, — подумал Сеня, — откуда ему-то известно про меня? Может, на лбу нацарапано?» — и он провел пальцами по лицу. Но ничего не обнаружив, взял себя за полы пиджака и спросил: «Что скажете, Виталий Егорыч, по какому делу я...» Он не успел договорить, как Виталий Егорыч пригнулся и, рассмеявшись, сказал: «По чрезвычайному. Догадываетесь с трех раз». Арсению стало жутковато и немного холодно, хотя при этом полагалось, наверное, вспотеть. «А не ахнуть ли нам всем коллективом на рыбалку в ближайшие выходные? Вы — единственный солидный представитель мужского пола в вашем отделе, так как думаете, настроение позволяет?» — «У сотрудников?» — глуповато спросил Сеня. — «А то как же, у кого же еще?» — «Позволяет», — без всякого энтузиазма ответил Арсений, и тут редактор забеспокоился.

— У тебя, Сень, и правда все в порядке?

— Конечно, а что вас тревожит?

— Напряженный ты какой-то. Может, премию тебе выписать?

— Пишите, если не жалко, а вообще не надо, у меня все есть. Вот, рукопись про космос заканчиваю.

— Это хорошо, что ты такой гордый, но слышал, что не порешь материал, достойно работаешь. Будет тебе премия, даже и не сопротивляйся. Иди, готовь удочки и настрой коллектив, чтоб к выходным все имели форму, годную для жизни в природных условиях, приближен-

ным к походным. Ученье придется наличие близости воды. Ясно? Вперед.

С этим напутствием Арсений вышел, махнул Аллочке, но в комнату к себе не отправился, а спустился в холл нижнего этажа, так давеча поразивший его.

Думал, однако, он не о работе и даже не о предложении главного, а о жене Соне. Почему-то казалось, что ей сейчас должно быть спокойно, что все, что могло случиться, уже случилось, что лучше, наконец, просто никого нет кроме его Сони. Он представил, что она может сейчас делать и даже уже увидел картинку, где его жена расчесывает свои роскошные волосы, но минута была тут же испорчена, и перед ним предстал опять-таки в измененном виде Марк. На сей раз он держал в руках метлу и довольно неуклюже пытался мести кусочек улицы возле входа в издательство.

Арсения уже трудно было изумить хоть чем-то, и он на всякий случай поздоровался, но не выказал ни сожаления, ни печали. Радости уж — тем более.

— Однако вы грустный. Случилось что? — нагло поинтересовался новоиспеченный дворник.

— А вам-то что? Так и лезете в чужую жизнь, все грязь замешиваете.

— Э, батенька, напрасно вы так. Никто ведь вас не неволит, все по обоюдному согласию. Не захотели бы, ничего бы и не было. Сами, прошу заметить, решили изюминкой побаловаться.

— Это у вас-то изюминка? Ну и ну!

— Видите ли, — глубокомысленно начал псевдодворник, — каждый несет свой чемодан. Не любите — уходите, не желаете лететь — не летите и все в таком духе. Все — от воли человека, скажу я вам.

— Неправда, вы вынудили меня, не лгите. Мне вы сто лет даром не нужны. Не хочу вас знать.

— Верю. Да поздно теперь. Поздно. Уже вкусили. Как нам-то быть? Вы о нас подумали?

— Насмешили, право, вот насмешили. Что ж, меня теперь вообще, того-с, ликвидировать надо?

— Не горячитесь, лучше все по порядку. Так в одном фильме говорил герой Буркова, не помните?

— Ну, и где он, ваш порядок?

— А порядок, могу заметить, в том, чтобы каждый в земной и небесной иерархии занимал подобающее место. Вы — там, я — здесь, и не надо ничего путать.

— Мне даже неизвестно, за что вы там, что совершили, почему не упокоились, как все смертные и что все блуждаете и ищете? Стало быть, совершили такое, отчего и нет вам ни покоя, ни пристанища. Так ведь? А вот что вы такое сделали, в чем ваш-то грех, не говорите...

— Да-с...

— Вот и «да-с».

— Могу заверить, что никого уж я точно не убивал...

— Да бросьте, есть грехи и похуже, и пострашнее.

— Согласен, есть. Но я, наверное, не за грехи. Я отдуваюсь за большее.

— За что же?

— За любовь. Представьте, этот грех пострашнее. Я предал. Словом, я — предатель.

— Это вы сейчас себя так бичуете, а тогда, раньше, и не думали так?

Я всегда думал так. Но потом пришло другое, другое, скажем так, осознание.

— Какое же?

— А очень простое. Я понял, что все это — наши человеческие придумки, которые, не спорю, очень украшают жизнь. Никакой любви, ненависти даже нет и в помине.

— А что же есть?

А есть мы, заблудшие души, которые все не могут понять, зачем они пришли в этот мир и что им нужно. Не могут, понимаете?

— Согласен, не понимаем. Но что вы-то пытаетесь сейчас отыскать, какую раскрыть тайну, причем, привлекая к тому же меня? Что я вам?

— Видите, какой эгоизм! Вы все о себе печетесь...

— Ну, а вы, небось, о всем человечестве думаете?

— Представьте, и о нем тоже.

— И все-таки вы не ответили: что вам надо, что движет вами и...

— Не так скоро, мой друг, не так скоро. Все узнается. Но не сразу.

— «Мой друг», — передразнил Арсений лжедворника. Никакой я вам и не друг, так, подопытное существо для

доказательства своей какой-то цели, уверен, столь же лживой, как и все остальное.

— Лживой? Как бы не так! Вы вот думаете себе, что люди — производное каких-нибудь рыб там, обезьян. Кстати, про обезьян — это очень вовремя было сделано. Так проще было коммунистической идеологии, все вписывалось: трудитесь и станете едва ли не сверхчеловеками. Ведь говорилось же, что именно труд преобразовал всяких там шимпанзе или орангутангов. Только все это — набор глупостей, уверяю вас. А цель у меня не такая уж ничтожная и мерзкая, как могло бы вам показаться. Вам представилась уникальная возможность: еще здесь, будучи на земле, прочувствовать разницу между страшным и чудесным, между жизнью и мечтой. Так пользуйтесь, дифференцируйте, вы же неглупый человек!

— Так выходит, все равно для опытов избрали? А в этом уже заложено нечто страшное, аморальное. Хотя, что вам мораль!

— А вот это вы напрасно, мораль — она везде одна: не делай того-то, не допускай этого, живи по закону, что внутри нас.

— Вы что же, и Канта читали?

— Я, надо вам сказать, в прошлой, человеческой жизни был профессором философии. Думал много. Оттого и семьи не было, и распалось все. Какая может быть интимная жизнь у настоящего философа?! Почитайте на досуге биографии великих представителей философии, все они были одиноки. Бедны и одиноки. И это правильно, иначе нарушается внутренний закон справедливости, логики. Философ не о любовных утехах должен думать, а пытаться отыскать истину. Петрарка, к вашему сведению, тоже был философ, хотя и поэт. Но такой глубины поэт, что и считался философом. Он задавался вопросами. Меньше отвечал на них, что и понятно, но именно задавался.

— Да-а... Бог с вами, приходите сегодня ближе к ночи. Или — прилетайте.

— До встречи.

Арсений остался один и все пытался решить, что дальше делать и куда идти. Возвращаться в отдел, к своим дамам не хотелось, и он решил наведаться в то кафе, где

совсем недавно вся их дружная творческая команда отмечала что-то веселое.

Зайдя туда, он удивился некоторым преобразованиям и снова отметил про себя, что в последнее время его повсюду сопровождают сплошные перемены. Или он так погружен в себя, что уже ничего не видит, не замечает? Он огляделся, приметил столик, за которым сидела их компания и подумал расположиться за ним. Он также резонно решил, что уж на сегодняшний день с него, наверное, хватит, и его никто здесь не потревожит. Сеня невольно засунул руку в карман и нащупал там заветную горсточку, потом вышел в туалет и высypал ее в унитаз. Долго смотрел, как бурлит вода, унося смертоносное зелье, сполоснул руки и спокойно вошел в зал.

Заметив столик в самой темноте, он уселся, вытянул ноги и стал рассматривать меню. И чего он его разглядывал, если выпить собирался всего-навсего кофе! Но тут подошла официантка и предложила удивительное блюдо, которое приготовил их прекрасный, якобы, повар, и что граждане нехорошие, заказавшие его, не подошли, а хранить дольше уже нельзя. И главное — оно недорогое. Не хочет ли он? Он согласился и сам себе сказал, что, пожалуй, можно и поесть прилично.

Действительно, очень скоро явилась девушка с подносом, на котором дымилось и шипело нечто неизвестное. Она еще раз повторила, что правда, очень вкусно и, появившись вновь, поставила перед редактором бокал вина. «Это что такое? Я не заказывал». — «А это вам от заведения». «Чудеса, да и только, — подумал Сеня, — бывает же такое в жизни. И сколько вообще намешано в ней, ужас! И горе, и ожидание конца, и беспросветность, и... самые настоящие чудеса!»

Он пригубил вино, ткнул вилкой в дымящуюся сковороду, понял, что там жареные кусочки то ли мяса, то ли птицы и принялся жевать. Блюдо оказалось замечательным. Настолько сочным, вкусным, изысканным, что редактор нехотая подумал, что обойдется, наверное, оно в копейчку. Ну, и пусть! Он решил, что заслужил такую прелесть и продолжал с удовольствием есть. Вино постепенно делало свое дело, он напрочь забыл про всякие там жизненные сложности, связанные с предстоящей коман-

дировкой и поручением главного, а также вообще о сложностях, как таковых. Краешком трезвого сознания он понимал, конечно, что не все в его жизни так, как было всего лишь несколько недель назад. Отметил он и то, что намерение в отношении Сони стало не таким острым и неотступным. Ему даже показалось, что он способен руководить своими действиями, управлять эмоциями и вообще... Что означало это «вообще», сказать трудно, но он чувствовал легкость и чуть ли не воздушность состояния. Во всяком случае, на душе было весело и радостно. Эта радость просачивалась сквозь красное игристое вино, выливалась своим содержимым куда-то вглубь его существования, распространяясь там и заполняя все внутренности бедного редактора. Ему было хорошо. Впервые за долгое время ему по-настоящему было здорово.

Он подумал, что даже его новые знакомцы, наверное, не так опасны и страшны, коль скоро и из этих встреч можно извлечь нечто полезное. Не только информацию, но и отношение к своим поступкам, новое их осмысление и т.д. и т.п.

Наконец, он дошел вообще до хулиганской мысли: «А что, если совсем не возвращаться сегодня на службу и отправиться домой? Хоть отдохнуть немного!»

Он подозвал официантку, стал расплачиваться, понял, что не так и дорого с него запросили, поднялся и направился к выходу. Надо же, и здесь он не встретил никаких препятствий, а только такое же радостное солнце и день, весь брызжущий яркостью и светом.

Ему пришла идея насобирать летящие багровые листья, составить их в букет и принести домой. Он нагибался, складывал понравившиеся, благо, было из чего выбирать, и когда охалка едва уже умещалась в руке, решил все же запрыгнуть в притормозивший трамвай. Даже злощней вагоновожатой не удалось испортить ему настроение, когда она потребовала, чтоб он не задерживал остальных (которых, кстати, и не было) и правильно вставлял свою карточку. Он не повернул головы в ее сторону и сел у окна. Да, такие дни случаются редко! Все радовало глаз: и летящие багровые листья, и солнечный приглушенный свет, и ожидание встречи с Соней, на которую сегодня, именно сегодня он не держал никакого

зла. «Чего это я в самом деле? Зачем жить с грехом? Может, все и так образуется?!»

С самыми благими мыслями и намерениями он поворачивал ключ в замке, а тот все не поддавался и скрипел. Тут до него, наконец, дошло, что Соня просто могла быть дома, и тогда он позвонил. К двери не подходили и было тихо-тихо. И вдруг в этой невыносимой тишине он уловил какую-то возню, чье-то дыхание за дверью. Тут он окончательно понял, что в доме кто-то есть. Еще не веря в худшее, не осознавая даже, что он делает вообще, он нажал на звонок и держал так долго, пока, наконец, дверь не скрипнула и в проеме двери не показалась встрепанная жена. Была она испугана, сердита и попросила его подождать где-нибудь на лестнице (именно так, на лестнице) несколько минут. «Я потом все объясню», — сказала Соня и захлопнула дверь.

Настроение улетучилось в момент. Он, сам не ведая, что делает, вцепился в дверь и стал трясти ее что было сил. Он пинал ее, звонил, приговаривал, даже и выкрикивал всякие нехорошие слова, но его не слышали. Наконец он отступил, и тут дверь неожиданно открылась, вышел молодой человек в черных джинсах, и, не взглянув на Арсения, собрался уходить. Уже и пошел, но Сеня одним прыжком настиг мужчину и тут же повалил его на пол. Началась борьба, молчаливая и жестокая. Молодой был накачан и силен и отступать не собирался. Соня крикнула и захлопнула дверь. Мужчины боролись долго и наконец молодой досадливо вскрикнул: «Да отстань ты от меня, вот прилип!» Лучше бы он этого не произносил. Арсений придавил его к грязному полу с такой силой, на какую был только способен. Молодой охнул и замолк. Тогда Арсений поднялся, отер руки, провел ими по волосам, стал отряхиваться, а мужчина все лежал. Скрипнула дверь и выбежала Соня. «Что ты наделал! Ты убил его?!» Арсений ничего не ответил и вошел в квартиру. Сколько Соня не появлялась, он не заметил, наверное, долго, раз он успел вымыться, поставить чайник и сесть к телевизору. Что там было за дверью, его не интересовало совершенно.

День с его золотистой радостью, стал постепенно угасать, и Арсений задремал в кресле.

Очнулся он от шлепка, который прихлелся как раз по правой щеке. Он поднял голову и увидел, что распускает руки Соня. Он не прореагировал. Не стал ничего говорить и тогда, когда услышал ее плач и причитания. Он молчал. И на душе у него было совсем не скверно.

Он даже не думал о неминуемом разговоре, который, вероятно, должен был бы расставить все по своим местам, он спокойно сидел и размышлял. Ну, например, о том, что еще можно поехать к морю и впервые отдохнуть одному; что когда его еще раз посетят его новые знакомцы, надо не растеряться и все хорошенько запомнить, свои ощущения, главным образом. И задать им пару крепких вопросов.

Соня, оказывается, все это время стояла рядом и что-то даже пыталась говорить и спрашивать его. Он, однако, молчал. Она схватила его за локоть и больно ущипнула. Он повернул голову в ее сторону и ничего не сказал. Видно, это ее разозлило настолько, что она стала лупить его со всей силы. Била куда попало, а сама плакала и причитала, что ни в чем не виновата и что только он сам, только сам все испортил, причем, давно.

Сеня отмахнулся, однажды больно ее задел, чем вызвал новый приступ ярости, затем так же спокойно налил воды в чашку и брызнул на нее. Она оторопело отстранилась, замолчала и присела на корточки. Сидела и качалась из стороны в сторону.

— Я не люблю его, у нас ничего не было, ничего. Так все жутко. Что, что делать? Я не люблю его.

— Это усложняет твою жизнь. Лучше любить, — сказал Сеня, а сам подумал, с каких это пор он стал проповедником.

— Ты никогда не поймешь. Я жила в клетке.

— Кто ж тебе мешал? Жила бы на воле и делала бы по воле что хотела.

— Вот я и наделала.

— Вижу. Но ничего, все у тебя еще впереди. Ты молодая, красивая, жестокая и злая. Значит, все получится.

— Я не злая, я запуталась.

— Ну, распутаешься, невидаль какая.

— Я не люблю его.

— Я это уже усвоил, хватит. Где, кстати, моя полосатая рубашка?

— Зачем? Я не знаю.

— А что ты вообще знаешь про меня, не говоря уже про вещи?

— В кладовке, на верхней полке.

— Погладь мне ее, пожалуйста.

Соня никогда не гладила мужниных рубашек и очевидная насмешка Сени ее словно подбросила вверх.

— А что, ты решил переодеться? — попробовала язвить она.

— Мне просто надо уехать, а в майке как-то не принято. После побоища прежняя не годится. Вот и все объяснение.

Соня пошла в темную комнату или кладовку, как они ее еще называли, долго там возилась и наконец вышла с рубашкой, скомканной и, конечно, мятой. Он взял ее, осмотрел и снова велел ей погладить. Так и сказал: «А теперь бери утюг, если ты помнишь, конечно, где он находится».

Он совсем не собирался злобствовать, просто интуитивно сознавал, что так, за физическими действиями она скорее придет в себя и перестанет рыдать, драться и нести чушь.

За окнами почти стемнело, и их вечный ночной друг-фонарь посылал свои призрачные приветы их окну. Почему-то вечером это было приятно, а вот ночью он светил так сильно и так назойливо, что порой хотелось дать ему по башке и заставить забыть про свои световые обязанности.

Соня наконец-то вымыла лицо и зашла в комнату с рубашкой мужа. Он к тому времени уже собрал свою сумку, с которой частенько отправлялись вместе на дачу, передел рубашку и шагнул в прихожую. Соня бросилась к нему с воплем.

— Ты всегда так, всегда. Не уходи, я все поняла, я ничего не сделала, я, я...

Сеня отстранил ее, ему было почему-то почти спокойно и совсем не интересовал вопрос, действительно ли произошла измена или...или они не успели. «Фу, гадость какая», — оборвал себя Арсений и оказался за дверью. Там он увидел смятые багровые листья, разбросанные по всему коридору, лежащие даже у соседних дверей, и ему

снова сделалось грустно. Как же все плохо в этом мире, как негармонично устроено. Вот совсем недавно жизнь казалось прелестной и беззаботной, а спустя какой-нибудь час все поехало и просвета почти нет. Так думал Сеня, спускаясь вниз и отмечая сквозь гул лифта, как захлопнулась за ним дверь его квартиры, и он остался совсем один.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приближалась ночь, и Соня начала постепенно понимать, что Сеня действительно ушел, и что она и вправду осталась одна. Привычные мысли о том, что он никуда не денется, больше не посещали ее и было по-настоящему страшно.

Что-то к тому же беспрестанно скрипело на кухне, и она все походила и проверяла, закрыты ли окна. Они были плотно задраены, и даже их фонарь, к свету которого они так привыкли, светил сегодня как-то тускло и неубедительно.

Она не ложилась, а только прислушивалась, стремясь уловить хоть малейший звук, говорящий о возможном возвращении Арсения. Но было пусто и темно, и ночь приближалась к своему настоящему расцвету.

«Какое же в ней кроется торжество», — думала Соня, не зная, что делать и точно уверенная в том, что уснуть после всего она не сможет. Тогда она снова прошла на кухню, зажгла свет, налила чая и стала вспоминать.

В какой-то момент показалось, что сидит она целую вечность, но на самом деле прошло минут сорок, и часы показывали именно это время. В памяти пронеслась одна встреча с Сеней, которая была в самом начале, в их с ним начале. Оба они ничего не выгадывали, встретились в её родном городе далеко от Москвы. И, надо сказать, первое время действительно все было хорошо. Хотя, положив руку на сердце, она всегда сомневалась, правильно ли поступила, что уехала, связала свою судьбу с ним, что, может, был еще, наверное, в жизни шанс. И вот с этим сознанием упущенных возможностей она и жила. Чем дальше, тем больше укрепляясь в своем мнении. Со временем она стала считать Арсения чуть ли не неудачни-

ком. По крайней мере, ей казалось, что мог бы быть рядом с ней и другой человек, более успешный, деловой, предприимчивый. Но — не случилось. И тогда постепенно стало складываться какое-то новое отношение к мужу. Как к чужому. Он всегда был рядом, но и в то же время далеко. Он все знал о ней, но это не прибавляло радости и чувства уверенности в нем, в их совместной жизни.

И она начала привирать. Надо — не надо — все равно. Так ей было легче. Хотя вслух порицала вранье, не любила, когда замечала, что подобное позволяет себе Сеня. А сама... Как же так случилось, что все пошло наперекосяк? Когда? Что такое приключилось с ней, с ними, что не хотелось идти домой, подчас и видеть его даже, а упереться черт-те куда. Вот именно, неизвестно зачем и к кому. Она порой придумывала себе всякие важные дела, бегала по подругам, по магазинам, кафе. Бегала, лишь бы не приходиться домой. А потом началось другое: ухаживания. Дружеские посиделки с мужчинами, провожания, походы на концерты. Сначала вполне безобидные, без измен. Так она тешила себя, пытаясь освободиться от мужа до конца. И с какого-то времени перестала задаваться вопросами, что и кто ей Сеня, врет ли она или просто слегка привирает. Она придумала для себя такую удобную нишу, в которой позволено было все: от лжи до измен. Так она и жила, все больше и больше не любя мужа и при этом перекладывая именно на него все свои проступки.

Что-то снова словно царапнуло или поскреблось в окно, и она погасила свет и прижалась лбом к стеклу. В ту же секунду Соня отпрянула от окна и снова приблизила лицо. Ей показалось, что с другой стороны на нее смотрело чье-то лицо, причем, лицо это улыбалось и даже подмигивало.

Стало страшно не на шутку. Она зажгла свет и опять приблизилась к створке. Но на сей раз не увидела никого. Тогда она решила, что просто пересидела и пора хоть сколько-нибудь отдохнуть. Хотя... хотя она знала, что в подобном состоянии, в котором находилась сейчас, она не уснет ни за что. Такое уже бывало несколько раз, и она так и провела остаток ночи на кухне и бродя по комнате.

Собирая разбросанные вещи, она ни на секунду не за-

бывала о том, что увидела только что. Странно, звуки в районе окна, предшествующие появлению лица, убедили ее в том, что все неспроста, что ей не померещилось. Ужас, тихий, безмолвный ужас расплзался по всему телу, вползал в душу, наполнял все ее существо немислимой пустотой и тоской.

Она подумала, что такая пустота, наверное, самое страшное, что только можно придумать. «А правда, есть ли что еще более страшное и непереносимое, способное и завораживать, и уничтожать одновременно?» — проносилось в голове Сони, и она утвердительно кивала: ничего страшнее нет и быть не может. И еще она отчего-то вспомнила произведение великого итальянца, состоящее из трех частей, одна из которых посвящена была ...страшно сказать — аду.

«Все ерунда, что о нем говорят, про чертей, кипящие сковородки и прочую ересь», — размышляла Соня, — там, скорее всего, только одно: пустота». Ей сделалось так жутко от этой догадки, что она накрылась с головой и долго сидела под одеялом. Откинула только, когда совсем уже невозможно стало дышать.

«Сеня, где он теперь? И вернется ли? Что теперь будет? Нет, он никогда не простит ее, никогда. Лучше не жить, лучше...». Она поднялась, прошла в ванную, достала прибор для бритья, провела рукой по лезвию и хладнокровно полоснула им себя по руке. Через мгновение стало тепло, и страх отступил. Что-то текло, капало, появились разноцветные шары, которые, переливаясь, то вспыхивали, то исчезали, то наполняли всю ванную комнату, и снова было тепло и почти легко. Пол в ванной, выложенный белой, ослепительно белой плиткой, вдруг приобрел совсем другой цвет, очень похожий на тот, который регулярно она видела, когда посещала Киевский рынок с мясными рядами.

Наконец все завертелось в страшном темпе, раздался звук, похожий на выстрел, и все кончилось. Снова наступила та пустота, но только ее она больше не слышала, не ощущала. Она тихо и как-то даже изящно свалилась на пол, руки упали на край ванной, и все, больше не было слышно ни звуков, ни шорохов, вообще ничего.

На улице наступало между тем утро и первые птицы возвестили о себе своим пением. Дворник Дима со своей метелкой начал скрести тротуар и очищать от окурков прилегающие к окнам первого этажа газоны. Поздоровался с Марией Палной, которая два раза в неделю мыла подъезд, удивился даже, что она сегодня припозднилась и продолжал сгребать опавшие багровые листья в столь же багряного оттенка горки. Они шелестели мягко и приятно и не хотели слушаться дворника Диму, иногда разлетаясь в стороны и мешая замыслу Димы по возведению мягких пирамидок красно-оранжевого цвета.

Он так увлекся своим спокойным занятием, что не сразу отозвался на крик женщины, которая оказалась все той же Марией Палной и которая выскочила из подъезда, как ошпаренная. Она голосила что-то невразумительное и все никак не могла вымолвить, что же именно ее так разволновало.

Дима отбросил свою метелку, подошел к Марье и попытался успокоить женщину. Но она выкрикивала одно только слово «кровь, кровь...». «Скажи нормально, какая кровь, где, успокойся», — сказал дворник Дима и наконец сумел убедить женщину, что одного слова недостаточно. Тогда Мария Пална дрожащими руками отерла свое лицо платком, стянув его с головы и вымолвила: «Там, на седьмом... Около двери... В общем, там кровь из-под дверей... Много...» Дима раздумывал секунду, затем рванулся в подъезд, взлетел на седьмой этаж, убедился, что Марья не врёт и стал звонить в дверь. Потом он стучал в нее, кричал, пытался открыть, но все было тщетно.

Из соседних дверей появились соседи, увидели тоже, что происходит, позвали Диму, чтобы позвонить. Диму знали давно и никто не боялся, что дворник войдет в дом. Удивило другое: как это соседи, о которых последнее время повсеместно только нехорошее и говорят, сами позвали Диму и стали принимать меры. Вызвали всех, кого можно и стали ждать. Но не просто сидеть и поглядывать в окошко, но пытались своими силами дозвониться и достучаться.

Когда стало ясно, что за дверью уже никто не отзовется, они отступили вглубь квартир, двери оставили открытыми и снова ждали.

Скорая, милиция и даже из ДЭЗа прибыли почти одновременно и быстро. Милицейские граждане руководили, вскрывали двери, успокаивали соседей и даже сказали, что когда надо будет, пригласят. Но люди, как водится, не уходили и видели, как на носилках вынесли женщину, отметили даже, что лицо ее не было закрыто и отнесли к хорошим признакам, обнадеживающим. Затем попросили зайти двух, особо настойчивых, а дверь все не закрывали.

Прискорбное событие, случившееся на последнем этаже обычного московского дома, здорово взбудоражило население не только его, но и близлежащих окрестностей. Всех, например, интересовало, каким образом кровь просочилась сквозь дверь, неужели она была такая хлипкая. И вообще, там же жила не просто учительница начальных классов, а солидный мужчина. Собственно, почему жил? Дай бог, он и сейчас здравствует. Но только где он? Люди перешептывались, их очень занимало, где муж, и что все это значит, если они не слышали ни скандалов, не видели супругов порознь? Действительно, все соседи сходились на том, что супруги жили хотя и тихо, что тоже по-своему подозрительно, но не ругались, не дрались. Можно даже сказать, что считались просто образцовой парой. И вот — на тебе.

Никто в точности также не знал, женщина осталась жива или нет. И что ее подтолкнуло к такому страшному шагу. А, может, это и не сама она вовсе, а кто-то другой? Ужас! От этой догадки все заходились еще больше, и досужие домыслы разрастались с новой силой и упорством.

А Сеня между тем шел себе и шел и ни сном, ни духом не подозревал, что случилось в его доме. Грозило вот-вот наступить утро, и он наконец задумался, куда именно держит путь. Ехать в Фирсановку — себе дорожке, старуха доконает своими расспросами; выдвигаться пораньше на работу — он даже сплюнул. И тут (ну, как это обычно бывает, когда кажется, что все, каюк и просвета не предвидится) он заметил человека. В это непонятное предутреннее время он странно вел себя, находясь на дороге. То ли ловил машину, то ли озирался и проверял,

нет ли кого-то, кого он видеть не хотел. Или напротив, хотел. Когда Арсений подошел поближе, то изумленно остановился и несколько отступил назад. Это был Марк. Что он делал на пустынной улице в такой час, понять было трудно. Но не успел Арсений додумать, как Марк обернулся, хмыкнул и приветственно снял шляпу. Почему-то он на сей раз был именно в ней.

— А вы что это разгуливаете? У вас там творится неизвестно что, а вы...

— А что там творится?

— Да увезли вашу Соню недавно в больницу. Неизвестно, выживет или нет.

Сеня глуповато повел головой, осмотрелся и со всего маху треснул по шее своего ненавистного визитера.

— Куда увели, говори! Кто? Что случилось?

— Да отстаньте вы от меня, прошу вас, что вы замахиваетесь, ой, не надо, вы же порядочный человек.

— А ты кто, говори, кто ты? Тоже, может быть, порядочный? Или только в окна по ночам можешь лазить?

— Отпустите, умоляю. Я правду сказал. Соня, жена ваша... Она...

— Да что с ней, скорей, иначе я убью тебя, — вскричал взбешенный Сеня.

— Ах, — как-то даже погрузнел Марк, — но это совсем невозможно. Убить меня нельзя.

— Я спрашиваю, где Соня?

— А, да, да, повезли ее на скорой, накрытую простыней, в больницу, ту, что через два квартала от вашего дома.

Сеня оглянулся, понял, что пешком ему не добежать ни до больницы, ни до дома и рванул на дорогу ловить машину.

На улице не было ни души, видимо, еще потому, что все буржуи (так они с Соней называли новый народившийся класс состоятельных граждан, имеющих дворцы, особняки и все то, что не имел обычный гражданин, даже и очень продвинутый) уже рванули на свои фазенды, и ночь на исходе еще не породила новый поток бегущих за развлечениями. Короче, на дороге было пусто. Сеня ошарашено озирался, но тут снова рядом оказался Марк, поднял поля своей шляпы и протянул услужливо руку.

Вернее, выставил локоть, за который предлагалось взяться. Но Сеня не видел всех закидонов ночного встречного или просто небесного жителя и хмуро сказал, что придется теперь ждать неизвестно сколько.

— Господи, батенька, зачем же так сурово? Мы можем оказаться там в какие-нибудь три минуты. Более того, проникнуть внутрь и увидеть все своими глазами.

— Это что же, чтобы она нас не видела, чтобы словом не перемолвиться?

— Да погодите вы о словах. Помолитесь, чтобы она хотя бы выжила. А вы все о своем, о любовном. Бросьте, доверьтесь мне.

Сеня махнул рукой, искоса взглянул на Марка и сказал, что у него просто нет сейчас выхода. Они тронулись в путь, словом, полетели. Сеня все еще насупленно молчал, а сам думал и твердил про себя только одно: чтобы ОНА была жива.

— Не находите, уважаемый, что смерть — это последнее обстоятельство жизни человека? Я что-то подобное читал о Толстом. И о его Анне. Она идет на заведомую смерть, сознавая, что это — последнее, что еще может состояться в ее жизни. Смотрите, какие разные смерти героев у классиков: Катерина у Островского и Анна.

— Вы случаем не критиком были в земной жизни? Хотя я, честно говоря, уже и не знаю, где вы, из какой сферы будете, живой или мертвой.

— Голубчик, нет мертвой сферы, это все выдумки слабых людей. Есть продолжение жизни, только в других формах, когда больше действует не разум, и даже не способности профессионального порядка, а ответ держит душа. И после этого — или рай, или то место, где вам довелось уже побывать — пустота, иначе говоря. Ничего, заметьте, страшнее нет. Фу... А все ерепенитесь, не хотите слушать старших, эх, какой непослушный...

— Вы точно были критиком, это они на всяческие построения горазды. «Последнее обстоятельство жизни»... Ничего звучит. Но какое же это обстоятельство жизни, если человека уже нет.

— Ошибочка, он ПОКА есть, это он только собирается на ПОСЛЕДНЕЕ, как Катерина или Анна. Анна вот верит, что это и есть совершенный, ну просто-таки абсолют-

ный конец и выбирает заведомо такой неэстетический способ этого обстоятельства. А с Катериной иное. Она до конца не верит, что прыгнув в Волгу, погибнет. Она, знаете, сущий ребенок. Все доказать хотела, чтоб ее поняли, заметили, полюбили, наконец. Она потому и думает, что только так, прыгнет и всё, а конца не случится, что все еще вроде бы и поправить можно. Не вышло. Нацеливаясь на подобное, нельзя играть, идти надо до конца. Вот ваша Соня, она...

— Не трогайте Соню, что вы можете знать?! Это все я, я...

— Запоздало бьете себя в грудь, вполне уже может быть поздно. Ведь она что сделала, знаете? Полоснула себя вашей бритвой, я сам видел.

Сеня впился в голову лохматого, сбросил его шляпу и закричал: «Не смейте, не трогайте. Послушайте, может, есть надежда? Да сделайте вы что-нибудь, спасти вы ее можете?»

— Я, видите ли, не Господь Бог, да и не моя это функция: совершать геройские поступки. Еще накажут... Положимся на судьбу.

Сеня даже не успел заметить, как ловко они перескочили через несколько улиц и проспектов, рванули над высоткой, потом над второй и оказались совсем недалеко от Сениного дома, поблизости от той больницы, о которой говорил пришелец. Спокойно перемахнули через забор, проплыли неопознанными по двум большим коридорам и оказались в небольшой комнате, где лежало трое. Среди них Сеня увидел свою жену и сразу хотел что-то предпринять и наехать на бездействующих врачей, но Марк поднес палец к губам и тихо прошептал, что придется молчать и только наблюдать.

А наблюдать пришлось следующее. К кровати со всякими сложными приспособлениями то и дело подходили врачи, что-то вставляли, меняли, толклись возле его дорогой Сони и говорили между собой. Были они не столько даже сосредоточены, сколько хмуры и лаконичны. По обрывкам слов, по характеру действий Сеня понял, что дело плохо и хотел было сказать, что он может дать и кровь, мол, у них одна группа, и что отдаст ее всю, по капельке. Но и тут Марк воспротивился, сделал упреж-

дающий знак, и бедный Сеня мог только неуклюже свисать с потолка, оставаясь все так же невидимым.

«А что, если я подам голос, может меня услышат? Надо сказать, что она не переносит лидокаин». И в ту же секунду услышал:

— Делали пробу? И как? Значит, не пойдет, ясно. Давайте интубировать

Сеня впервые слышал это слово, но потом сообразил, что в каком-то американском сериале уже упоминали в критических ситуациях именно этот термин, и после введения странной трубки, как правило, все заканчивалось либо хорошо, либо никак.

Вот и его Соне стали вводить что-то похожее на трубку, потом делали дополнительные процедуры, даже подносили аппарат из того же самого фильма, и, наверное, забилось ее сердце, но потом отступили, и все вместе посмотрели на часы и стали стягивать перчатки.

Сеня закричал, причем так громко, как только мог. Он пытался приблизиться к кровати, махал руками, делал какие-то движения, но все было тщетно: его не слышали.

«Неужели меня тоже нет? А, может, я себе снюсь?» Он подергал себя за подбородок, еще раз убедился, что происходящее все же правда, хотя и какая-то смещенная, и заплакал. Он плакал от бессилия, от того, что причастен к тому, что случилось, что его Соня лежит без движения и вообще без признаков жизни.

— Сделайте же что-нибудь! Вы же можете! Призовите какие-то силы.

— Все смертны. Что я могу?

— Ну хотя бы попробуйте.

— Хорошо, только вы сейчас окажетесь на улице, а я на время оставляю вас.

Что оставалось делать Сене? Он соглашался на все.

А между тем утро было совсем настоящим и так резко контрастировало с тем, что происходило в соседнем помещении и так все это не вмещалось в сознание Арсения, что он обхватил голову руками и замотал ею. Он, оказывается, стоял на земле, и рядом никого не было. Прошла с громыхающей повозкой женщина в белом халате, и Сеня сообразил, что она едет за завтраком. «Гос-

поди, а Соня не будет пить чай, есть любимую булочку», — и снова ухватился за голову.

— Что с вами, мужчина, вам плохо?

— А вы можете помочь?

— Что надо-то, и что вы в такую рань? У нас еще через час завтрак. Вот, пока привезу, разложу...

Сеня подумал: «Вот именно, когда и остынет все, тогда начну раздавать»...

Женщина была добрая и спросила снова, кто у него лежит. Он сказал, что жена и что в реанимацию его, как видно, не пустят.

— Ну, это мы обстригаем, — пообещала толстая раздатчица и велела ждать.

Утро, его любимое утро было по-прежнему завораживающе прекрасным. Несмотря ни на что. Пахло все теми же багровыми листьями, едва ли не весенняя свежесть разливалась повсюду, даже по этому неуютному дворику.

Сеня стоял, смотрел вокруг и радовался. Во-первых, тому, что рядом никого не было, во-вторых, что просто было утро, и начало чего-то нового. Еще он поймал себя на мысли, что и вправду изменилось что-то в его душе. Если Соня выживет, все, ну совершенно все станет иначе, по-другому. Он вспомнил с ужасом свои недавние мысли и намерения и содрогнулся.

Вот ведь момент, когда все могло бы быть решено в его пользу. Соня навечно была бы наказана, и он остался бы один. Не было бы ее укрывательств, лжи, недомолвок, измен.

Однако единственная мысль, которая действительно его одолевала, была мысль о жизни Сони. Вопреки всему. Что это он вознамерился? Ишь, куда намьлился? — суд вершить? Да кто он такой? — задавался Сеня вопросами, на которые был всего-навсего один ответ: никто; давать или отнимать жизнь — не его миссия.

Подошла женщина, махнула рукой и молча повела его вслед за собой. Он шел и по-прежнему думал о прелестной утренней поре и своем, как ему казалось, просветлении.

Дойдя до лифта, а потом и до двери с табличкой «Реанимация», женщина снова махнула и скрылась. Через несколько минут он увидел уже знакомый жест и входил

в коридор, надевал халат и вытирал мокрые руки о его полы.

Когда он оказался в комнате, в которой побывал не так давно, то первое, что он сделал, так это взглянул на потолок, желая удостовериться, что там и вправду никого нет, и что это именно он стоит сейчас здесь, в нескольких метрах от Сониной кровати.

Она была жива. Это подтверждало все: и открытое ее лицо, и трубки, которые все еще были в ее внутренностях, и поведение людей, которые вели себя так, словно все так и должно было быть, и что муж пришел навесить свою жену.

В этом, по крайней мере, он убеждал себя, и сам верил, что жизнь — вот она, рядом, и его Соня будет жить.

Ему сказали, что позволено подойти всего на две минуты, он кивнул и подошел близко к кровати. Как же она была бледна! Он дотронулся до ее руки и почувствовал холод. Тогда он решился провести по ее чудным волосам и снова отметил, что они словно неживые. Он оглянулся, и на его лице запечатлелся вопрос. Тогда подошла маленькая девушка и сказала, что, скорей всего, через несколько дней наступит улучшение. «Если все пойдет по плану», — добавила она. — «По какому плану?» — спросил Сеня, и ему пояснили, что по «их плану». Затем велели отойти от кровати, что-то проделали, отчего стало очень больно самому Сене, добавили, что приходить сюда нельзя, и что его известят, если что. «Если что “что”?» — «Всякое бывает», — последовал ответ и Сеня страшно заволновался. Тогда его успокоили тем, что раз так, то звонить он может вечером, когда ... Что означало «когда», не было прояснено, и Сеня, оглянувшись еще раз, пошел к выходу. Он засунул руку в карман, пытаясь отыскать деньги, чтобы отблагодарить добрую женщину, но той уже не было, и тут Сеня вспомнил, что куда-то подевалась его сумка, и что он, вероятно, оставил ее где-нибудь внизу.

Однако он ошибался. Сумка каким-то неведомым образом оказалась на подоконнике между этажами, он схватил ее и направился вниз. Ему было трудно сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли, он был в полной растерянности от всего увиденного, от того, главным об-

разом, какой он увидел Соню, и он остановился у окна, где обнаружил свою наспех собранную сумку. Он думал о том, что все могло бы быть иначе, не стань, быть может, он сам отдаляться от Сони, начав вести жизнь отшельника: работа и работа, в чем она не раз упрекала его. Если не редакция, то эксперименты — тайное его де-тище и истинная любовь.

И тут он поймал себя на мысли, что как-то смутно нащупал догадку, ответ на все события, превращения и нелепицы последних дней. Он решил, что все глупости с поездкой в ту же Фирсановку или еще куда-то отменяются и следует, не медля, НЕ МЕДЛЯ! — отправляться в лабораторию. Там, скорее всего, именно там надеялся получить он ответ, а если уж и не полную ясность, то приблизиться к пониманию того, что происходило с ним в последние пару недель. «Превращения!» — вот где отгадка, — трансмутации имеют отношение не к одним только металлам, но и к клеткам, к живому существу. К тому, что может в физическом плане подходить к полному нулю, замещаясь на видимый, но не существующий в физическом смысле объект, а впоследствии возвращаться в свое исходное состояние.

Он позвонил Сергею, своему верному сотруднику, велел плюнуть на все дела и мчаться в лабораторию, даже если возникнут сложности с прохождением туда, и что у него есть идея. Он остановил машину, чего делать вообще-то не любил и добрался до института, уютно расположившегося в укромном месте города, недалеко от Ленинского проспекта.

Разработки, проводимые Сеней с двумя сотрудниками, здорово смахивали на алхимию, за исключением того, что во времена Парацельса искомой целью являлось получение золота, у них же — превращение клетки, множественность этих превращений на вполне физическом, объективном уровне. Описание, научное описание подобного феномена Арсений нашел только в двух источниках, косвенно подтверждающих его правоту: это были статьи итальянца и американца. Но академическая наука, естественно, не верила и насмешничала над подобными изысками человеческой мысли. Академикам это казалось художественным бредом, фантастикой. Даже на попыт-

ке защиты одной докторской, куда он был приглашен лет пять назад, Арсений понял, что лет двадцать-тридцать еще не прорваться, не поймут. К улюлюканьям в своей среде он привык, потому и пошел в научные редакторы, чтобы хоть кто-то не завис так же, как и он. А, может, и светлую мысль, близкую к собственным разработкам, увидеть. Всякое ведь может случиться.

Он шел по коридору, тайно проведенный Сергеем и, честно говоря, удачно попал в смену знакомого милиционера, который лояльно относился к самому Арсению и сочувствовал тому, что он делал, а институтские граждане не принимали. Опирался этот страж институтской проходной, видно, на то, что все ученые уходили едва стрелки приближались к пяти. Арсений же сидел до тех самых пор, пока сам милицционер-Миша не засыпал и не понимал, что пора печатывать помещения. Тогда Сене приходилось уходить, да и то под искренние извинения Михаила.

Вот и на этот раз Сеня отдал под козырек, получил приветствие от приятеля и нырнул в подвальное помещение, где кроме них с Сергеем, еще двух механиков, и не было никого. Это было замечательно. Серега открыл своим ключом дверь, пахло знакомым химическим запахом, чем-то прогорклым и любимым, и Сеня огляделся. Все было по-старому: вытяжка, столы, плакаты, огромная карта бывшего СССР с пометками, сделанными Сене еще в пору работы в этом учреждении. На нее тогда приходило много народа поглядеть, тем более содержала она такие сведения, которые не во всяком справочнике можно было отыскать. Это тебе не города и республики, но наличие мест, где только еще возможно было обнаружить полезные ископаемые, те уголки страны, куда не каждого геолога ноги дошли, так удалены и трудно проходимы были маршруты. Вот эта кропотливая работа и принадлежала Сене. Он полез в стол, достал заветные записи и углубился в них. Так прошло часа два. Встрепенулся он лишь тогда, когда учуял незнакомый запах: это Серега принес неизменные пирожки, которые пеклись в институте, наверное, еще со времен самого Вернадского. Были они тощими и становились все тоньше и тоньше год от года. «Да, — подумал Сеня, — тончает и наука, не одни только пирожки».

Они перекусили с Сергеем, запили чаем, предварительно подготовленным Сергеем, и тут Сеня изрек: «Ну, Серега, недолго нам бегать забытыми и непризнанными. Я такое нарыл!» «Нарыл» — было любимое словечко Сени, и Серега с пониманием кивнул. Он привык к закидонам своего патрона, и ему нравилось, что теперь, стало быть, Арсений Пальч будет приходить чаще, и видеться они начнут больше. И это радовало. Что он там нарыл? Серега верил во все завихрения Арсения, и ни одно не вызывало неприятия или вопроса. Не говоря уж о недоверии.

За чаепитием Арсений Пальч заговорил не сразу, а сначала долго жевал пирожок. Затем неожиданно весело произнес: «Все дело в этих невидимых частицах. Но я-то, я их видел. Наш ускоритель, я понял его. Не все так однозначно, как говорят за этими стенами. Истинное не только то, что видят академики, но и то, что только обозначается в виде контура, легкого абриса, как в живописи импрессионистов. Наука физика тем и прекрасна, что имеет выходы — куда хочешь: хоть в живопись, хоть в музыку, но главное — в человека. Мы привыкли к её однолинейному толкованию. Вот она, стоит, родимая, видимая со всех сторон. А если не со всех? Если есть еще варианты? Эти варианты в последнее время меня достали. Ты не поверишь, да и никто не поверит, но я видел такое... Представляешь, я, перевоплощенный, но сохраняющий свою самость, суть, летал?! Можешь такое вообразить? Да не смотри ты так, не сошел я с ума. Вот утрясется все с Соней, знаю, что увижу еще кое-что. Просто не был я готов к некоторым встречам, занервничал. Стал сравнивать с известными феноменами, а в науке нужно доверять себе, верить в сверхъестественное, не бояться нарушить канон. Вот, скажем, в музыке или живописи, приходит гений и все привычное, все установленные правила, летят к такой-то матери. А чем иначе устроена наука? Это тоже вид деятельности, но проверяемый фактами, а не образами, вся разница. Но я им докажу, что мы знаем слишком мало, чтоб высокомерно утверждать, что о человеке известно только то, что известно. Перевоплощения касаются не одного только театра, ролей, но и элементов: металлов, частиц, плазмы. Того, что так или иначе имеет отношение к человеку».

В следующий раз я тебе кое-что продемонстрирую. А, может, выйдет и совсем иначе, чтобы ты удостоверился вполне. Как? Со мной полетишь. Ясно? Не струсил? Вот так».

С этими словами, сказанными на одном дыхании, просто взмахнул, Арсений Палыч приостановился, взгляделся в Сергея и засмеялся: «Да не дрейфь ты, не сошел я с ума, живой еще, и ты скоро в этом убедишься». Он аккуратно убрал со стола, вымыл чашки и сказал, что сейчас поедет к Соне в больницу. Сергей автоматически посмотрел на часы, крикнул, но стал собирать свою бездонную сумку. И только у входа предложил: «А, может, я с вами?» — «Нет, сегодня я сам», — ответил Арсений, и они вышли из института.

Было холодно, и оба поежились, но настроя ехать к жене Сеня не изменил. Он попрощался с молодым человеком и стал ловить машину. И только тут вспомнил, что еще не был дома, что ничего не знает, каково там, заперта ли вообще дверь. Однако тут же отогнал эти мысли и продолжал взмахивать рукой в каком-то странном предвкушении чуть ли не счастья: он увидит, непременно увидит Соню, свою любимую, дорогую жену. И это было самой большой настоящей правдой.

Доехал он довольно быстро и уже знакомым тайным путем пробрался в коридор с пугающей надписью: «Реанимация». Позвонил, ему открыли, таксу он уже знал, набросил на плечи халат и зашагал по коридору. Пока он проделывал этот нескончаемый путь, летучее, приподнятое настроение покинуло его, и снова стало страшно. Рано утром прозвучала из уст врача надежда на благополучный исход. Однако он все же пожал плечами и добавил, что всякое может быть. Вот об этом «всяком» и думал Сеня.

Когда он, предупрежденный, что у него только пять минут, вошел в палату и увидел Соню, сердце его куда-то провалилось и вернулось не скоро. Картина была ужасающая: его жена была повернута набок, рядом стояли врач и сестра, которая почему-то присела и пыталась что-то приладить к Сониной ключице. Сене сделалось невыносимо жаль жену, жаль самого себя, весь свет, который так немилостив и немилосерден к нему и к его

Соне. Злости не было, грызло, точило отчаяние. Еще — бессилие. Он шагнул ближе и закрыл лицо руками. Услышал Сонин стон и открыл глаза. Женщина на кровати, его Соня, была совершенно бледна. Где-то в районе плеча торчала какая-то штука, в которую капало висящее над Соней лекарство. Тогда Сеня сообразил, что это, и страх отступил.

Он сделал еще один шагочек в надежде поймать Сонин взгляд и хоть что-то сказать, но этого не случилось, да и не могло случиться: она была очень слаба. Он дотронулся до ее руки, провел по ней, погладил, сжал, и тут ему сказали, что все, пора, мол. Он спросил врача, что дальше, и тот ответил, что дальше будем ждать.

Сеня едва плелся назад и думал только об одном: что это он во всем виноват, один он.

Домой он добрался тем же способом и увидел на своей двери приклеенную поперек бумажку. Сдернул ее и вошел в незапертую квартиру. В ней было страшно, но уже по-другому. Этот страх можно было прогнать конкретным действием: уборкой. К ней он и приступил.

А убирать было что. Одной крови в ванной, да и в коридоре было столько, что он еще раз подумал о бездонности человеческих сил и выносливости. Он тер и тер, мыл и без конца прополаскивал тряпки, но не все оттиралось, и он, уже в порыве ярости, бросался на дело снова и снова.

Обнаружил ключи, которые бросил, когда уходил и с облегчением подумал, хорош бы он был, окажись дверь заперта. Но он понимал, однако, что его непременно пригласят, что одной уборкой дело не закончится, и что еще много хлопот самого прескверного характера ему придется испытать.

Когда, наконец, он совсем выдохся и прошел на кухню, чтобы поставить чай, послышался легкий шорох и голос, который спросил его, который теперь час. Это был тем более дурацкий вопрос, если учесть, что на кухне, прямо над столом висели большие старинные часы. Их еще его бабушка привезла из своего дорогого Питера, так что, часам было что вспомнить, но они, однако, исправно ходили и вообще были украшением дома.

Он оглянулся: перед ним стоял все тот же Марк. Как же он ему надоед, а уж сегодня и вовсе все это было ни к чему. И зачем только все эти перевоплощения коснулись именно его, Сениного, прозорливого понимания материи? Теперь, с новых своих позиций и опытов он четко сознавал, что перед ним почти ничто, нечто перевоплощенное от него даже самого, может быть, но вот же, приходилось беседовать и с этим существом, утверждавшим, что оно знает нечто такое!..

— Что скажешь, незванный гость?

— Да простую вещь. Согласен испытать такое, что к черту отодвинет твои опыты и твои догадки? И окажется, что ничего-то ты не понял, и что все, что происходит, происходит на самом деле.

— Нет, мой недруг, я-то как раз знаю, что ты не знаешь ничего, ты, быть может, просто тень моя, которая ходит за мной по пятам. Что ты можешь знать о материи?

— А ты? Ты уверен, что познал ее?

— Я — в процессе и человечество никогда не узнает человека до конца, его возможности, ипостаси, игры и роли. Он всегда разный и всегда принадлежит самому себе.

— Замечательно, только почти ничего не значит. Только опыт, мой друг, только он один, да еще малозначительная вещь, такая, как прозрение, способны повлиять на знание. Познание и применение знания — вещи очень, скажу я вам, разные. Собирайтесь, сейчас сами убедитесь, что я прав. Но именно — соберитесь, путь непростой, долгий.

Арсений машинально сгреб последние крошки со стола — свидетельство утренней, еще вполне благополучной жизни и подумал, а какая, собственно, у него цель? Что за задачу собирается он решить? От полного раздора в голове он постепенно приходил к необходимости ответа на этот и многие другие вопросы. Например, следует лишь удостовериться в том только, есть ли место, называемое его знакомцами адом или это некая попытка показать, что бывает самое страшное с непослушными. Даже не столько грешниками (как определить меру этого греха?), сколько ПРЕСТУПИВШИМИ. Пусть пока не в реально-

сти, пока лишь готовясь в чему-то, что и может быть квалифицировано как ПРЕСТУПЛЕНИЕ. «Но я же пока ничего не сделал?» — неуверенно спросил сам себя Сеня и тут же услышал злобный смехок: «Но ведь хотел, хотел... А сейчас страх обуял, встал перед тем, что могло бы быть, но только не по твоей воле и решению, а по ее собственной. Только страх пока руководит тобой. Раскаяния, осуждения — всего этого нет», — закончил гость почему-то перейдя на ты.

— А вы не смогли бы сказать, у вас в биографии было такое страшное, что так и заставляет вас мотыляться между небом и землей? Может, это и есть ваш ад?

— Все может быть, но страшного, совсем страшного, как ты себе это представляешь, не было. Да, я был на грани, очень-очень близко подошел к черте. Считай, что в высшем смысле — это равносильно предательству, ибо я ПРЕСТУПИЛ.

— Почему вы иногда говорите вполне разумно, даже проникновенно и взвешенно, а иногда — как самый настоящий урод, сатана?

— Потому что я и есть тот, чем ты меня только что обозвал. Я, может быть, первый, кого послали таким образом мучиться и сознавать свои грехи. И я веду других... ну, чтоб или приостановить, или наоборот, сподвигнуть на последний мерзкий шаг. Но то, что он должен состояться, этот последний шаг, — неминуемо. Впрочем, мы подлетаем, соберитесь.

— А, собственно, к чему, на ваш взгляд, я должен быть готов? Что должен извлечь из этого посещения? Еще раз удостовериться, что страшнее пустоты ничего нет? Я это и так понял.

— Ты не почувствовал детали, ты решил, что все не так и страшно, и можно избежать даже ада или его преддверия, как сказать...

Знакомые очертания стали проступать все ближе и Арсений без малейшего чувства страха готовился к встрече со странным господином, говорившем все больше полупонамеками и ситуацию не прояснял.

Действительно, вышел этот человек (или кем он там являлся), вид у него был суровый и решительный. Он без лишних слов взмахнул рукой, и Арсений мгновенно ока-

зался в другой реальности или в другом измерении — трудно сказать. Вокруг была та же пустота и приближающаяся, становящаяся все концентрированнее и опаснее тишина. Она снова, как и тогда, начала обволакивать тело, слух, ощущения сидящего одинокого человека, но на сей раз Сеня решил, что непременно изменит ситуацию. Накануне недаром он провел день в институтской лаборатории и кое-что нарыл. Он знал одно: здесь — как в сказке — только не уснуть, не потерять бдительность, не поддаться искушающей тишине, за которой — ничто. Никого и ничего. И Сеня знал, как это преодолеть. Более того, он даже предвидел, что на этот раз не останется один, и что непременно кто-то появится. И ему нужно будет, как в мокром, липком сне превозмочь собственную немоту и невозможность бежать, вообще двигаться.

Он машинально потер ноги, понял, что они, как и руки, в полной готовности и приготовился к встрече. А тишина между тем все настойчивее наступала и давила на виски, мешала думать и соображать.

Арсений вспомнил работу одного автора про иронию и насмешку, и что именно эти проявления категории комического частенько спасали человечество. И он готовился не к битве как таковой, а к защите от нападения, привлечении иронии и даже самоиронии. Как хорошо и полезно иной раз знакомиться с трудами, о которых в нормальной жизни он и не помышлял и не знал об их существовании. Надо же, иронией можно защищаться!

И еще одну вещь он вспомнил. Как несколько лет назад очень здорово заболел и выручили, спасли не лекарства вовсе, а воля и интеллект. Он ни минуты не сомневался, что выкарабкается и не расслаблялся. Не верил во все истории соседей по палате, рассказывавших страшилки про его заболевание, связанное с ногами. Но он вылез, не потерял ногу, более того, стал упорно заниматься спортом и победил себя. Так отчего это теперешняя напасть? Что такого я наворотил? — думал Сеня, а сам понимал, что лукавит.

И в этот момент он почувствовал, что тишина и это проклятое НИЧТО словно разрядились, словно внутри этой спрессованности возник просвет, и кто-то появился. «Может, черти?» — язвительно предположил он и тут же

увидел выступ скалы, переместившийся чудесным образом сюда, вниз (или вверх?), человека на сей раз в черном и только на голове у него была странная повязка, на манер московских рокеров и панков. «Ну и ну!», — только и подумал Сеня.

А между тем его явно рассматривали, хотя света так и не появилось. Только прорежение воздуха, отступление чудовищной, давящей пустоты говорило о том, что что-то изменилось, и он действительно видит перед собой какую-то важную персону.

Персона вытянула ноги, сложила руки на животе и вглядывалась в Арсения. Он это отчетливо сознавал, более всего чувствуя, ощущая, но меньше видя. Что-то снова непонятным образом случилось со зрением, и центр понимания сместился не к голове и глазам, а вправду к осязанию и чувству.

Он некстати вспомнил психиатра, к которому водил Союю после неудачных родов. Доктор был добрым, толстым дяденькой, и от него исходило едва ли не тепло. Арсений спросил его, как жить, и что нужно, чтобы быть в гармонии с собой и с миром. Это был вечно мучающий его вопрос. На это врач спокойно улыбнулся и сказал, что все очень просто, и нужно только изменить взгляд на вещи. А, стало быть, и реакции. Но потом добавил, что именно это почти невозможно. Так вот хитро ответил, пошутил, можно сказать.

Арсений решил.

— А вы прямо могли бы сказать, где я?

— Мог бы. При условии...

— Каком?

— Весьма простом: вы должны решиться.

— На что?

— Попробовать пережить примерно то, что накануне утром пережила ваша жена. Все ее мысли прочувствовать, боль, страх. Это, кстати, поможет и ей.

— Она выживет?

— Теперь зависит от вас.

— Как это? Да и что я-то могу сделать?

— Повторяю, пережить то же, что и она.

— Оставаясь здесь? А разве это место — не есть само по себе уже страшным испытанием или вам этого мало?

— Мало, — вздохнула персона и вдруг добавила: — это не сам ад, а всего лишь преддверие. Но представьте, каково там...

— А кто оказывается... там?

— Такие же грешники, как и вы, как другие...

— Тоже преступившие?

— Да, и они тоже. Так как, готовы?

— Можно подумать, если я скажу нет, вы с миром отпустите меня!

— С миром? Вряд ли, вы правы.

— Так какое же вы уготовили мне наказание?

— Не наказание, а испытание. Вы просто проследуете путем вашей жены, вот и все.

— А потом снова окажусь здесь?

— Как знать...

— Я готов.

Раздался хлопок или что-то похожее на него, и все затихло опять. Сеня почувствовал, что задыхается, хотел крикнуть, но не смог, побежать — не слушались ноги. Он был скован совершенно, просто до самой последней капельки. И вдобавок он почувствовал липкий, терпкий вкус и то, что одежда его намочила, стала (он снова ощутил это) другого, темного цвета, и он сообразил, что это кровь. Сначала завертелся выступ скалы, исчез важный господин, отступила пустота, и он понял, что пропал. Что жизнь больше никогда не вернется в его тело. Затем он услышал, что кто-то колдует над ним, даже довольно громко разговаривает, услышал слово «носилки», его стало трясти, и тут все исчезло.

А в белой комнате он видел на потолке висящего Марка и самого себя в весьма нелепой позе. Сони нигде не было. Отступила тишина, стали возвращаться звуки, его трясли, переворачивали (так ему казалось) ставили трубки, в том числе и в рот. Протыкали руку, где-то в области плеча, но очертания комнаты, контуры ее так и не проступали. Вообще было не так уж и плохо, тепло было. Хотелось одного: чтобы все ушли и оставили его в покое. Ему даже показалось, что он готов что-то сказать и махнуть себе самому рукой, но снова все перевернулось, поплыло, и опять вернулся холод.

Страшное это дело: умирать. Вот у Чехова герой в маленьком рассказе приходит домой после неудачной попытки извиниться, ложиться на диван и... помирает. Чехов говорит «помер». Надо же, не погиб, не скончался, а именно таким глаголом. И сразу произведение переводится в другой, гротесковый план. Здесь же все смешалось: висящие люди над ним, один из которых — он сам, отсутствие собственной памяти, понимания, отчего это он оказался здесь и что с ним, а главное — зачем все это, что за эксперименты продельвает над ним жизнь, или это вообще — последнее событие его жизни под названием «смерть»?

Он даже не понимал, хочет ли назад, стоит ли вообще этого желать, да и что нового его может там ожидать?! Он перестал чего-либо хотеть, и сразу стало пусто.

Через какое-то время крошечным осколком сознания он ощутил, что еще жив и понял: надо выкарабкаться. И главное — начать думать. Давалось это с трудом. Однако заметил, что люди на потолке исчезли, в комнате вполне уютно и светло, но как-то шумно.

Он попытался сказать слово и, как ему почудилось, даже запеть, но это было сильным преувеличением: он по-прежнему молчал. Более того, мысли снова покинули его, и вернулась пустота и ничто. Это было самое страшное. Подобного нельзя было допускать и он закричал. Да так громко, что персонал испугался. Он орал так, как только позволяли легкие, силы и... все тот же интеллект. Он кричал о всем прекрасном на земле и клялся жить честно и отважно, побеждать врагов и строить светлое будущее. Он кричал и стремился преодолеть немоту и давящее одиночество.

Наконец он докричался до того, что снова оказался в темном, замкнутом пространстве, но уже не было кровати, уютного тепла, а непроходимая тишина, ее плотность и жуть. «Где я? Где?» — снова завопил он, но был остановлен важной персоной. «Браво, дорогой, вы все исполнили. Как самочувствие?»

Сеня не мог произнести ни слова, болели руки, колодил озноб, но он почему-то был счастлив. Сквозь немоту и ужас, через непонимание и затворничество он был рад, что осознает, что он есть, что все еще может быть, и что

род его должен быть и может продолжен. С этой мыслью он отключился и очнулся только утром, лежа на кровати, со скомканными простынями и валяющимся на полу одеялом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он открыл глаза, обвел глазами комнату и уставился в потолок. Так прошло довольно много времени. Разбудил его звонок в дверь. Он поднялся и едва живой пошел открывать. На пороге стоял человек в милицейской форме, а рядом стоял еще один, в штатском. Они держали привычным образом свои удостоверения, на которые Сеня и не взглянул и махнул рукой, чтоб заходили. Сам же пошел в ванную, умылся и вернулся в комнату.

Разговор, который состоялся и которого было не миновать, ни к чему хорошему не привел. Сеня был зол, хорохорился, отвечал невпопад и вообще вел себя так, будто ему причинили горе и боль, а не он достал свою Соню. Впрочем, что именно он был причиной случившегося, никто знать не мог. Ему были обязаны задать вопросы, и они были заданы. Все же подозрений было не избежать, Сеня это прекрасно понимал, но был настроен воинственно. Он с легкостью отмел ненужные, лишние, как ему казалось, вопросы, и уже готовился к их уходу, как тот, что в форме вдруг спросил: «А скажите, вы сами-то не хотели, никогда не думали о подобном исходе?» Сеня помолчал, взвешивая, как более хлестко ответить аналитику в форме, но почему-то не врезал ему и вообще покладисто ответил: «Иногда думал, чтобы остаться одному, вообще одному, в целом свете. Но чтобы вот так... нет, такого... нет, не думал, не хотел». — «Да вы не горячитесь, все понятно». — «Что вам может быть понятно? Что вы можете знать?» — «Действительно, откуда нам?! Мы же имеем одни только погоны вместо мозгов». Сеня ухмыльнулся и заметил, что предполагать все что угодно может каждый, но где истина зарыта, известно только одному человеку, да и то не до конца». — «Это вы себя имеете в виду или вашу жену?» — «Обоих. У вас все?» Допрашиватели поднялись, и уже у дверей тот, что был в погонах, снова спросил: «Не все тут так просто, как я по-

смотрю. Если надумаете поговорить, вот мой телефон», — и он протянул карточку. Сеня равнодушно взял ее, повертел в руках и насмешливо заметил, что если ему и вздумается с кем-то пооткровенничать, то у него есть на этот случай слушатель и советчик. «Вот и славно», — заключил милицейский чин и, козырнув, пропустив своего спутника, покинул Сенину квартиру.

И с новой силой Сеню полоснула мысль: что он хотел узнать там, наверху? Зачем летал? Ведь не только за тем, чтобы пройти Сонин путь страха и преодоления смерти? Наверное, есть иная, более мощная цель? И скорее всего, предстоит главная, самая главная встреча, которая только и могла быть, — это встреча с... Ему стало страшно. Страшно произнести само слово, означающее верх и всюдность мысли, то, что только имеется в виду людьми, но никем и никогда не видится. Он понял, к чему готовят его и к чему должен быть готов сам.

А стоит ли затевать это? Не будет ли еще страшнее, и вообще, как жить после этого? Что нового и таинственного, необъяснимого будет в этой встрече? Так нужно ли разрушать тайну?

Нет, все не так. Следует поступить совсем не так. Он полетит, полетит еще раз непременно, но цель будет ясная и простая, как сам этот мир. Реальный ли, потусторонний — не все ли равно. Это там, всяким Маркам и господам в странных одеяниях кажется, что они — где-то в ином измерении. На самом же деле никакого иного измерения нет, его просто-напросто не существует. Есть измененная материя, сопрягающая дух и физическое начало. Что превалирует — а это в зависимости от того, каков потенциал у искателя, у того, кто в поиске, кто заинтересован в ответе. Что-то может преобладать, а в какое-то время берет верх противоположное. Нет четкого водораздела: духовное или физическое. То и другое правят миром равноценно. Востребованность и цель — вот что меняет приоритеты.

И Арсений понял, что если еще раз ему предоставится возможность оказаться ТАМ, он непременно сумеет объяснить, что к чему и зачем все заблуждения. И ему — нет — не потребуется ГЛАВНАЯ встреча: зачем разрушать иллюзии? Разум и Бог внутри нас, хоть вместе и несоедини-

мы. Так, может, не разум, а вера и Бог или совесть и Бог — кто знает? — у каждого свои.

А что у самого? Что сам? Сеня думал и не находил ответа. Он точно знал одно: встреча не нужна, она не внесет ясности, она только всё запугает. И тогда, тем более тогда, он должен испытать все сполна: не на него, а он должен повлиять и переменить оценки. Ты слышишь, психиатр? Я еще помню твои советы: оценки и взгляд на мир, вот в чем дело.

Нет, никаких глобальных встреч; уж если и лететь, то со своей надобностью, программой, можно сказать. Теперь он точно знал, что все, что он видел и где побывал, не только не обратная реальность, не только не неизведанный, иной мир, но вполне очевидная материальная действительность, только облаченная в другие, непривычные формы. И населяющие эту реальность, постоянно или временно, персонажи, не более, чем ПРЕОБРАЖЕННАЯ материя, преобразенное пространство, и только люди способны были на столь изощренный метод помещения его в тот вакуум, в котором ему довелось побывать. А это был именно вакуум, где не было никого и ничего — одна пустота. На такую пытку, страшную и изобретательную, действительно способны только люди. Пусть числящиеся в прошлом, пусть неким образом, пока непонятным ему, оказывающиеся там, но не какие-то оборотни или фантомы, а именно люди. Но! — особые, претерпевшие нечто такое, что подвинуло их самих на создание этого вакуума. Ну, а то что сами летают и оказываются где угодно — так это и вовсе ерунда, им-то не владеть этим!

Он сознавал также, что не знает пока (ПОКА) ответа на многие вопросы, но успокаивался одним: во всех этих превращениях материи есть нечто схожее с той проблемой, которой он был занят в своем институте долгие годы: проблемой превращения (трансмутации) металлов. Его друг занимался подобным, но имел дело не со свинцом и медью, а с живой клеткой. Так почему невозможен прорыв, мощный научный прорыв, которому нет пока объяснения?! Не плод же это его воспаленного ума и воображения! Нет, здесь явно что-то другое, и разгадка где-то близко, нужно только запастись терпением и преодолеть невозможное: страх и сомнение.

Когда Арсений вышел из дома и пошел своей привычной дорогой, он все не мог освободиться от мыслей, так достающих его. И он подумал, неужели это космические проделки, что совершаются с ним? Неужели человек так эволюционировал, что его биологическая сущность стала способной к формированию духовной материи? Вопреки законам природы, физики, прочих наук, неужели совершился тот единственный, почти недостижимый прорыв, к которому и шло всегда человечество и развивалось благодаря этой потребности преодоления? Неужели невозможное стало, становится реальным?

Сеня не мог утвердительно ответить ни на один вопрос. Мысли о Соне пересекались с вселенскими, глобальными размышлениями обо всем человечестве и утверждении духовной энергии в человеке, которая, оказывается, способна к материализации, и решительной и истинной все же была простая, как хлеб, мысль о здоровье и жизни любимого существа.

Уже привычным путем он проник в палату, на пороге его задержал врач, который сказал, что, кажется, страшное позади. Сеня обнял здоровяка, потряс ему руку и потом говорил какие-то слова и снова пожимал руку. «Вы недолго, она слаба, не тревожьте ее. И вообще, — это лишнее, она должна побыть без вас. Судя по всему, вы и есть тот виноватый, из-за кого все стряслось». Сеня ничего не ответил и только кивал головой и спешил к палате.

Соня лежала на спине с открытыми глазами и смотрела в потолок. «Как я совсем недавно», — вспомнил Сеня и подошел к кровати. Соня не прореагировала, а, может, не хотела его видеть? Но он взял ее за руку, она обернулась, посмотрела мутным взглядом и кивнула. Это уже было счастье! Она жива, она была жива и видела его! И — реагировала!

Сеня нагнулся и, как и в прошлый раз, погладил руку и поцеловал. Она не отдернула руки, но и ничего не произносила. «Прости», — сказал Сеня и увидел на глазах Сони слезы. Он прикоснулся к ним губами, поцеловал в щеки, поправил волосы и сказал, что все теперь будет хорошо. Она молчала, и он, увидев знак медсестры, выпрямился, сказал, что придет завтра и, все еще оглядываясь на нее, вышел из палаты.

Он понимал, что встреча эта мало о чем сказала. Со стороны можно было бы посчитать и обычной встречей двоих после тяжелого заболевания одного из них, а можно извлечь такой особенный, глубокий смысл, который не виден непосвященным. Один момент, всего лишь мгновение, когда он увидел, ухватил взгляд Сони, и который говорил, что не все еще потеряно. Нет, он не строил иллюзий, он помнил, что еще так недавно готов был к другому. Но хотел проделать все сам. Теперь же, когда это почти произошло, случилось, ему стало невыносимо страшно и стыдно. Именно стыдно. Он никогда и никому не посмел бы признаться в своих намерениях. И тут же мерзкая мысль словно вдогонку напомнила, что она неверна, что осквернила все, что он всего пару дней назад дрался и собирался уйти, совсем уйти, даже бросил ключи. Но вот ведь, перед порогом смерти все оказывается иначе: прощается все, почти все, и обиды кажутся недостойными и незначительными.

Господи, ну почему так устроен человек, что все-то ему мало, плохо, что рядится из-за мелочей, не думает о вечности? И вот — черта, оказавшись перед которой все меняется: взгляды, оценки, суждения. Неужели это лишь миг прозрения, и все вернется назад, к прежнему? Он не хотел отвечать, и так на сегодня он назадавался вопросами, хватит. Еще предстоял день, работа, и он некстати вспомнил о задании редактора. Да уж, теперь оно было явно ни к чему.

В редакции каким-то непонятным образом уже все знали, и женщины принялись жалеть... нет, не Соню, а его, Арсения. Так и говорили, что как, мол ему тяжело, и что надо теперь силы, и что вообще, пусть попросит отгул на несколько дней.

— Какой отгул, когда главный велел собирать вас на рыбалку и отметить всем коллективом?

— Это ужас, просто ужас, — запричитала Вера Иванна, — неужели непонятно, что человеку ни до чего сейчас.

— А как себя сейчас чувствует ваша жена? — наконец спросила Галя.

Однако в этом вопросе Арсений усмотрел больше формального интереса, нежели истинного проявления волнения. Никто не предложил помощи для Сони, никто не со-

брался навестить ее. Странно. «Странно, — решил Сеня, — что перед лицом трагической случайности, произошедшей не по воле заболевшего, — отклик совершенно другой. Здесь же, когда ситуация тоже критическая, но виновник ее — сам человек, — отношение прямо противоположное, даже осуждающее. Что и подтвердилось тут же.

— А зачем это она? Вы ведь все ей, ну просто все, все свободы предоставляли! Что не жилось человеку? — вопрошала сотрудница Маргарита Никифоровна.

Сеня был несколько обескуражен. Вот ведь что значит грех. Даже среди образованных дам попытка самоубийства не вызывает искреннего сочувствия и уважения. Так, спрашивают ради приличия, но больше озабочены именно им, Сеней.

— Идите, серьезно, идите домой, вы помятый и вообще, вид у вас такой, словно вынули вас из корзины с грязным бельем. Идите и отмойтесь, выспитесь. Подождет рыбалка. — Это сказала Галя, а подошедший Женя, врубившийся в ситуацию, мотнул странно головой и произнес совсем уж кощунственное:

— Не понимаю я этих баб, что им еще нужно? От жира что ли бесятся? Иди, Сень, поспи, а о нас не думай, вернее, о рукописях. Никуда они не денутся.

Так, успокоенный всем коллективом, Арсений простился наспех и действительно отправился домой. Но какой-то безрадостный был этот путь. Уже не согревала осень своим светящимся багровым нарядом, не было тогопряного аромата, что еще совсем недавно так будоражил Сенины чувства. Нет, напротив, стало ветренно и прохладно и он вспомнил, что позабыл нормально одеться: ни свитера, ни плаща, так, легкая курточка.

Он нащупал бумажник, зашел в продуктовый и отоварился. Больше напирал на молочные, но и о пиве не забывал. Предоставившаяся возможность наконец отдохнуть и — более того — освободиться от груза непрерывных мыслей, просто побыть в собственном жилище немного успокаивала, и становилось постепенно спокойнее. «Вот народ, — думал Сеня, — откуда они-то узнали про все?» Но не стал беречь свою память и возможные источники оповещения, а зашагал к своему дому.

Он отметил, что двор чисто выметен, и что дворник

Дима приветствует его как-то особенно значительно. «Сочувствую», — решил Сеня и вошел в подъезд. В квартире он наскоро поел, затем долго пребывал в ванной, и все смывал и смывал с себя и несуществующие уже следы крови, и протирал отметины от укулов, и тер себя чуть ли не неистово.

Размякший, он вышел, откупорил банку с пивом и залпом выпил. Сон почти сразу накрыл его и не хотелось думать ни об институте мозга, ни о клеточных завихрениях, ни о высоких материях и духовном совершенстве. Он решил, что утешить, успокоить могут вполне простые вещи, такие, как покой, уверенность в ближнем, стабильность и равновесие в жизни. Половина из этого набора у него отсутствовала, но все равно было хорошо. Он заснул.

И спал так долго, что миновали вечер, половина ночи, и уже забрезжило утро. Прошло часов десять, не меньше. Проснулся он внезапно от непривычного звука. Поднялся, посмотрел вокруг и уже по привычке прошел на кухню. Там за столом, за его столом, наплевав на всякую преображенную материю, в том числе и духовную, сидел Марк. Более того, он допивал пиво Арсения и при этом странно морщился. Ну, ничего себе! Это уже было слишком!

Так кто это? — фантом, искаженный разум, та самая материя, или нечто такое, о чем ни Арсений, ни кто другой не имели пока никакого понятия? Может, это сам Арсений, только какой-то перевернутой, с судьбой (почти по Станиславскому, которая лишь могла бы быть?), тоже в виде перевернутой процессии? Но тогда что получается? — что примерить на себя вполне можно вообще любую судьбу, как негодную, или напротив, понравившуюся одежду?

Его настолько мучил этот вопрос, что он даже не стал затруднять себя приветствиями и привычным раздражением, а сразу перешел к делу.

— А вот чего вы, к примеру, боитесь? Силы, изменения состояния, просто боли? Ну, а если я вас сейчас просто побью?

Марк с сочувствием поглядел на Сеню, отпил еще из банки, покрутил ее и сказал:

— Давай, бей. Если сможешь, конечно.

— А что, вы сомневаетесь в моих силах?

— Да ты бей, а там разберемся.

В Сене что-то такое соскочило с колес, как говорится, съехало, сдернулось, и он со всей силы врезал гостью. Тот не шелохнулся, только отступил, и тогда уже Сеня начал неистово, отчаянно молотить прищельца. Еще немного и он бы, наверное, его пришиб. Но того ничего не брало. Иногда он отмахивался, один раз даже свалился со стула, но боли — это было видно — не чувствовал.

— Кто ты? — заорал Арсений, — отвечай, кто?!

Марк молчал, пиво не пил, а только довольно утрировано смотрел в пол.

— Зачем тебе знать до конца? Ничего не надо знать до конца. Да и прекрати понапрасну тратить силы, успокойся, сядь.

Арсений все еще не мог утомиться, ходил по своей маленькой кухне, меряя шагами пространство от холодильника до двери и обратно. Марк молчал. Наконец он поднял голову, внимательно посмотрел на Арсения, и Сеня не увидел в этом взгляде привычной насмешки, глумливости. Марк был спокоен и сосредоточен. Более того, он показался Сене не тем слабаком, каким был до этого, по мнению редактора, но вполне уверенным в себе, даже сильным человеком. Вот только человеком ли? Марк отодвинул пустую банку и заговорил.

— Ты все пытаешься решить загадки вечности, вот и в институте что-то там важное нарыл. Но ты плохо учил в университете философию: человек живет только затем, чтобы познавать. И — применять. В первом и во втором — два подхода, это очень непохожие подходы. Ты все стремишься зацепить за хвост вечность, но она не дастся тебе. Я потому к тебе и попал, чтобы предостеречь от некоторых опытов: не лезь ты туда, ничего пока тебе не откроется. А если и откроется, то все равно ты не поймешь, что с этим делать, как ПРИМЕНИТЬ. Да и никто пока не поймет, так что, не кори себя, отступись. Будь в ладу с собой, вспомни бедолагу Канта, и все образуется. Но тебе его звезд над твоей головой мало, ты все пытаешься обхитрить вечные, простые истины. То вот убить собрался, да силенок не хватило, то оценить то пространство, в которое попал дважды. Ставишь задачи? — это хорошо.

Но важней иногда не спрашивать, а запастись наблюдениями, запоминать. Когда-нибудь пригодится.

А я — никакой я не фантом, не твое извращенное Я, я — сам по себе, но всего пока не скажу. Будь в жанре, воспринимай все, как есть. Пока. То ли фантастика это, то ли пришельцы, то ли именно над тобой опыты бывших грешников — как знать. Да и не знай пока. Все откроется. Но, может быть, не завтра и даже не при твоей жизни. Но когда-то — непременно.

А теперь слушай меня. Внимательно только слушай, ничего не упусти. Вот пришла бы к тебе волшебница, фея из сказки и предложила бы увидеть Бога, даже и спросить его о чем-нибудь. Ты бы согласился?

— Не знаю. Как ты говоришь — пока не готов дать ответ.

— Страшно?

— Да.

— Это хорошо.

— Что именно?

— Что не бежишь впереди паровоза.

— Можно, я подумаю?

— Думай.

— А сколько можно будет задать вопросов?

— Один. Всего один.

— Да-а-а. Я подумаю.

— Я буду вечером, а пока иди к своей Соне.

— Что, что там?

— Увидишь.

— Нет, скажи, ей хуже? Она жива?

— Иди к ней.

С этими словами странный пришелец, не фантом и не перевернутое Я Сени исчез.

Сеня оделся, вышил чаю и помчался к Соне.

Пройдя привычным путем, он был остановлен перед реанимацией уже знакомым доктором, который сказал, что его жену перевели в палату. Сеня не сразу понял, что это значит, но врач уточнил, что кризис миновал, и что Арсений может спокойно теперь общаться со своей супругой в обычной палате.

— А как там? Сколько человек? И вообще, что скажете, какой прогноз?

— Ну вы даете: прогноз! Скажите спасибо боженьке, что выцарапали ее. Кстати, а почему это произошло? Кто и что за этим стоит? Вы в курсе? Или сами...

— Может быть. Наверное. Скажите, а больше этого не повторится?

— Смешной вы, право. Кто ж это знает? Разве что Фрейд. Он точно говорит, что повтор неизбежен. Но успокойтесь, это в его время. Сейчас другие методики. Полежит здесь месяц-другой.

— Сколько? — Сеня потерял дар речи.

— А вы что думали? Все так просто? Нет, ей нужны именно другие, больничные условия. Обычно после попытки держат месяца четыре. Так что, в вашем случае, может обойдется: поменьше будет.

Сеня расстроился так, что не мог сказать ни слова. Он не понимал, что смутило его больше: сроки или страшные слова доктора о возможности повтора.

— А если дома я создам все условия, сделаю все, найму сиделку?

— Исключено. Словом, все, идите к ней, потом поговорим о пропуске. Не во всякое время, да и не каждый день можно будет видеться.

Сеня уточнил номер палаты, постоял между этажами и только потом стал спускаться ниже. Что-то держало, не пускало его. Он не мог решиться вот так, запросто войти к Соне и начать разговор. Выручила медсестра. Она спросила, к кому он и указала на дверь, да потом и открыла ее. Он отметил, что порядки и впрямь здесь особые, никто не хамит, больше вежливости и покоя что ли. Наверное, и правда: все в этом отделении не так просто, не какие-нибудь терапевтические недуги, а человек после нежелания жить. То есть после чего-то противоестественного.

Когда он оказался на пороге и увидел, что палата на двоих, и что на одной кровати лежит его дорогая жена, он остановился и не смог преодолеть удивительного волнения. Соня вполне осмысленно смотрела на него и ждала. Он подошел, замешкался, и она привычным жестом показала на край кровати: садись, мол. Он сел и выжидающе уставился на нее. Слабым-слабым голосом она сказала всего одну фразу: «Говорить трудно, скажу одно:

поживем порознь. Да и ситуация располагает. Вместе, наверное, не сможем, слишком многое...». Сеня помолчал, попытался, как и день назад, погладить ее руку, но она неожиданно отвела ее и спрятала под одеяло.

— Ты молчи, но приходишь-то я смогу? Или к тебе будет...

Он не договорил, потому что Соня поморщилась и ничего не ответила.

— Я узнаю, что тебе можно. Скажи, что ты хотела бы?

— Покоя. Иди.

Сеня дотронулся до ее руки, она не отнимала ее, и он поднялся. Потом неожиданно присел снова и сказал, что очень виноват перед нею, что, наверное, что-то недосмотрел, и что всё только в нём.

Она покачала головой и промолчала. Сене хотелось кричать, объяснить жене, что все еще сложится, что он не держит на неё зла и простил и измены, и ложь, и недомолвки. Но понял, что сейчас не время и направился к выходу. Когда он уже был у двери, услышал: «Не переживай»...

С горьким чувством закрыл Сеня двери палаты и, тяжело шагая, направился к выходу. По дороге он думал о ее словах, вспоминал выражение Сониного лица, и ему хотелось выть. Он с радостью сидел бы у ее ног, делал бы все необходимое, но только не уходить, не отдаляться, быть рядом и вытаскивать ее из этой ситуации. И это он, подумал он с горечью, который еще недавно хотел прямо противоположного?!

Дорога на работу была долгой и тяжелой. Он шел, разгребая багровые листья и понимал, что за все придется платить. Шуршала под ногами листва, в воздухе стоял стойкий запах перезрелой осени, и шаги так гулко отдавались, что звенело даже в ушах.

Не хотелось жить, видеть этот свет, общаться с миром — вообще ни-че-го.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошло два месяца, и Соню выписали из клиники. Еще около трех недель она находилась дома. Молодой ухажер испарился, как только стряслась беда, а им обоим оставался собственный дом, другого не было. Так они и существовали, каждый сам по себе, и в то же время вместе.

Однако многое изменилось с тех пор, как произошло в их доме несчастье. Соня по большей части находилась дома и все больше молчала. Сеня пропадал на работе: днем у себя в редакции, вечерами — в институте. Вздохнул ушел в работу отчасти сознательно: он не хотел лишний раз раздражать Соню, понимая, что порой ей только в тягость. Или так ему казалось.

Его новый знакомец пропадал месяц, потом появился вновь, и Сеня отмечал с каждым разом, что Марк тускнел и суровел все больше. У него, как видно, тоже совершались какие-то перемены, о которых он не рассказывал, а Сеня догадаться, что за сложности, просто не мог.

Только однажды Марк опять-таки на кухне сказал, чтоб Сеня не только продолжал жить, как жил, но и жил, как и большинство граждан: грешил, обманывал, каялся, желал чистоты и миропорядка и снова преступал. А что, куда от этого денешься?

И Арсений жил. Трудно назвать это счастливой жизнью, зато она была заполнена делами, а, стало быть, все так и должно было быть.

С приятелем Геннадием из Института мозга он продолжал видаться, и тот регулярно рассказывал о все новых подвижках, которые происходили в его экспериментах. Велось все это к одному: новому уровню понимания человека, его возможностей, его потенциала.

Сеня же по роду своей деятельности имел дело боль-

ше не с частицами человеческих клеток, а с частицами металлов. И хотя Геннадий убеждал его, что все в итоге сойдется, ибо процессы весьма схожи, это слушать было невозможно: чудовищным кощунством казалось само сравнение живой и косной материи. Так, каждый отдельно, обмениваясь информацией друг с другом, они познавали действительность. И кто оказывался прав больше, сказать было трудно, ибо не было еще такого мерила, критерия, чтоб измерить и определить истину.

Да и была ли она, или лишь иллюзия, которой жили оба и верили в которую тоже параллельно? По крайней мере, оба занимались делом, имели цель, но решится ли их задача трансмутаций в обозримом будущем, сказать было почти невозможно, а по большому счету — и не требовалось.

Соня пила несколько таблеток в день, и ей было велено принимать их аж до шести месяцев. Сеня был примерным семьянином, аккуратно каждое утро готовил их ей, разделяя порции на целый день. Дело было даже не в том, что в Соне появилось что-то новое, какая-то вязкая унылость и равнодушие ко всему и вся. Она замкнулась в себе, что было значительно хуже. Прошли времена, когда она похаживала по кафешкам, а когда однажды Сеня сам предложил ей сходить куда-нибудь, она отказалась и попросила провести торжественную часть дома. Так и решили.

Сеня заранее запасся всеми возможными деликатесами, купил любимый ею вермут, себе — водочки и начал священнодействовать. Готовил, убирал, хлопотал, а Соне велел хотя бы нарядиться. Сказал, что в память о былых прекрасных днях.

Пиршество прошло в теплой дружелюбной обстановке, они даже шутили, но вот прежнего прекраснодушия не было. Словно давние знакомцы, родственники, на худой конец, они праздновали каждый что-то свое.

Слегка захмелев, Соня спросила, почему это он такой верный муж? Мог бы и сходить куда-нибудь и с кем-нибудь. Сеня мгновенно завелся, но, однако, сдержался и сказал, что подумает над ее предложением. А вообще-то, мол, у него дел по горло.

И тут Соня проявила недюжинную наблюдательность.

— А ты ни в чем не хочешь мне признаться?

Сеня похолодел, но взял себя в руки и нелепо спросил, в чем же.

— Да хотя бы в том, что было время, когда ты не особенно хотел, чтобы я оставалась жить.

Сеня обомлел: откуда да и каким образом ей могло стать известно о его страшных планах? Неужели правда, что женщины так прозорливы, что видят насквозь? А, может, потому, назло мне она завела интрижку, чтобы отомстить, разделаться на свой лад?

Ответов не было, как не было ясности и в том, что именно было доподлинно известно Соне. И он стал храбро врать.

— Что ты такое говоришь? С чего это взяла?

— Да с тех самых таблеточек, что долгое время ты носил при себе и все не решался их применить.

Ужас, это был настоящий ужас. Как она узнала? И он полез в драку.

— Так ты что, по карманам моим шарить?

— Нет, представь себе, но убедиться в этом пришлось нечаянно. Как — говорить пока не буду. Но это точно, я знаю.

Сеня не верил своим ушам и испытующе смотрел на жену:

— А что еще тебе известно, раз ты проявляешь чудеса наблюдательности?

— Да многое. Например то, что ты с кем-то не из наших знакомых общаешься. Причем, очень странное это общение. В основном оно происходит ночью, на кухне, когда предполагается, что я сплю. А у меня со сном всегда были проблемы, да только я их не всегда вешала на тебя. Скажи, неужели из-за невинных недомолвок, глупостей моих, когда не было и не могло быть никаких измен, ты бы пошел на это? На убийство...

Сеня молчал, не в силах произнести ни слова. Он понимал только, что такого разговора может больше не быть, никогда не быть, и, сам не ведая, почему, вдруг сказал:

— Да, все это правда. Но то, что потом случилось с тобой, перевернуло все. Я никогда бы не решился на такое. Это я от слабости.

— Хороша слабость: каждый день ссыпать зелье, любоваться им, вдыхать его аромат, готовиться, словом. И что, скажи на милость, ты делал бы потом? Совсем потом, когда уже расправился бы со мной? Неужели ты считаешь, что одиночество, абсолютное, голое одиночество спасло бы тебя?

— Но я же ничего и не сделал. Более того, еще до того, как все случилось с тобой, я ссыпал их в унитаза, я избавился от них, от искушения, которое точило и подстигало меня. Не было сил видеть, как ты врешь каждый день. Когда без слова вранья не обходится ни одно предложение, фраза. Ты настолько губительно на меня действовала, что я хотел, да, хотел избавиться от этого кошмара. Не знаю, жил ли я бы потом, может, и не смог бы тоже, но уничтожить саму причину — да, я хотел. Более того, иногда даже мечтал об этом.

Соня сама налила себе из бутылки, Сеня попытался ее остановить, но она со всей силы дернула ее за горлышко, бутылка упала и разбилась. Соня вскрикнула и закрыла лицо руками. Она сидела, покачивалась из стороны в сторону и плакала.

Арсений обхватил ее сзади и зашептал:

— Неужели все потеряно? Неужели мы не можем вернуться к прежней жизни? Что, ты совсем разлюбила меня, скажи? Нет, молчи, ничего не отвечай. Я признался тебе во всем, ты еще не раз потом упрекнешь меня в этом. Но я ведь только размышлял, только думал. Я хотел только одного: чтобы ты не лгала, чтобы любила меня.

— Мне больно, не дави так, — сказала, отодвигаясь, Соня и поправляя свои чудесные волосы. — Я теперь не знаю, ничего не знаю. Я пью лекарства, но как жить настоящему, а не просто проводить дни, я не знаю.

— Я помогу тебе, мы избавимся от этого кошмара, я все, все сделаю, посмотришь.

— Ничего не надо делать. Пусть идет время. Пусть все идет себе и идет.

Сеня подмел остатки стекла, выгтер лужу, сполоснул руки и сел.

— Тебе нужно вышить чаю, ты устала. Да еще этот вермут. Зачем ты его пила, лучше бы водку, а еще лучше — вообще ничего.

— Нет, это хорошо, что я выпила, иначе не смогла бы ничего рассказать. А так — и язык развязался. Так ты говоришь, наладить? А что можно наладить после твоих признаний? Убить он меня вздумал!

— Именно после признаний. Это означает лишь одно: что с этим покончено. А про вторую тайну я когда-нибудь тебе расскажу. Не сейчас, позже. А то будет чересчур. Давай спать.

Впервые за много-много дней они легли вместе, и обоим было хорошо. Оба задыхались от счастья, от страсти, от удивления друг другом. «Боже мой, бывает же такое!, — думал Сеня и все крепче сжимал свою ненаглядную Соню, — неужели и правда все еще возможно?!»

На кухне оставалась немывтая посуда, но сил идти и наводить порядок не было, и оба заснули безмятежным сном.

Однако как во всякой сказке, счастье может быть либо в самом конце, либо быть совсем-совсем недолгим. Так и теперь: не успели оба погрузиться в запредельные розовые дали, как Сеня услышал привычный, знакомый стук и поднялся с постели. Вышел: на кухне сидел Марк.

— Как бы мне тебя убить? — спросил Сеня больше себя, нежели гостя, но тот снова как-то удрученно хмыкнул и сказал, что есть план.

— Давай, гони свой план. Ты, наверное, еще при пятилетках жил и не выполнял их, как все честные труженики, в три года. За то и сослан, и маешься теперь, и другим житья не даешь. Чего надо?

— Лететь нам надо, вот что. Взглянуть на чистое небо над головой.

— Это у тебя-то оно чистое? Да ты знаешь, что такое чистота, ты юродивый подлец?

— Я не обижаюсь, но только не медли, сегодня — в самый раз.

Они двинулись, и Сеня увидел дорогой свой город в предупреденной дымке. Все бы хорошо: и мегаполис, и даже его взбудораженное в последнее время население, и приезжие, которые не так уже доставали его теперь (занят был: одна работа), да и Соня изменилась к лучшему, но одно не давало покоя, точило и точило. И название ему было: сердце. Можно еще — душа. Что-то совсем рядом

расположенное. Но одно — точно есть и зафиксировано в физиологии и анатомии, с другим же сложнее: то ли она есть, то ли только кажется, что болит именно она, душенька. Но ведь болела, ох, как саднила.

И Сеня решил, что все, с него хватит: грехов, праведности, экспериментов над собой, над металлами, над живой и косной материей, над всем человечеством. Он плюнет на все и будет жить наотмашь: травить, так травить, грешить — так на полную катушку, ненавидеть — всячески это выказывать и ничего не бояться. Вот, точное слово найдено: не бояться, удалить, истереть страх в пыль, в ничто. Нет его и все! Он почему-то резко взмахнул рукой, едва удержал равновесие, и его больно кольнула мысль, что осталось ему на этой земле совсем недолго. Так что? — дрожать, жить вполсилы, медлить?! Узнать все теперь и как можно полнее. Зачем? Да кабы знать! Но узнать перед концом точно нужно. И сегодня его шанс, его, может быть, последний самый шанс.

Все было, как и в первые два раза. Возник тот же господин со странной манерой говорить и слушать и сказал, что сегодня он, то есть Сеня, никуда не попадет, не увидит всякие потайные места, а всего лишь навсего с ним поговорят.

— Кто? — задал свой вопрос Сеня, но в ответ увидел только взмах руки и все.

— Все в свое время, не спешите. Вы не заметили, что вообще страдаете этим недугом: спешите, бежите, впрочем, как и все ваше человечество.

— Простите, а вы что же, не к нему относитесь? — наивно спросил Сеня.

— А разве вы еще не поняли?

— Но вы не отвечаете, и вот он, — Сеня махнул в сторону Марка, который находился тут же, — тоже отмалчивается. Это, по крайней мере, нечестно. Уж коль пригласили, так хотя бы расскажите. Кто вы, зачем и — главное — зачем вам я? Не только ведь для того, чтобы от греха предостеречь или провести по нему? Наверное, есть и другой, скрытый смысл?

— Есть, не сомневайтесь. Но обо всем по порядку.

— Что-то холодно у вас сегодня. Неужели и здесь пого-

да капризничает? Или это с чем-то другим связано? У нас там настоящая осень, а здесь что?

— А у нас только то, что видите вы сами. Никакой погоды, одни ощущения. Ни зимы, ни лета в их привычном значении. Скажите, вы давно решили прожить остаток жизни напропалую, наотмашь, так сказать?

— Господи, и это вам известно?

— Мы не хвалимся этим, напротив, даже тяжело от такого объема знаний. И чаще всего невесело. Вот вы выходили вашу жену, похвально. И снова поехали греховные мысли. Выходит, что же, человек не может не грешить, так ведь?

— Выходит. И еще выходит, что я кое о чем стал догадываться.

— И о чем же?

— Вот задумали вы со мной эксперимент. Ну, почему-то именно я вам попался. Наверное, по траектории был ближе, да и грех слишком долго свой вынашивал. Но ни разу вы не сказали о цели. А это очень важно. Вот и Марк погрузился в последнее время. Не вредничает, тихий такой стал. Что это с ним?

— Как только вы примете окончательное решение, именно вы, без всякого давления, при помощи собственного интеллекта и способности заблуждаться, тогда миссия Марка окажется исполненной до конца. То есть, по большому счету, его не станет вовсе. Он призван лишь затем, чтобы хоть одно земное существо взялось за ум и пришло к согласию с самим собой. Цена — любая. А его цена — его существование. Вы можете быть в разладе, ведя примерный, праведный образ жизни, а можете получать удовольствие, буяня, совершая мерзости и богохульствуя. Так вот, вам решать.

— Да-а, с белыми я или с красными?

— Так, так.

— Позвольте, не дает покоя мне все же вопрос: где та самая истина, что способна помочь и в выборе, и в способе жить?

— Ну, дорогой, чего захотели?! Истину! Да еще век проживете, и не найдете ее.

— А что же тогда жизнь?

— Сплошной ее поиск. Больше ничего.

— А нельзя ли Марку, как бы это помягче выразиться, сохранить жизнь, ну, и чтобы он не посещал меня больше? Что я ему? И так все ясно: живи, грешни, на лучший исход не надейся. Пожалуй, слишком долго я был праведником. Надо познать все. И обратное — в том числе.

— Это вы-то праведник? А как быть с вашими мыслями, намерениями? Или только сделанное — грех?

— Грех — не грех, а все одно: от проблем не убежать, не скрыться. А они все ползут и ползут, как гусеницы.

— Послушайте, вам предстоит еще одна встреча, но позже, значительно позже. А до того — испытание. Пройдете его — откроется вам новый, совершенно неведомый путь.

— Не верю я вам. Никакого иного пути нет. Есть капитализм и глупость под названием коммунизм, социализм — как угодно. Человек — есть животное. Только что отнимут, только ущемят права, как тут же вырастают когти, он звереет. Вы разве не знали этого?

— Я многое знаю, но не в силах исправить. Да и вряд ли это нужно. Мне не даны подобные полномочия.

— А что же вы можете? Зазывать меня сюда и говорить прописные истины? Я и так все знаю, ничего нового вы мне не открыли.

— Это так. Но вы еще не искали истину. Жаль. Вы только готовились к поступкам, но не совершали их, вы только будоражили собственное воображение, но не довели ни одно дело до конца. Вы — половинка чего-то, какого-то замысла, который и мне-то не вполне очевиден. Идите до конца. В плохом, в хорошем — неважно, но до конца, до цели. Марк вас пока не побеспокоит. Страх сделал из вас марионетку. Вы боитесь редактора, Галю, боитесь, что скажут сотрудники, соседи, Дима-дворник. Вы от страха-то и решились на ваши таблетки, только от него. Или делайте, или — нет. Только тогда подберется к вам равновесие. А пока же будете мучиться и запивать тоской все свои размышления и помыслы.

— Так, я понял. Не все, правда, но что-то из курса философии, мы похожее проходили. Боритесь, идите до победного конца. А где и в чем она, победа ваша?

— В радости, в слиянии с собой. Больше ни в чем.

— Могу я быть свободен?

— Конечно, проводи, Марк.

Когда они вновь оказались в совсем уже светлом небе, Арсений спросил, сколько еще будет продолжаться эксперимент и вообще, что такого нового и неожиданного он услышал? Ему ответили, что человечество еще не придумало ничего нового, кроме простых истин о добре и зле, любви и мире, ненависти и войне. И что вряд ли стоит все происходящее рассматривать именно как эксперимент. Здесь все по-другому: глубже и метафоричнее. Никакого прямого смысла видеть не нужно, да его и не увидать. Он откроется сам собой, со временем, и по мере испытаний, положенных человеку, то есть самому Арсению.

— И что же, продолжать все, как есть?

— Именно так. Но подвижки, перемены придут сами собой, вроде бы и незаметно.

— А какие такие подвижки? Я что, переродиться смогу что ли?

— Да нет, не так примитивно. Изменится взгляд на мир. Помните вашего психиатра?

«Боже мой, он и об этом знает!» — ужаснулся Сеня, а сам смотрел вниз и снова думал, что, наверное, осталось совсем немного. Почему уже не в первый раз эта догадка достает его? Он не знал. Но ведь и о Марке сказано было почти то же самое! Стало быть, есть какая-то связь?

Ответа не было, как не было ясности ни в том, что же в конце концов происходило, ни в том, что происходит с ним самим, с Арсением. Предложили жить по законам жанра! Значит, пусть эта самая фантастика станет частью неведомого пока замысла, его жизни, наконец.

Он почему-то впервые за долгое время подумал, что следует пойти в церковь. Давненько не посещал. Но было как-то неловко от этой мысли. Что он пойдет, замаливать грехи? Сокрушаться, какой он плохой? Нет, просто пойти — не дело, нужно, чтоб пришло время. Чтоб потянуло так, что уже не остановиться.

А, может, мне вообще нужен врач, психиатр, скажем? Может, это все оно, большое воображение и все такое? Достоевщина всякая? Но ведь в другие моменты жизни, общений, встреч он ощущал себя вполне здравомыслящим человеком, не было и сомнения в том, что болен

или хотя бы может им быть? Слов не было, ответов — тоже.

Черт, и вправду какой-то зловеющий замысел, и сотворил его прежде всего именно я! Это я хотел отравить жену, я поддался на нелепые искушения посетить то, что нормальным гражданам не положено знать. Есть тайна, в конце концов, та запредельность, границы которой нарушать вряд ли стоит. Потому она и тайна вечная, непреходящая, ее никогда никому не раскрыть, ибо никто еще ОТТУДА не возвращался.

Впервые в голове помутилось, и Арсений с тревогой подумал, что не так все безоблачно в его организме, и что стоит обратиться к врачу. Он решил, что сделает это прямо завтра же. Надо понять, наконец, что с ним такое творится, и что вообще происходит.

«А, может, на все плюнуть и принять все? Принять, что именно со мной (ну, бывает же такое!) случилось то, что случилось? Может, это и есть правда? И только день есть истина? А как же ночь и сны? А если именно в них настоящая, подлинная жизнь человека? Он не знал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он позвонил домой, убедился, что там без перемен и отправился на работу. Он понимал, что прощляпил все, что только можно: задание редактора, свои необъяснимые неявки на службу, а приобрел изрядно помятый и не внушающий доверия внешний вид. Однако он шел. Какая-то новая отчаянность появилась во всех его действиях. Постепенно исчезал страх, и это было хорошим знаком. Более того, в нем самом сосредоточивалась некая решимость, концентрацию которой он явно ощущал. Только вот не понимал, куда она направлена, и во что все же выльется это мероприятие. Но то, что что-то произойдет и это что-то неминуемо и неотвратно, было совершенно ясно.

Он понимал, что действовать тоже нужно слаженно и скоро. Только ли какая-то смутная догадка, что вот-вот, скоро все должно закончиться, то ли напряжение от событий небесного характера, но медлить дальше нельзя: опасно.

На работе его встретили, как родного, на удивление, без всяких расспросов и упреков. Сказали, что через два дня коллектив отправляется на отдых. С припасами и обильной снедкой. Явка членов коллектива обязательна. В первой, торжественной части предполагается нечто вроде собрания участников и выступление главного. Танцы — до утра. Но это уж потом. Форма одежды — строго парадная, но со склонностью к свободе и легкости освобождения от нее.

Сеня был шокирован оперативностью, теплым приемом и тем, что никто не стал ничем укорять его. Он покорно сел за свой стол и обнаружил целый ворох бумаг. На одной из них были начертаны черным слова: «Жди, уже скоро».

Арсений в сердцах отбросил лист, потом, подумав, сгреб его и засунул в нижний ящик стола. «Черт-те что!» — выругался он, но страха, того липкого, мерзкого страха, однако, не было по-прежнему. И он был доволен. «А, будь что будет, куда уж хуже», — еще раз подумал он и взялся за материалы, которые давненько поджидали его.

Галя, местная красавица и горячая женщина, так и не сумевшая определиться в своих отношениях с Женькой, изучающе глядела на него. Причем, в упор. Сеня решил не обращать на жгучую брюнетку никакого внимания, но Галя была похитрей его и все же подошла и спросила: «Сень, по всем нормам ты уже должен был давно оклеветаться. Однако что-то тебя точит. Что? Колись», — сказала Галя и так низко склонилась над ним, что он увидел в прорези ее свитера темную кружевную полоску от белья, то бишь, бюстгальтера. Сердце его почему-то ухнуло и куда-то покатилося. «Черт, прямо, как кошка какающая, так и ластится. Что ей надо?»

— Предлагаю сегодня перекусить вдвоем, и ты мне покаешься, что, с кем и как. Ясно?

— Галь, помилуй, мне и сказать-то нечего, все как всегда, чего говорить?

— А вот врать глупо. Тем более, мне.

— Я и не вру. Полоса такая.

— В общем, в час — в кафе. У нашего столика.

— Какого это «нашего»?

— Ну, бригады нашей, где всегда сидим. Жду.

Сеня неопределенно помотал головой, а сам и вправду не знал, что с ним, придет или нет, да нужно ли это. Однако ближе к обеду что-то все же засвербило в районе сердца, он вспомнил темную полосу в прорези свитера и стал собирать бумаги. Сгрел их, потому что раскладывать терпеть не мог, потом сказал, что ему надо уйти пораньше и вышел. Галя продолжала сидеть и насмешливо смотрела, как он уходит. Сеня на нее не взглянул и зашагал по направлению к кафе.

Он шел и думал, что поступает скверно, что раньше ни за что бы не позволил себе этот эксперимент, в котором уже заложен намек на измену, а сейчас ничего, сейчас — это даже заводит. Он не особенно задумывался, зачем понадобился Галине, соображал, что причина — увезти к себе, напоить, а далее — все привычно. Для нее, разумеется. Отчасти это была ее месть и Женьке. Но все это его по-прежнему мало заботило. Он шел и все.

В кафе он тут же вспомнил, какое именно место было их, и сел. Минут через десять показалась Галя. Она была в роскошной шубке, правда, не совсем по сезону, но в такую непонятную погоду это вполне годилось. Сеня еще успел подумать, что вряд ли это Галины происки с надписью на бумаге, он чувал, откуда ветер дует. «Да, ладно гори все!» — решил Сеня и жестом подзывал Гаю. Она легко присела, запрокинула ногу на ногу, сложив перед этим шубку на соседнем стуле, вздохнула и вкрадчиво сказала, что она кое-что знает.

— Ну что ты такое можешь знать? — спросил Сеня и Галя продолжила.

— Знаю, что с тобой случаются совершенно необычные вещи. Но ты молчишь, естественно. А я все равно знаю.

— И что же ты знаешь?

— А все. Что ты, к примеру, отрываешься от земли, летаешь неизвестно где.

Сеня похолодел.

— Как это — летаю? В прямом смысле? — пробовал он еще прощупать сотрудницу.

— Ну уж, в прямом! От коллектива отрываешься, носит тебя черт-те где. Недавно видела тебя с высокой блондинкой. Не подходит она тебе.

— А я, значит, тебе подхожу?

Галя слегка смутилась, знала, что врала, но не отступила.

— Не шути, я правда кое-что видела и знаю.

— Ну, так говори.

— Какой ты быстрый. Не все сразу. Ты заказал что-нибудь?

— А что бы ты хотела? Говори, я добрый.

— Знаю, потому и позвала. Пошли ко мне?

Так, сценарий начал воплощаться в жизнь.

— Пошли, но давай хоть перехватим чего-нибудь. Ты что, прямо сейчас хочешь?

— «Хочешь!» Я давно хочу. Но все Женька перед глазами мельтешит. Пошли они все. Давай по кофе и вперед.

Они заказали по чашечке турецкого кофе, который готовили здесь прекрасно. Быстро выпили и так же быстро поехали к Галине.

Сеня по дороге вспоминал, что лет шесть-семь назад уже бывал у нее, и тогда она тоже подбивала клинья, но он не повелся, у него тогда была, именно была Соня. И он любил ее. Этим все сказано. Ни за что, ни за какие коврижки, как говаривала иной раз Соня, он не пошел бы на предательство.

Теперь же неведомая злая сила, которой он и не думал сопротивляться, гнала его, подстегивала, словно играя с ним в поддавки.

Галя жила не на другом конце Москвы, к счастью, и они добрались на машине достаточно скоро. Пробок в эту среду не было, так что все шло к тому, чтобы сценарий был воплощен целиком и полностью.

Галя предложила поесть, но он отказался, сам подошел к ней и стал раздевать. Делал он это тщательно, руки не дрожали, он был вполне уверен в себе. Она, понятное дело, и не думала сопротивляться. Надо вообще отдать ей должное: вела себя спокойно и знала, чего хочет.

Пошли во вторую комнату, которую Галя называла «моя келья» и которую почти целиком занимала кровать. Вот тебе и келья! Присели, обнялись, он стал гладить ее шею, и тут она буквально впилась в него губами. Поцелуй был долгим и страстным. Когда Сеню отпустили и

они оба уже лежали на кровати, внутри словно что-то такое включилось, дернулось, и он выпростал руку из-под Галиной талии, отстранил ее и встал. Вернее, вскочил и бросился к выходу. Уже на ходу натягивал шарф, а пальто держал в руке. Едва справился с замком и только на втором пролете слегка перевел дух. Ну и летел же он! Все семь этажей проскочил молниеносно, и даже на улице не стал надевать на себя пальто, а так и бежал еще какое-то время, держа его в руке.

Вот это было счастье! Редкостное, надо сказать. Улица, колышущиеся тени от деревьев, прохожие, которые все сплошь улыбались именно ему, — были прекрасны. Он плыл в каком-то тумане, пританцовывая и бормоча себе в такт забытую мелодию из такого же забытого американского кинофильма. Ее вел саксофон, и Сеня почти точно выводил глухие, скрежещущие звуки, которые подходили на хрипотцу простуженного человека. Но он, он-то был здоров и нисколько не простужен! Просто он был СВОБОДЕН! Что его так радовало, он и сам бы, наверное, затруднился определить. Но то, что именно радовало, — точно!

Вырвался, победил, убежал, смылся! Господи, голова кружилась, саксофон хрипел в такт Сениным кружениям, на которые милые прохожие реагировали весьма своеобразно: его никто не ругал, не орал матом, все уступали ему дорогу, а один даже предложил обратиться к врачу. Сеня благодарно кивнул и сказал, что и сам давно об этом подумывает.

И действительно вспомнил, что завтра собирался пойти к доктору.

Танец оборвался, саксофон умолк, и прохожие стали похожи на вполне нормальных людей, лица которых были такие же, как и днем, и вчера, и вообще всегда, — угрюмы и напряжены. Зубы сцеплены, взгляд — в никуда, а походка! — как была похожа у всех походка. Надо же, стоило умолкнуть музыке, как все преобразилось и стало на свои места. Куда же девалась их приветливость? А-у, люди, я еще жив, я слышу вас, и я, как самый настоящий дурак, все еще люблю свою Соню!

Люди шли и уже не слышали Сеню, а он не слышал их. Все вернулось к привычной картине слов, обозначен-

ный, гримас и НЕОЖИДАНИЯ НИЧЕГО. Это было самое страшное, пожалуй. Никто ничего не ждал, все стало обыденным и привычным. Никто никому не был нужен. Эти проклятые «не». Он знал, что они подиспортили человечество и ввели его в кризис, но ничего с этим поделать уже никто не мог. Как и с тем, что много лет на дверях метро тоже было написано «выхода нет».

Однако кое-что все же спасало. Это была музыка. Он и прежде частенько похаживал то в консерваторию, то в филармонию. В хорошие времена — вдвоем, в иные — один.

На переходе он взглянул на столик, за которым сидела толстая дама и продавала билеты в театр. Он остановился, увидел, что еще есть полчаса до начала концерта в малом зале Консерватории и, не взяв билета, решил отправиться туда самостоятельно, надеясь на продажу с рук.

Так и вышло. Купил билет он сразу же и вошел в чудесный уютный зал. Настоящие музыканты, как и истинные артисты, никогда не садятся близко. Но Сеня не был артистом, он был любителем и потому сел в пятом ряду. Он сразу же опустил голову, как только вышел пианист, откинул полы фрака и стал играть. Он был известен, хотя еще очень молод; что-то беспешачное было в его многочисленных интервью. Он и вправду очень отличался от кого бы то ни было. Это передавалось и в особенности взмахов рук, в манере вслушиваться в звуки, в отрешенности и одновременно в удивительной сконцентрированности на мелодии, ее звуках. Таких не было, он был один и, наверное, сознавал это. Однако такое знание нисколько не мешало ему царить на сцене и властвовать над увлекаемыми из инструмента звуками, над публикой, что напряженно и тихо внимала его музыке.

Сеня вслушивался и удивлялся тому, что такой большой мощный человек играет тончайшего Шопена, что изысканная вязь грустных звуков так подвластна этого огромному, могучему человеку, что становится страшно: как вообще можно было сочинить такое?! И этот контраст — роста, сложения и виртуозного изящества польского композитора — не упрощал впечатления, а напротив, взывал к чему-то такому потаенному в душе, что хоте-

лось одновременно смеяться и плакать, жить вечно, и любить тоже всегда, всегда. Одну свою Соню.

Так было грустно и от этой музыки, и от самого могущества властелина, что царственно парил над сценой, что Сеня не выдержал напряжения концерта до конца и в перерыве покинул зал.

Он шел по улице, и музыка продолжала звучать в его груди. Он понял, что слезы стекают по его щекам, дотронулся до них, стер влагу и уже больше не сопротивлялся необходимости идти домой.

Соня лежала, как и всегда в последнее время. Он почти привык к этому. Однако именно сегодня что-то в ее позе, настроении смутило его. Он спросил, как она себя чувствует, и она вяло ответила, что все хорошо. Но он-то видел, что это далеко не так. И он решился.

— Соня, скажи, что надо сделать, и я сделаю.

— А что? Мне ничего не надо.

— Но я же вижу, что тебе плохо. От этого мне еще хуже.

— Что ж поделаешь? Все меняется.

— Я знаю, знаю, что это наказание. Но жить-то как-то надо?

Соня пожала плечами, и было неясно, надо жить или нет, хочется ли ей этого, или все равно. Это равнодушие более всего смущало, мучило Сеню. Он разрывался, не зная, то ли мстить и жить напропалую, изменяя и совершая бог весть что. Или — праведно и стараясь искупить свою вину. Первое, как видно, получалось плохо, второе тоже не радовало, так как не радовалась Соня.

— Я скажу тебе одну вещь. Может быть, она успокоит тебя.

— Может быть.

— Я прошел через то же, что и ты. Так бывает. Да, как в сказке. Или хуже — в мистическом триллере. Я прочувствовал то, что ощущала ты.

— Верю. Тебе я, представь, верю. Но ты прочувствовал боль, приближение конца, но не смог понять другого: из-за чего все.

— Ну скажи, скажи, я пойму. Из-за чего?

— Устала. Устала от нелюбви, своих уверток, лжи. Устала. Кстати, с тем парнем я не изменила тебе.

— Ладно, теперь уже всё равно, это не так важно. Я всё, всё простил и простил бы еще, если бы...

— Что?

— Если бы мы снова могли быть вместе. По-настоящему. Скажи, это еще возможно?

— Не знаю. Да и не хочу об этом. Я так устала.

— Господи, ну что ты говоришь? Ты же лежишь целыми днями, от чего устала?

— От этого и устала. Наверное, надо что-то менять, начать действовать, но пока я не готова, не могу.

Эту длинную речь Соня произнесла с трудом. Видно было, что она и правда устала, даже изнемогла. И Сеня в ужасе подумал, не больна ли она чем-то другим, еще более страшным?

И Соня словно прочитала его мысли.

— Не бойся, осталось недолго, я знаю, я поправлюсь.

Сеня уткнулся в ее руки, обнял ее и едва сдержался, чтобы не зарыдать. Хотелось крикнуть что-то такое, от чего бы она очнулась, ожила, вернулась к жизни. Но он молчал, словно это был сон, где не крикнуть, не убежать.

— А если тебе позволить себе все? Ну, абсолютно все? Делай, что хочешь, я все стерплю.

— А я и не хочу ничего, мне ничего не надо. Понимаешь?

Это было самое страшное. Только бы не болезнь, только бы она жила, — как заклятие повторял про себя Сеня.

— Хочешь, поедem куда-нибудь? Отдохнем?

Соня снова неопределенно пожала плечами, и он тогда вспомнил о пикнике и парадной со свободой освобождения от нее, одежде.

— А давай с нами на пикник? Коллектив наш собрался гулянуть и порыбачить. Может, решишься? Не хочешь в компании, будем сами по себе, но ты хотя бы вылезешь из скорлупки, пойдешь в люди.

— Мне и дома хорошо.

Однако что-то все же дрогнуло в ее сердце, и она сказала: «Если ты настаиваешь, я подумаю. Вполне может быть...»

Да, такого еще не было никогда. Откуда эта покорность, нежелание перечить, откуда? Что ее так сломало? Может, эти проклятые таблетки?

— Соня, родная, а что, если тебе плюнуть на пилюли и начать бороться самой? Может, толку будет больше?

— Я подумаю. Может быть.

Продолжать разговор не имело смысла, и Сеня пошел на кухню готовить чай. Его по ночам теперь никто не беспокоил, и он стал понемногу привыкать к тому, что приключение, имевшее место, закончилось, и возврата к нему не будет. Однако он ошибался и спустя уже несколько часов пожалел о своей беспечности. Но это — потом, а пока они мирно пили чай на кухне, и Сеня рассказывал, как он забрел в консерваторию и слушал музыку. Эта часть повествования явно порадовала Соню, и она даже сказала, что скоро и сама пойдет на концерт. Вместе с ним, конечно.

Потом он отвел ее к кровати, уложил, как маленькую девочку, только что песенку не пропел, но укутал, погладил по голове и снова вышел на кухню.

Как жить дальше, он явно не знал, и эти его метания из стороны в сторону изрядно измотали его.

И вдруг он услышал голос.

— Не бойся, все скоро закончится.

— Кто здесь? Что закончится?

— Все.

— Марк, это ты?

— Не все ли равно. Ты не увидишь меня так или иначе.

Что же спрашивать?

— И как же жить?

После паузы он услышал:

— Жить надо легко и просто. Тогда будет на душе почти что рай. Банально, но факт. Да ты и сам знаешь, умный. А пока — прощай.

Сеня подошел к окну, но никого не было, и даже занавески не колыхались, только форточка поскрипывала на ветру.

«Все, точно пора к врачу. Завтра же пойду».

С утра он позвонил Женьке и сказал, что задержится. Тот хмыкнул и удивленно ответил, что теперь Сеня задерживается регулярно, только не извещает об этом. «Ладно, я передам, если спросят», — сказал Женька, и Сеня засобиравшись к доктору.

Он еще несколько дней назад вспомнил о номере те-

лефона, который когда-то дала ему врач, лечившая Соню. Любезная женщина, которая сказала, что если будет повод (не уточнила, у кого), обращайтесь. И на улице, чтобы Соня не слышала, он набрал этот номер. Ответили сразу и разрешили прийти. Сеня попросил прямо с утра, и ему позволили.

Он ехал и думал, с чего начнет и что скажет. За все, рассказанное, его следует упечь в психушку сразу, без долгих разговоров. Но, может быть, она способна не только улыбаться, а анализировать и вообще, допускать вещи из ряда вон выходящие? Трудно сказать. Но лучше, если бы это был мужик, — заключил Сеня, уже подходя к клинике.

Ольга Петровна, доктор, уже ждала его в кабинете. Он сказал, что просит о частном приеме. Это и сработало. Она загасила сигарету и указала на стул. Почему-то, глядя на эту женщину, сразу расхотелось что-либо рассказывать, вообще говорить.

— Слушаю вас. На что жалуетесь?

— Я не жалуюсь.

— Тогда что?

— Просто поговорить хотел.

— Слушаю. Болит что-то, беспокоит?

— Душа болит. А так — нет, ничего.

— Вот и хорошо. А с душой мы скоренько, это не сложно.

— Неужели? У вас все так просто?

— Когда больше болит, утром или к вечеру ближе?

— Ночью.

— Так, непонятно. Но утром хочется просыпаться? Идти на работу?

— А я вообще не сплю.

— И давно?

— Месяца три, может, больше. Все летаю, знаете. То в ад попаду, то в рай.

— Так, вам необходимо стацлечение. Месяца так, на три. Может, меньше.

— Доктор, может, вы меня о чем-то спрашиваете?

— А что? И так все ясно.

— А мне не совсем. Почему, например, земля сверху совсем-совсем серая, вот как примерно стены в вашем кабинете.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сеня сознавал, что говорит глупости и просто издевается над докторшей, настолько та не понравилась ему.

— Молодой человек, вы готовы к стационару?

— А как скоро меня надо уложить? Сегодня? Или время еще терпит? Может, я социально опасен?

— Время не терпит, мало ли куда вы еще залетите!

— Доктор, вы почему не спросили меня, как меня зовут? Это что, уже не важно? Или это просто ваш личный подход? То-то я смотрю, что Соня моя все хуже и хуже. Как же вы лечите?

— Так вы еще и агрессивны? Нет, вам срочно надо в больницу. У вас родные есть?

Сеня подумал и сказал: «Нет». И он почти не врал. В эту минуту он и вправду подумал, что никого-то у него нет, что он совсем-совсем один в этом мире, а эта дура-докторша ни в чем не поможет ему, только в угол какой-нибудь загонит и все. Все, с концами, станешь хроником, завсегдатаем больниц. Она даже не отличает, где кончатся серьез и начинается подначка. Пора сваливать.

Сеня поднялся, учтиво поклонился, положил на стол конверт и на прощанье сказал, что он непременно, прямо сегодня же станет пациентом этого заведения.

— Кстати, не вы им командуете?

— Нет.

— Вот и отлично.

— Я вас плохо понимаю.

— Думаю, не меня одного. Счастливо оставаться.

Когда он дошел до двери, то обернулся и спросил: «А, кстати, вам самой, доктор, не бывает плохо? Ну, просто хреново, под завязочку?»

Она изумленно смотрела на будущего пациента и тупо соображала, что от нее хотят. Сеня вышел и сильно хлопнул дверью. «С врачами все ясно, — подумал он, — нечего у них делать. Их самих надобно стационаривать».

Улица снова, как, впрочем, и обычно подарила ему радость общения: с новыми ароматами, изредка встречающимися светлыми лицами, просто свободой и непредсказуемостью. Он шел и думал, что черт с ними, со всеми проблемами, надо и вправду жить. Просто жить, как живет, и все. «Все, больше никаких заморочек, хватит. Будь что будет. Умнее не стану».

На этой простой мысли Сеня остановил свои размышления по поводу брэнностей жизни и зашагал на службу. «Интересно, сколько я там не был? Даже не помню. Может, и захаживал, но что делал, точно не скажу».

Коллектив был в сборе и первым делом известил Сеню о надвигающемся походе в ближайшие выходные, то есть, через день. «А, я уже слышал эту информацию, значит, на этой неделе точно был здесь», — подумал Сеня и убедительно подтвердил, что информацией владеет вполне. «Вот и хорошо, — загудели коллеги, — а то мы опасались, сможешь ли ты». — «Да я и сам опасался», — весело заключил Сеня и добавил, что вполне возможно приедет с женой. Возникла тишина и люди переглянулись. «Что это с ними?» — подумал Сеня и снова бодро добавил, что все в порядке, все живы-здоровы и, стало быть, поездка — самое то, что надо.

А переглянулись люди не зря: все давно заметили перемены, происходящие с их сотрудником, а масла в огонь добавила Галина, которая, конечно же, не простила малодушия Арсения и пересказала все не так, как было на самом деле, а глубоко по-своему, по-женски, словом. Что означало это по-женски, оставалось только догадываться, поскольку сама Галина вела себя так сдержанно и отстраненно, что и подумать было невозможно, что именно она наговорила всякого-разного.

Так, например, она сказала, что сам Сеня приударил за ней и даже напросился в гости и она не выдержала, согласилась, но Сеня... Сеня опростоволосился. Это, конечно, был удар ниже пояса. Но всего этого Сеня знать не мог и только недоумевал, что это все к нему как-то иначе стали относиться, каким-то другим, непривычным тоном разговаривают, и вообще... Однако на поездку был готов, спросил, сколько с него причитается и с ужасом вспомнил, что это он обещал главному организовать поездку. Тут до него дошел, наконец, весь смысл того, что люди не договаривают и побежал к кабинету главного.

Его не торопились приглашать, он нервно ходил по предбаннику, и секретарша тоже почему-то лукаво поглядывала на него, продолжая одним глазом посматривать в компьютер.

В приемную заглянула Галина, махнула Сене рукой и пригласила выйти. «Извини, — сказала женщина, — тебе не надо переть на главного, не время. Лучше иди себе, отдыхай, все сделалось без твоего участия». — «А что, с твоим что ли?» — «Не без этого», — съязвила Галя. — «Ладно», — почему-то сник Арсений и пошел к себе в комнату. Нехотя так пошел, еле-еле. А по дороге Галя успела сказать, что это он напрасно тогда, что, может, не следовало убежать? Но Арсений шел и помалкивал.

«И чего это она никак не успокоится? И так неловко...»

Галя словно услышала его и произнесла: «Не держи зла, а то печень болеть будет. Захочешь — приходи. Рада буду. И ничего не попрошу». — «Да? А как же наш Женька?» — «А ничего. С ним все в порядке, он и не заметит». — «А я так не хочу, понимаешь, не хочу», — вдруг заорал Сеня, и Галя отступила, прикрыла рот рукой и замахала на него, мол, тише ты. Но он продолжал неистовствовать и орал как бешеный. Люди высовывались из дверей, глядели на неожиданное представление и улыбались.

Прооравшись, Сеня влетел в редакционную комнату, схватил пожитки и выбежал в коридор. «Уволюсь, пошли все к черту. Надоели, еще ехать с ними! Да нужны вы мне сто лет!» — продолжал орать он про себя и все никак не мог успокоиться.

И снова улица отрезвила его, успокоила. Он поддел целую кучу пожухлых листьев, подброешил их, снова поддел и все продолжал и продолжал цеплять ногами багрово-красные снопы, охапки уже мокрой от осени листвы и все подкидывать их, успокаиваясь и отдыхая.

«Эх, в футбол бы сейчас! Поехать в Фирсановку что ли? Хоть там разрядиться. А с этими охломонами — ни за что!» Мимо пробежала девушка, высоко подкидывая сумку. Ей было от чего-то так весело, и лицо ее было таким счастливым, что он позавидовал этой летящей девушке, которая словно в танце неслась по улице, освобожденная от ненастий жизни.

«А, может, это так кажется, может, у нее тоже куча проблем?» — пронеслось в Сениной голове, и он даже приостановился и оглянулся на прелестную незнакомку. Идти никуда не хотелось. Он сел на скамейку и стал смотреть на

мокрый песок, которым были выстланы дорожки аллеи. Потом подобрал палочку, начертил круг и вывел две буквы: А и С. И в этот момент его спросили: «А кто это, ваша жена, да? Вы и она?» Он поднял глаза и с изумлением увидел перед собой ту девушку, что еще полчаса назад летела, словно маленькая блестящая стрекоза.

— У вас что-то стряслось? — спросил он.

— Нет, а что? И почему вы так решили?

— Не знаю, но еще совсем недавно вы казались такой счастливой, а сейчас...

— И что сейчас?

— Что-то не то, уже не такая счастливая.

— Видите угол здания? Это мой институт. Я получила зачет и бежала к своему Петьке. Он — всего-навсего Петька. А мне нужен совсем другой. И вот, доскакав, я повернула назад, поняла, что ни к чему мне бежать к Петьке, лучше пойду радоваться одна. Вот, вас увидела.

— И что?

— То, что вы грустный какой-то.

— И что? — снова спросил Сеня.

— Да ничего, ровным счетом ни-че-го.

— Значит, можно быть счастливым без всякого повода?

— Конечно, у меня только так и бывает. Просто тот, что не приходит на свидания, его зовут... впрочем, неважно, как его зовут, он и не придет, я знаю. Ну и пусть. Все равно есть осень, вот этот прутик, листья, и скоро наступит зима. Вы в курсе?

Сеню словно кто-то ошпарил. Конечно, он был в курсе, что есть смена времен года, но чтобы этому радоваться?!.. Он заинтересованно поглядел на девушку-принцессу и спросил, как зовут столь необычную особу.

— Меня зовут... А зачем вам? Пускай сохраняется тайна. Это очень помогает в жизни.

— Все-то вы знаете. А сами такие маленькие.

— Надо говорить: «Такая маленькая». Но на самом деле я очень-очень большая, взрослая. Иногда бываю даже старой. Вот вы, старый или нет, как вам кажется?

— Я? Не знаю, никогда не думал.

— А я знаю. У вас что-то случилось. Просто так такие дядечки не сидят на бульваре с прутиком. Еще не вечер,

уверю вас. Слышите, не вечер. А правда, всего-то час дня. А я уже сдала. Ура! А вы сегодня что делали?

— Я? — опять обалдел Сеня. — Я орал как резаный, скандалил и чуть не подрался. Вот вам мой отчет.

— Так, я так и думала. На вас это похоже. Напрасно.

— Что напрасно?

— А ваш ор, драки. Ни к чему.

— Почему?

— Потому что все проходит.

— Вы правда старая.

— Я? Нет, я сегодня молодая и хорошая. А вас надо лечить.

— Да, я как раз сегодня пробовал. И мне показалось, что помощь нужна доктору. Она совсем завяла среди своих психов.

— Ничего, есть другие доктора. Вам нужен психолог. А я и есть психолог, мне только два курса осталось. Но главное мы уже прошли.

Она взяла его за запястье, прислушалась и вынесла вердикт:

— Вы можете прискакать к нестабильной стенокардии. Вам это не подойдет. Рецепт прост.

— И в чем же он?

— Солнце, воздух и вода — а далее по тексту. Поняли? Еще пробежки. Приседаний в день — не меньше пятидесяти. Будете делать?

Сеня грустно посмотрел на нее и сказал: «Вы правы, сегодня вы совсем-совсем маленькая». Девушка отбросила пруттик, которым то размахивала время от времени, то что-то рисовала на мокрой земле и внимательно посмотрела на Арсения. «И у вас, и у меня примерно одинаковая ситуация: нас кто-то не долюбил, от этого нам плохо. Но я еще не привыкла залезать в отчаяние, а вы уже полюбили это. Отчаяние, горести — это такое спасение для человека, вы согласны? Можете не отвечать. Но я не буду отчаиваться. И вам не советую. Все поправимо».

Он снова глянул на свою собеседницу, подивился ее мудрой детскости и спросил неожиданно для себя: «А вы придете еще сюда, на бульвар?»

— Ну да, я же здесь рядом учусь.

— Да, я понял, на психолога.

— Вот именно. Приду. И вы приходите.

— Завтра?

— Не знаю, но приду. Пока, не отчаивайтесь. Все проходит, помните?

Он шел домой, вспоминал аромат ее присутствия, почти детского голоса, непосредственность, которая шла вразрез со всем для него привычным, и ему снова хотелось вернуться на то же самое место. «Скорей бы завтра», — подумал Сеня и вошел в метро, в котором, как нарочно, не предполагалось выхода. Но он-то знал, что какой-никакой, а все же отыщется, и вся ситуация со временем разрешится. Только вот куда, в какую сторону?

Дома его ждала Соня и не просто лежала на диване, а именно ждала. Она приготовила его любимое блюдо под названием хажаб, где сочетались все возможные овощи, мясо, но не должно было быть картошки. Все это обкладывалось капустными листьями и тушилось минут сорок-пятьдесят в своем соусе на очень маленьком огне. И сок все же был. Когда блюдо достигало готовности, и аромат от него был такой, что можно было просто сидеть, вдыхать пряный вкус и только любоваться, вот тогда его и раскладывали на большой круглый ляган, привезенный еще Соней с родины.

Так было в войну, когда Соня жила в Средней Азии, с едой и там было туговато, и тогда соседка, знаменитая тетя Сима предлагала ее маме почитать с выражением книгу о вкусной и здоровой пище. Так порой проходили вечера: не за едой, а исключительно за чтением.

Еще и по этой причине Сеня жалел Соню, потому что сознавал, каково ей пришлось в детстве.

Подумал и тут же одернул себя: жалел! — а сам чего хотел на самом деле? Ну почему все, как в пьесах у Чехова, имеет двойной и даже многослойный смысл. Говоришь, произносишь одно — подразумевается другое. Вот встречаются барыню с поезда Лопахин и Дуняша. Лопахин и задирается, и пикируется. Но оба за разговором имеют совсем иную цель, к которой оба и приготовились: один наметил план покупки имения, другая всеми силами стремится подражать и соответствовать барыне. Любят ли они Раневскую? — трудно сказать, скорее зависят от ее непредсказуемого характера, однако, план оба, независимо от

друг друга имеют четкий. Им обоим на руку приезд барыни, оба готовятся к свершению чего-то необыкновенного.

Чехов Чеховым, а сегодняшняя реальность — совсем другое дело.

И все же и в нынешней жизни тоже есть место чему-то необыкновенному. Ну, например, тому, что вот ведь, он, Сеня, летает, и никто даже не догадывается об этом. И вообще...

Тут он нажал кнопку звонка и забыл про всякое вообще. Соня открыла дверь, отошла в сторону, чтобы он смог лучше разглядеть ее, и он увидел, увидел, к чему она так тщательно готовилась. Она была прелесть, как хороша, да вдобавок к чудному платью на ней были длинные серьги, которые Сеня подарил ей, когда еще все было между ними не так уж скверно. Он уже понял, что за блюдо ожидало его и попытался приобнять Соню. Она ловко увернулась, и Сеня заторопился в ванную.

Стол был накрыт в главной комнате, всего было много, пахло замечательно, и вечер предполагался самый что ни на есть потрясающий. «Когда это она успела за продуктами сходить?» — подумал Сеня, а сам разглядывал стол. «А что у нас за торжество?» — глупо спросил он. — «Просто. Что, нельзя поспрашивать без всякой причины? Мы ее, может, потом найдем. Идет?» — «Ага», — резюмировал Сеня и они сели.

Вермут, на столе был вермут, хотя он всегда недоумевал, за что его можно любить. Ему была прикуплена водка, а еще была вода, пиво и много разной рыбы.

— А давай-ка ты будешь пить водку, как когда-то, — предложил Сеня.

— Давай, — неожиданно согласилась Соня и они выпили.

Сеня чувствовал себя вполне замечательно, не ожидал ни подвоха, ничего плохого вообще. Он решил на какое-то время, что идиллия вернулась, и все может стать, как в старые времена. И действительно, последнее время дома он не ощущал прежнего напряжения, той муки из-за ее лжи, к которой он за последние годы привык. Он вспомнил свои переживания по этому поводу, и ему стало страшно.

«Неужели это когда-нибудь вернется? Но ведь дальше как-то надо продолжать жить, а не только размышлять о жизни и примериваться, изменять ли, нет ли, с кем и зачем».

Соня вела себя так естественно, так непринужденно, что он и не думал, будто она имеет какой-нибудь план или намерение. Они просто, как в давние-давние времена ели, пили, наслаждались обществом друг друга.

— Ты, поди, лет сто не готовила хажаб. Соскучилась, вот он и получился.

— Да, не готовила. Вообще, мало что делала нужного и полезного. Но... все проходит, как видишь. Только какой ценой!

— Не расстраивайся, может, нам удастся залатать прорехи?

— На нашей жизни?

— Конечно. Я верю.

— Не думаю, что это так. Не веришь, так только, меня успокаиваешь.

— Сонь, все хотел спросить тебя, да не решался. А самоты веришь, что все еще возможно, что сможем жить по-старому?

— Это чтобы я опять врала тебе?

— Ну зачем же так?

— Жить даже не как раньше, а испив все то, что досталось обоим?

— Ты хочешь, чтобы я ответила прямо, честно?

— Конечно.

— Тогда слушай. Я тоже так больше не могу. Видеть, как ты обращаешься со мной, как с тяжело больной, как ты дрейфишь, чтоб не перегнуть палку и не расстроить меня... нет, это невыносимо. Я не так больна, как хотелось бы тебе.

— Что ты такое говоришь? Как ты можешь?

— Да-да, я не ошиблась. Так тебя вполне даже устраивает: жена больна, дома ты, как овечка, но мысли, куда денешь ты свои мысли?! Ты по-прежнему ни на что не решился, тянешь день за днем, не зная, что он принесет. Так и живешь. А я по-твоему больше не могу и не хочу. И так — не будет. Понимаешь, это глупость: тратить свою жизнь неизвестно на что. Мы оба боимся совершить хоть

крохотный промах, чтобы не поднялась волна и не понеслась на нас, и не накрыла с головой. Вот и жмемся, при- творяемся, что все хорошо.

Сеня отложил приборы и хмуро посмотрел на Соню.

— Так ты для этого устроила такой званый ужин, чтобы выложить, как нам плохо, и дальше так нельзя?

— Да, именно. Для этого. И если бы ты продолжал молчать и дальше, и делать вид, что ничегошеньки не произошло, то в один прекрасный день просто застал бы пустую квартиру.

— Как, опять?

— Да нет, ничего бы я не сотворила, я бы просто ушла. Чтобы ты догадался, наконец, что я все, все понимаю, что не слепая, и так далее.

— Какой же я слепец, — сказал Сеня и закрыл лицо руками. — Ничего-то не вижу и не слышу. — Зачем ты так наотмашь?

— А как надо, по-твоему, с пирожными? Они будут попозже. Словом, все, молчи и слушай. Я все решила. Я уезжаю, без сцен, пожалуйста. Уезжаю прямо сегодня, часа через два.

Сеня не мог поверить себе, ей, не мог вымолвить ни слова и только тупо смотрел перед собой.

— Куда же ты собралась?

— К близким.

— Господи, к каким близким? У тебя же и нет никого.

— Вот, правильно, ты все за меня решил, давно решил. Куда я денусь? Кому я нужна, да? Так ведь, признайся!

— Не так.

— Нет, именно так. Но у меня все же кто-то есть. И я не стану говорить тебе, сейчас, по крайней мере, куда еду. Потом, все потом, не теперь. И не сдерживай меня.

— А как же наблюдения врачей, лекарства, твое питание? Кто будет ухаживать за тобой?

— Я, я сама и буду. Все. Давай выпьем, а то снова рас- соримся.

— Так, и когда же, действительно сегодня?

— Вот именно.

— А как же...

— Ты имеешь в виду, как ты?

— Да, и я тоже.

— Ой, не знаю, давай посмотрим, что будет, что сейчас загадывать?

— Да, понятно. И что, ты уже все собрала?

— Все. И провожать меня не надо. Хотя... нет, все же... Послушай, я думаю, что твой замысел в чем-то оправдан: я сама виновата. Я провоцировала тебя. Но только ты не Господь Бог, ты не можешь выбирать. Кого оставить, кого отправить на тот свет. Что ж, давай оба подумаем.

— Соня, может, не надо? Может, все еще сложится?

— Потом, не теперь. Теперь меня почти и нет. Испол- нится твоя мечта — меня нет. Живи, тебе надо жить.

— Замолчи. Что значит «тебе»?

— А то и значит, что хотел этого именно ты.

— За это время прошло столько событий, перемен слу- чилось. Как же так? Я думал, мы выплыли, вышли на другие острова...

— Нам еще плыть и плыть. Я пошла. Не провожай меня.

— Но, Соня...

— Все, ставки сделаны, господа.

Сейчас она это сказала так, как в былые, прежние времена, и Сеня сник совсем. Он налил себе в фужер остатки водки и выпил. И тут же вспомнил, как в дале- кой молодости их близкая подруга, задержавшись на ра- боте и придя последней на Сонин день рождения, выпила вот так же залпом стакан водки и сразу же свалилась под стол. Не от выпитого, но от того, что ножка подломилась. Она, эта Светка, и оказалась на полу. Хохот стоял ужас, как долго, и ей все предлагали и предлагали наперебой еще и еще. Она смеялась тоже, и не было заметно, что алкоголь успел сделать свое дело. Просто всем было ве- село. Что значит молодость!

Сеня услышал, как хлопнула дверь и продолжал ка- кое-то время сидеть, опустив голову на руки. Это в после- днее время была его любимая поза. Он даже не думал, куда отправилась Соня, настолько поразило ее решение. Он просто сидел, свесив голову, как какой-нибудь Ива- нушка в русской сказке. Но тот хотя бы в конце совер- шал подвиг! Какой подвиг мог совершить Арсений?! Ни- ка-кой!

Стало совсем темно, а хозяин дома так и не изменил

своего положения. Казалось, что он или заснул, или... Что было вторым, оставалось загадкой. Но отчего-то мысли, те, давние, снова выползли наружу. Он опять на долю секунды возненавидел свою жену и жалел себя, и не мог найти решения. Что делать, ЧТО? — он не знал. Как, впрочем, и многого другого. Как, например, живет теперь Светка, куда отправилась Соня, где пропадает Марк, и вообще. Еще он почему-то подумал, что вряд ли Земля круглая, ну не все же были идиотами в Средние века! Почему-то не верили всяким там Коперникам и Галилеям. И Джордано Бруно — тоже.

Боже мой, что бы он только ни отдал за прояснение в душе и полной слиянности с миром. Одни провалы и поражения. Недаром Соня называла его страшным словом «пораженец». Да, он не стал знаменитым ученым, величайшим редактором всех времен и народов, хотя знал три языка. Он не стал тем уважаемым гражданином, к мнению которого прислушивались бы окружающие. Не стал. Однако в институте мозга его Геннадий на основе Сениных расчетов многое нарыл. Он пришел к таким выводам, что никакому Кадмию Иосифовичу из известного института и не снилось со всей его важной свитой. Не снилось, это точно, ибо то, что сделал Арсений, полностью разрушало их хлипкие теории и множественные диссертации. Сеня был впереди, и это не устраивало ни институт, ни другие академические учреждения, так как не вписывалось в очередную догму привычного. Сеня знал, что останься он в НИИ, его загрызли бы насмерть. Свобода и отстранение от этих знахарей науки были его спасением. Он все же заходил туда по вечерам, дабы избежать встречи со старыми знакомцами и сидел допоздна, чуть ли не до рассвета. Спасибо старым милицейским связям!

Он продолжал эксперименты и дома, чем жутко раздражал Соню, но старался успокоить ее тем, что все он делает после того, как она заснет. Но она, однако, нервничала, не засыпала и продолжала теревить его. Ох, эта наука!

Наконец он поднялся, прошел на кухню, распахнул окно, хотя было достаточно холодно и в следующую минуту... полетел!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Самое поразительное, что он даже не удивился этому обстоятельству. Более того, не стал оглядываться в поисках Марка. Он был один, и это радовало.

Через некоторое время он увидел свою жену, которая сидела в чью-то машину, причем, не рядом с их домом, а на приличном расстоянии. Но это уже было прошлым, его прошлым. Она ушла, и что теперь поделаешь? У него была своя цель, свой план — как угодно и он собирался его исполнить. Ему не терпелось еще раз встретиться с тем высоким господином и порасспрашивать его о том, о сем. Он не представлял, как найдет дорогу, не заблудится ли, — эти мелочи его уже не волновали. Он летел и точно знал, что путь его — единственно верный, и нигде он не заблудится, не потеряется.

Временами он оглядывался на родную Землю и нехотя сознавал, что столько грязи и неразберихи царит, наверное, только на ней. Даже с высоты это резко бросалось в глаза. Он по своей воле и желанию мог снижаться совсем низко, и ему удавалось разглядывать лица прохожих. Почему-то все они, ну, или почти все были, как и в метро, слишком напряженными и сосредоточенными. «Неужели человеку так плохо живется? Что их всех точит, что не дает покоя, не позволяет быть раскованными и улыбающимися?» И тут же отметил, что, наверное, и сам похож на них, идущих, спешащих, озабоченных.

Еще он разглядел, что на некоторых крышах идет вполне насыщенная жизнь. Преимущественно молодежь большими группками сидела, стояла, пила, курила и весело смеялась именно на высоких крышах домов. «Надо же, везде живут, даже на такой высоте! Что у них за хобби такое, влезать на крыши? Наверное, негде найти уютное место на земле. Вот и стремятся к уединению, отрываясь от земли совершенно буквально».

Однако благостное Сенино состояние длилось не так уж долго. Вскоре стало совсем-совсем темно, разглядеть лица он уже не мог, и заскреблась тревожная мысль: «А что такого важного я у него спрошу? Вроде на все ответил, все сказал? «Живи!» Ничего себе совет! Можно подумать, такой оригинальный, что упасть можно». В эту се-

кунду Сеня и впрямь чуть не свалился, зацепившись за высоченную трубу, которую не заметил. Из нее шел пар, и было очень тепло. Он несколько задержался, облетел ее несколько раз, убедился, что она имеет отношение к отоплению и, совершенно согревшись, полетел дальше.

Теперь он поднялся достаточно высоко и хотел только одного: чтобы полет не кончался как можно дольше. И еще он надеялся на встречу, которая должна пролить свет на многие земные дела. Он мечтал задать всего один вопрос, простой и наивный, который чаще всего задают дети. Однако и взрослые, и дети так и не нашли нужного, правильного ответа на мучающий вопрос. И вообще, означает ли то, о чем он собирался спросить, целую жизнь, саму вечность или так, всего лишь мгновение? Он не знал, как не знала — он был уверен — большая часть граждан, что это за вещь такая. Но он сознательно обходил произнесение самого слова, берег его для личной встречи. Почему он решил, что от ответа на свой вопрос что-то изменится в этом мире? Скорее всего, так все и будет продолжаться, как во все периоды истории. Да, так и будет. Но тайна, загадка — как же они все же мучают и так хочется какого-то сказочного разрешения их.

Через несколько секунд он полетел совершенно вертикально, и это очень ускорило движение. Уже не было видно не только людей, но и домов, городов, самой природы — ничего. Просто высь, слабый свет звезд, и едва слышимый звук, исходил который то ли от ветра, то ли от движения (невидимого на первый взгляд) облаков, то ли это было просто свойство небес: быть сдержанными и неторопливыми.

Ни очертаний материков, гор и рек — ничего, все давно отдалилось, и теперь перед ним раскрылась какая-то иная часть Вселенной, со своими звуками, светом, ароматом, которая властно и неотвратимо звала и звала его вперед. Он теперь был совершенно уверен, что не промахнется, что неведомая сила влекла его в этот путь, соглашаясь с его выбором и с его целью.

«Неужели и это тоже есть жизнь? Всюдность — термин Владимира Ивановича Вернадского вспыхнул в его голове, и он вновь, как и несколько месяцев, назад подумал о том, что человеку подвластно все, коль скоро он

призван думать и познавать. «Вот интересно, я сейчас познаю или применяю свое познание? И такая ли уж разница в этих понятиях?» И тут же прервал себя простым размышлением об открытиях глобального характера, которые в целом не принесли ничего человечеству, кроме головной боли. И в этом как раз скрыта разница между тем, что познано и какое совершено открытие и тем, как, каким образом оно применено. То есть между познанием и использованием.

«Может, и мы с Генкой не в ту степь лезем? Что нам вселенский разум и объяснение возможностей человека, коль скоро реально подобное? — и он взмахнул руками, подтверждая свой вопрос конкретным движением. — Даже если и узнаем нечто такое, чего не знал никто, кто ж нам поверит СЕГОДНЯ? Кто именно сегодня станет нашим единомышленником, кто разделит наш пафос первооткрывателей?»

Он почувствовал, что вот-вот откроется нечто вроде входа или похожее на него, и полет завершится. Первая его часть. Пока же не было слышно никаких реальных звуков, которые выдавали бы присутствие кого-то. И все же Арсений точно знал, что он вблизи, у своей цели.

Действительно, вскоре пустота, или ничто, или высь небесная словно распахнула свои глубокие бархатные шторы, и Арсений увидел уже знакомый пейзаж. В первые свои посещения он пропустил целый ряд деталей. Например, он упустил из виду, что то пространство, в котором ему довелось побывать, действительно окружает нечто, наподобие огромных дымчатых ворот. Причем, располагались они весьма странным образом: где-то имелись, а где-то оставались пустоты. Но и там происходило какое-то насыщенное движение; во всяком случае, он слышал голоса, звуки, похожие на человеческую речь.

«Господи, да какой же здесь быть, кроме этой? Все правильно, люди, они везде. Хоть на Земле, хоть в преисподней». Никто, однако, к нему не подходил, и он оставался какое-то время один. Удивительное дело, но если на Земле была ночь, и ничего не было видно, то здесь все было иначе: повсюду был разлит удивительно мягкий ровный свет. Не яркий, но и не похожий на сумерки. Просто приятный, ласкающий свет.

«Интересно, все души, или люди попадают сюда? И что вообще это за место? — в который раз подумал Арсений. Вряд ли это рай или ад, но какая-то неизвестная небесная страна, предвещающая рай или ад, — несомненно. На чистилище тоже непохоже, уж очень все благостно. «Ах, сколько раз говорил себе: не задаваться никакими вопросами, все равно ничего не пойму. Принимаю. Принимаю вызов! А что это, как не вызов? Только он! Кого это я так сильно раздосадовал, что терплю подобные испытания? Да, зато у меня есть то, что не дано другим: я могу взлететь. Правда, в любой момент все это может закончиться, да и ладно, Еще лучше. Буду жить по-другому, начну с чистого листа».

В эту минуту перед ним оказался уже знакомый ему гордый человек высокого роста, но в остальном вполне обычный, здравомыслящий субъект. «Интересно, как он-то здесь оказался?» И тот, словно услышав его, сказал: «Не пытайтесь разгадать то, что вам не под силу. Ничего из этого не выйдет. Примите все, как есть. Вы о чем-то хотели спросить, не так ли?» Арсений поднялся, выпрямился и сказал: «Красиво тут у вас. Хоть назовите, как это все называется?» — «Нравится? Покоем, тишиной, чем же еще?» — «Но ведь есть у этого места и конкретное название? Что это за объект?» — «Позже, хорошо? Чуть позже. Ответ вы получите не здесь, я обещаю вам».

Стало совсем светло, и этот удивительный свет, что так зазывно приближался к Арсению и казался вполне осязаемым, вдруг стал плотным, и Сеня подумал, что правы были они с Генкой, когда говорили о свойствах материи и пространства. Оно и правда способно к расширению и сжатию. Не попасть бы в последнее.

Сеня по-прежнему не чувствовал ни страха, ни возможной опасности. Он знал, что должен спросить. И он начал.

— Не знаю даже, как к вам обращаться, но вопрос действительно у меня есть. Впрочем, о многом хотелось бы спросить. Но пока... пока один.

— Слушаю вас. Хотя, догадываюсь, о чем вы...

— Скажите, что такое счастье?

— Счастье... Знаете, в том отделении, где лежала ваша жена, вам бы ответили, что это — радость от самого мало-

го: колышущейся ветки на дереве, бутерброда утром, успехов на работе и так далее. Но я вам скажу иначе. Нет никакого счастья. Есть вечное преодоление человеком несчастий, страданий, невзгод и прочих сложностей. И эта устремленность, это желание достичь недостижимого на самом-то деле — и есть возможное счастье. А вообще-то — это обычная наша иллюзия, заблуждение, которого так жаждет человек и к которому всю жизнь стремится. Как и другие загадки, которые разгадывает, не в силах даже приблизиться к ним. Ибо истина недостижима. Но путь к ней — ох, какой же он увлекательный, если не сказать, чарующий. Но мне казалось, вы на подступах к другому вопросу. Однако пока не решаетесь задать его. Что ж, подождем. Вы сами как считаете, верующий вы человек?

Сеня помолчал, склонив голову, как всегда в последнее время, и понял, что не знает, как и что сказать. Он, если быть искренним, правдивым, не знал ответа на этот вопрос. Так и сидел молча.

— Так я и знал. А то, о чем подумал я, еще заставит вас задуматься и искать ответа.

— Я действительно не знаю, не хочу лукавить. Но вопрос веры занимает меня, даже очень. Однако я не уверен, в каком случае я обращаюсь к Всевышнему: только ли когда мне плохо, или когда должно что-то совершиться? Нет ли в этом откровенно эгоистической позиции: вспоминаю, когда мне что-то нужно? А вот повседневно, вне просьб и горестей, — этого же нет. Так вера это или защита от собственных страхов?

— Думайте, размышляйте. А сейчас я хочу показать вам кое-что. — Он указал на группу людей, которые в горизонтальном положении буквально проплывали в строгом порядке, большой довольно группой, недалеко от них. Женщины, мужчины, все они были в светлорозовом, или просто в розовом, но как удерживались на весу, было совершенно непонятно. — Видите? Это и не грешники, и не праведники: все вместе, и то и другое. Это же снова заблуждение, что часть попадает в ад, другая — в рай. По какому принципу их разделять, где мерило истины? Его и здесь не сыщешь. Просто это люди, которые уже не оживут, вот и все.

— А куда же они направляются? Или куда их ведут?

— В другое измерение, туда, где человеческая мысль, знание развито настолько, что не требуется сказок и иллюзий. Они действительно попадают в иную реальность.

— И что же они там станут делать, коль скоро их нет? Правильно ли я вас понял?

— Делать? Нет, шить, пахать — этого ничего не будет. Будет лишь созерцание и размышление. И только через это — познание.

— Но зачем им оно, коль скоро они уже не оживут?

— Как знать? Есть и другие миры, другие пространства. Это вам кажется, что все изведано и все открыто. Это далеко не так. Эволюция — она бесконечна. Впрочем, как и сама жизнь в разных своих формах.

— Странно.

— Что именно?

— А то, что наше земное представление о Боге, рае, аде так искажено, перевернуто, столетиями не подвергается пересмотру, сомнениям. Так человек и пребывает в иллюзии представлений о том, что ПОТОМ, после него. Может, и впрямь он все это — лишь от страха?

— В большей степени — да, так и есть. Но есть и истинно верующие. Вот кому легче. Им и еще — не поверите — юродивым.

— Ну, это-то понятно.

— Это хорошо, что вы пытаетесь докапываться до сложных вещей, которые только кажется, что давно объяснены. И что Вольтер, скажем, изрек очевидную истину. Помните? — верую, потому что абсурдно. Неверно, это одно из заблуждений. Скажу вам проще: очень мало действительно верующих, не сомневающихся. Вы даже не представляете, насколько им легко живется. Но я, заметьте, ни к чему вас не призываю.

— Да, я понял.

— Вы лучше скажите, больше нет мыслей, побуждений, ну, тех, что одолевали вас в отношении Сони?

— Убить что ли? Иногда накачивает. Обида, злость, словом, все греховное.

— Ничего тут не попишешь. Ищите. Ищите свой путь. Мы еще раз встретимся. Только раз. А теперь — прощайте.

Все исчезло, не стало плывущих в неизвестность людей, истаял только что говоривший старец, пропало ощущение выси и иного мира. Вдруг все оказалось обыденным и привычным: мир принял Арсения как и подобает хозяину. И властно, и радушно, и по-свойски. И Арсений ступил в него, тоже ощутив привычный аромат толчеи и смуты, напряжения и несвободы. А главное — отсутствия покоя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Он все же отправился со своим коллективом на пикник-рыбалку. Позвонил Женька и сказал простые слова о том, что отделяться нехорошо, и народ ждет. Мужиков, мол, и так мало. Довод был мощный, и Арсений его принял. Договорились встретиться у редакции, куда придет автобус. «С собственным снаряжением чтоб был», — напутствовал Женька, и Сеня догадался, что поход в магазин — за ним.

Он хорошо подготовился, вовремя подъехал к родной редакции, где уже пританцовывали граждане-сотрудники, и только тут до Арсения дошло, что на дворе — ноябрь месяц, какая рыбалка?! И что за пикник решено устроить? Где, на какой такой природе, где и снега еще нет, и с хорошей погодой уже напряженка? Но вопросы снялись быстро: оказалось, что у Женькиных родственников пустует временно дача. Вот туда-то народ и собрался. «Зачем же главный велел коллег сплачивать, готовиться?» — недоумевал Сеня, но ему пояснили, что главный имел в виду как раз это: помещение. Он же, в отличие от Сени, вполне нормальный мужик. Так, по крайней мере, пояснили Арсению. Он понял.

Доехали за полтора часа, и оказались в удивительном месте, где летом, наверное, было можно просто пропасть от такой красоты, а сейчас, глубокой осенью — тоже замечательно. Дом стоял в глубине сада, был старый, крепкий, с отоплением-печкой и очень просторный. «У тебя родственники что, купцы что ли?» — кто-то пытался зацепить Женьку, но не на того напали. Женька парень был крепкий, на провокации глупые не поддающийся. «Располагайтесь», — радушно сказал он и велел «девочкам», к

котором относились все категории возрастов, двигать на кухню и начать подготовку к торжеству.

«Интересно, что за торжество? Я, наверное, вообще от жизни нормальной отстал», — подумал Сеня и спросил, есть ли конкретный повод, на что Женька ответил, что да, есть. «Но об этом позже. Все узнаешь», — заверил он, и Сеня тоже стал распаковывать авоськи.

Девушки, включая Веру Иванову, их многодетную сотрудницу, расстарались, привезли... да чего они только не привезли! Здесь были и пироги, и квашеная капуста (ну, как же, под водочку!), и даже готовое, так называемое «горячее», которое требовалось только подогреть, и разные другие вкусности, собственноручно настряпанные.

А сами девочки! Они вырядились отнюдь не как для рыбалки, но как для торжественного случая. Галя была великолепна! Она искрами метала свои взгляды то на Сеню, то на Женю, то аж на самого главного и при этом работала. Она украшала блюда, расставляла посуду, вела себя как самая настоящая хозяйка, на что Сеня подумал, что уж точно, бывала она здесь не однажды. И на вопрос, где удобства, во дворе или...она ответила, что «или» и указала, где именно.

Сеня вышел во двор и подивился другому великолепию, без украшательств и тряпочек. Зима пришла в Подмосковье значительно раньше, повсюду уже лежал снег, и сосны, довольно большие и тоже прекрасные, светились своим иссиним сиянием. Было видно, что сюда хозяева приезжали именно отдыхать, а не сажать помидоры, потому что повсюду росли огромные деревья, включая дубы, липы и березы. Словом, это было продолжение леса, который начинался прямо за калиткой.

Сеня уже не первый день ощущал, что то большое, гнетущее чувство, которое не оставляло его многие месяцы, как-то незаметно испарилось, и он уже подумывал о Соне в прошедшем времени. Его не возмутил ее отъезд, он нашел и этому оправдание и решил, что он более грешен, нежели она, и ей теперь многое позволено. Он отпустил и Соню, и саму ситуацию. Он, казалось ему, принадлежал себе и отчасти природе. Вот она, какая красавица стоит! Так стоит ли размышлять о преходящих ценностях, коль скоро есть вечные ели, зима и прекрасное чув-

ство отстраненности от бременных забот, мелочностей, обид и привязки к какой-то там любви, которая доставила одни лишь страдания?!

Подумав так, Сеня осекся и вспомнил, что помимо сосен и елей, конечно же существует нечто такое в душе человека, что не может саднить и ранить, что никакими застольями не залыещь и не замаскируешь. И еще он отметил, что, стало быть, не вполне освободился от своего чувства, коль скоро раздвоенность и теперь следует за ним по пятам.

Размышления эти были прерваны появлением Гали. Она накинула на плечи шубку, столь же великолепную, какой и была сегодня сама, и Сеня, конечно, отметил это, но тоже как-то отстраненно, да еще и подумав, как же правильно он сделал, что сбежал тогда. Вот бы теперь было тошно и неловко. А сейчас он может прямо смотреть на женщину, не чувствуя никаких угрызений совести. А женщина между тем направлялась к нему и смотрела насмешливо.

— Что, все один время коротаешь?

— Почему один? С природой, — парировал Сеня.

— Значит, один. Неужели тоска не гонит совершить что-нибудь эдакое?

— Например? В твои объятья?

— Ну ты и наглый.

— А как же? На том стоим, — съязвил снова Сеня.

— Пропустишь все на свете.

— Точно. Лишь бы к горячему успеть. Как там, скоро?

— Это называется уходить от ответа.

— Галь, ты такая красавица, зачем тебе я, расстроенный и разочарованный молодой человек?

— Льстишь себе. Какой ты молодой?

— Действительно. Старый молодой человек. Ты права, как всегда. Галь, я вот спросить тебя хочу. А хорошо всегда быть правой?

— Хорошо, знаешь. Но не думай, не один ты отрываешься.

Сеня похолодел. «Неужели?»

— Я тоже могу оторваться, да еще как.

— Что, и летаешь?

— Ну, при определенных усилиях и летаю. Если особо смеаю что-то с чем-то.

— А-а...

— А ты что подумал? Что я в космос устремляюсь?

— Да, знаешь... Почти что так и подумал.

— А это очень похоже.

— Тебе-то откуда это известно? Про космос?

— Чувствовать могу.

— Ты прям как Пушкин.

— Что ж, местами я тоже поэт. Однако мы уклонились от темы. Сегодня Женька уедет раньше, ключи у меня будут. Как, останешься? Реабилитация — вещь нужная.

— Ты считаешь?

— Это всем известно.

— А известно тебе, что мне не всегда известно то, что известно всем?

— Ах, как мы остры-то. Знаю, все я знаю.

— Да не думаю.

— Ну, как хочешь. Полагаешь, претендентов нет?

— Вот уж этого я как раз и не считаю. Более того, сам главный сегодня явно в ударе, и от тебя — в особенности.

Галя так же насмешливо посмотрела на него, резко повернулась, но чуть не упала, и Сене пришлось ее поддерживать. Она словно бы нечаянно прижалась к Сене, но это его не завело нисколько, и он снова галантно подал руку соблазнительнице и провел по заснеженной дорожке.

«Эх, была-не была», — подумал Сенья, взял в руки лопату, стоящую тут же, у угла дома, и принялся разбрасывать снег, очищая дорожки. Он так увлекся и работа доставляла такое удовольствие, что не заметил, как утро сменилось ярким днем, и солнце так и полыхало, глядя на залитый светом сад.

Его окликнули, и он пошел в дом.

Стол ломился от принесенных, поджаренных и разогретых яств, вино-водочных и коньячных изделий, выпечки и просто красоты, которую милые, дорогие сотрудницы сумели создать. Все были в приподнятом настроении, весело рассаживались за стол, пикировались, намекали на послекусие и вообще на послезавтрашний рабочий день. Но намеки тонули в общем гаме и предвкушении чего-то такого славного и редкого, к чему сотрудники

редакции шли довольно долго. И впрямь, нечасто они встречались в подобной обстановке.

Наконец расселись и принялись ухаживать друг за другом, закусывать, наливать. Словом, все, как положено. Не только сотрудники, но и главный тоже был в редкостно благостном настроении. Он первый произнес тост за общее дело, за дружество, как бы оно не проявлялось. Все захлопали и наперебой заговорили о том, что чаще надо собираться, что все заняты своими делами и совсем забыли, что существует другая, не редакционная жизнь. А она, вот какая симпатичная.

Пил и закусывал Сенья, и тут главный, который по совместительству был и тамадой, предложил, чтобы слово сказал Сенья. Тот встал и приготовился. Он любил импровизации, не отказался и на сей раз.

«Друзья, прекрасен наш союз, прав был наш Пушкин. Но я о другом, не столь очевидном. Нам только кажется, что все-то знаем друг о друге. Но это не так. Я, к стыду своему, ничего не знаю не только о своих коллегах, но и о себе самом. А потому тост мой — за познание. И за применение этого знания в конкретной жизни. Давайте с удовольствием и радостью познавать: жизнь, друзей, природу, самих себя. Спасибо, я все сказал. Нет, подождите, еще я хочу два слова о том, что лучше всего это удастся ночами, в прекрасных, просто волшебных полетах. Летайте, друзья, это очень помогает жить!»

Возник такой шум, все галдели, кричали, что непременно, прямо-таки сегодня и слетают, чего, мол, откладывать?! Называли, в какое время это сделать лучше всего, и пусть Сенья станет главным консультантом по полетам наяву. Во сне и без него все ясно. А вот чтобы по правде, на самом деле!

Да, Сенья не ожидал, что его речь вызовет такой ажиотаж. Его подначивали, смеялись и просили поделиться опытом.

— Нет, Сенья, ты не отлынивай, ты признайся, она что, правда крутая? Ты сам-то видел?

— Видел-видел. Крутая? Нет, скорее, яйцеобразная. И такая, сине-зеленая.

— В крапинку?

— Простите?

— Ну, Земля, она в крапинку?
— Ну, вы дайте! В какую крапинку? Она разная. Все космонавты правильно говорят, вы же все читали, знаете.
— Да, но перед нами живой свидетель, можно сказать, очевидец!
— А вы не хихикайте. Там такое есть!
— Расскажи, расскажи, Сеня!
— Пожалуйста. Там есть такое место, где нет ничего, просто элементарная пустота. И тогда ты четко понимаешь, что все, ни продолжения рода, ни тебя самого нет, и быть уже не может никогда. Вот это и есть самый настоящий ад.
— Так ты и там побывал? Вот где его носило, когда он прогуливал работу!
— Да, и там тоже. Вот, вскорости собираюсь в другое, прямо противоположное место.
— Ясно, в рай Сенька отправится. Ты хотя бы вернешься? А, может, засосет?
— Все, больше Сене не наливать, а то, не приведи Господи, возьмет и улетит прямо сейчас.
Сеня погрустнел: как же наивны люди, ничего-то они не знают, да и откуда им знать? Думают, вот она, жизнь, с шашлыками и коньяком, где нет раскаяния, подлинного покаяния, нет всего того, через что ему довелось пройти... Как же они слепы, и как им всем хорошо.
Включили музыку, задымили, и тут в углу комнаты Сеня увидел привычный образ: это был Марк. Он был, под стать Сене, тоже печален. Куда-то сгнули его былой лоск, цинизм, развязность. Он был, как и в последний раз, строг и подтянут. Его запросто можно было принять за своего. Он посмотрел на Сеню и слегка махнул рукой, словно призывая выйти из дома. Сеня поднялся и пошел за ним.
Давно сгустились сумерки, и становилось все холоднее. Снег поблескивал еще выразительнее и притягательнее. Сеня ахнул про себя от такой красоты. И снова царпнула мысль, что скоро все это для него закончится. Почему-то именно теперь, в эту минуту, когда природа демонстрировала свое полное слияние с миром гармонии, он почувствовал, что все, уже совсем недолго.
— Я, собственно, попрощаться.

— Я понял.
— А вам желаю вот чего. Предстоит еще одна попытка, то есть полет. И все, больше... больше ничего не будет.
— В каком смысле?
— В том, что вас больше никто не побеспокоит.
— Хотелось бы верить.
— Арсений, вы ни в чем не раскаиваетесь?
— А вы, собственно, не священник, я не вам должен исповедоваться.
— Как знать, как знать...
— У меня к вам тоже вопрос. Скажите, ну просто на прощание, что такое вы натворили в жизни, что сделали, что вот так неприкаянно носитесь туда-сюда?
— Скажу только одно, я уже говорил вам, кажется. Я преступил, хотя не должен был.
— Да что вы такое говорите?! Все мы когда-то в чем-то преступили!
— Да, но чаще всего это не выходит за пределы наших мечтаний и пожеланий. Я же сделал. Понимаете, не так, как вы — отступились, а по-настоящему. Я ее убил.
— Так вам, наверное, в другом месте полагается находиться?
— Угу, я там уже побывал, свое отсидел. Но не все, значит, отстрадал, не все отдумал.
— А я? И моя участь — не покой и забвение, а вот такое же блуждание? Нет, милейший, этого я не хочу. Я и так все потерял.
— Глупости, ничего вы не потеряли. Вы живы, и это главное. Жива и ваша жена.
— Да, но она не со мной.
— И что? Вы идете тем путем, который сами себе уготовили. Вы не хотели жить вместе, хотели отступиться от нее. Вот, добились.
— Но она, она живет и не любит меня! — вскричал Сеня.
— Какой же вы эгоист. Какая разница? Она жива, и это главное. А вы, вы просто...
— Ну, говорите!
— Вы отступник! Сидите на двух стульях: и не в редакции, и не в науке. Любили — разлюбили. Считаете, что выстрадали и заслужили покой, но все это — ваши заб-

луждения, ошибки. Вы хотели, понимаете, ХОТЕЛИ убить. И готовились.

— Но я же не сделал этого.

— Мысленно вы не раз проделали это. Вот и весь разговор.

— Но меня же уже покарали: я тоже чуть не умер.

— Ладно, всего хорошего. Живите пока.

Сеня остался на пустынной дорожке в полной темноте, и только слабый огонек вдали сада, который все поднимался и поднимался, а потом исчез совсем, свидетельствовал о том, что человек и впрямь песчинка, и в любую секунду он может превратиться в ничто.

Когда Сеня вошел в дом, он не узнал многих из сидящих, настолько изменился их облик от крика, выпивки, зажигательных танцев. Стоял гвалт, орали все вместе с музыкой, дым накрывал стол и все вокруг, но им-то, им было хорошо и весело! Как же им всем было здорово! Сеня постоял, посмотрел, втянул воздух носом и сел в угол на диван. К нему подошел Женька, уже еле державшийся на ногах и спросил, куда Сенька пропал. Его все искали, мол. Сеня грустно посмотрел на приятеля и отмахнулся, сказал, что выходил подышать.

— Подышать, это хорошо. А то в любой момент — раз и каюк.

— Ты чего это, Жень? С чего вдруг каюк?

— А так, долго хорошо не бывает.

— А тебе что, так хорошо?

— Да, представь себе: здорово. Я ее люблю.

— Кого? Галю?

— С ума что ли сошел? Какую Галю? Же-ну!

— Так ты вроде бы с Галей?..

— Это она со мной «вроде». Я — нет, я держусь.

— Бедная Галка.

— Почему это? Но она же страдает!

— Да она даже не знает, что это такое! С чем это едят.

— Брось, нам только кажется так. Она же добрая. Только неприкаянная какая-то.

— Нет, она прикаянная, она просто окаянная. Грешница ужасная.

— Женька, ты ли это?

— А ты сам сказал, что мы ничего друг о друге не знаем. Да, представь, я такой.

— Это здорово, дай я тебя поцелую, — воскликнул Сеня и повел сотрудника в дом.

Но по дороге спросил, однако, откуда все же знает Галя расположение всего и вся в доме.

— Я же говорил, она грешница. Просила у меня ключи, была здесь.

— С тобой что ли?

— Я тебе сто раз уже сказал: не со мной. Ясно?

— Ясно, Жень, ты меня извини за назойливость, просто я над своими проблемами кумекаю.

— Вот и кумекай, а ко мне с этим вопросом не приставай.

— Как думаешь, на сегодня она наметила жертву?

— А мне что? Пусть даже и главного, наплевать.

— Это хорошо, — подытожил Сеня, и они оказались в гудящей, разрывающейся на части гостиной.

Галя отчаянно плясала что-то народное. То ли пародию на цыганочку, то ли «Барыню». Делала она это отменно, не взирая на этнические противоречия танца. Для неё главное было двигаться, и она всю выплескивала свою застоявшуюся женскую энергию. Поводила плечами, выстукивала бешеный ритм каблуками, с дивана схватила какую-то накидку и размахивала ею на манер шали. Все были в восторге и от самой Гали, и друг от друга. Все были довольны собой и всячески демонстрировали это. Правда, было видно, что веселится народ от души.

Сеня огляделся и подошел к Вере Иванне, которая сделала паузу в подтанцовках и присела на диван.

— Вера Иванна, а что все-таки за повод такой, не скажете?

— Ох, Сеня, ты все пропустил, уже шили за повод.

— Так за какой?

— А ты не в курсе разве?

— Нет.

— Галка-то наша уезжает, бросает нас.

— Как это? Куда?

— Да в Кению. Замуж выходит.

— Ничего себе!

— Да, а что, она видная, и муж у нее такой же.

— Так это она прощание славянки заделала?
— Вот именно.
— А как же язык, профессия?
— Сень, ты как с неба свалился, это ж Галя, она что хочешь выучит, причем, за три дня.
— Говорите, и муж у нее такой же?
— Да, веселый, я его видела.
— Тогда я спокоен, что веселый. Вдвоем им будет настоящему здорово.
— И я про то же.
— Вера Иванна, я все спросить вас хочу, как вы управляетесь с вашими чадами? Трудно, наверное? Вы одна или помогает кто?
— За меня, Сень, не беспокойся, я трехжильная. А помогать — нет, никто, я сама.
— А сейчас они с кем?
— Старшая управляет младшими. И борщ варит. Да и отсюда кое-что принесу им. Не пропадать же.
— Понятно. Спасибо.
— Это за что же?
— За дельный совет. Я, может, тоже когда-нибудь жежнюсь.
— Так ты же женат!
— А я еще раз, снова.
— На Соне?
— Ну, зачем же? На ком-нибудь другом, так интереснее. На молодой, к примеру.
— Сеня, это на тебя не похоже.
— Все меняется, дорогая моя. Ладно, вон главный рукой машет. Сейчас схлопочу, наверное.
— А ты не бойся, ты ничего не бойся.
— Я так и делаю.
— Похоже.
С этими словами Сеня отошел от сотрудницы и пошел в другой конец комнаты, к Виталию Егоровичу.
— Садись, Арсений, поговорим. Весело тебе?
— А как же! Вот, аж взмок весь.
— Понятно, — иронию главный понял и продолжил: — вот и мне весело. Ты куда-то пропадаешь. Говорят, от коллектива совсем оторвался. Да и застольная речь твоя о многом говорит.

— Да бросьте, это просто тост.
— Даже тост выдает настроение человека. А у тебя оно такое, что самому, небось, тошно.
— А что, заметно?
— Мне — да. Я вот что хотел сказать.
— Да, слушаю.
— Ты знаешь, что уволился Виктор? Ну, мой заместитель?
— Нет, как-то мимо меня прошло.
— Я так и думал. Так вот, нужен мне именно такой сумасшедший, как ты. Согласен?
— В смысле?
— Что значит «в смысле»? Это означает, что я тебе, Арсению Павловичу, так, кажется, тебя зовут, предлагаю должность своего заместителя по творческим вопросам. Ты же у нас личность творческая, можно сказать, незаменимая. Так что? До тебя не доходит, что ли?
— Теперь доходит. Но у меня встречное предложение. Как раз через день собирался уйти.
— Слушаю.
— Я хочу уволиться.
— Да-а... С тобой не соскучишься. И что так?
— Так. Решил. У меня, знаете, миссия.
— Может, поделишься?
— Нет, не могу. Вы не поймете. Я должен завершить свои научные разработки.
— Ну и завершай их, не отходя от своего рабочего места. Нет, нужно отлучаться, — пожалуйста. Но зачем уходить-то?
— Виталий Егорыч, как вам кажется, люди летать могут?
— Ну-у... если постараться. Во сне, пожалуй.
— Это, если нормальные, вы ведь это хотите сказать?
— А ты что, летаешь?
— Представьте.
— Сень, я тебе отпуск дам, поезжай в санаторий, полепись, отдохни, я в курсе твоих дел дома. Отдохни. Но — с возвращением.
— Вы не поняли. Я действительно летаю. Иногда. Да еще с сопровождением. Нет, в психушку мне рано.
— Черт-те что...

— Мало того, что летаю, еще и встречи-контакты имею. Более того...

— Ну, говори.

— Более того, мне это страшно помогло. То есть в том смысле, что научился различать, что мелочь, так, ерунда, что главное и судьбоносное. Я и в институте своем бывшем стал пропадать потому, что решил провести эксперименты, где хоть что-то стало бы понятно. Может, думаю, человек так эволюционировал, что способен изменять сознание, а, стало быть, условия реального проживания. Или — представления о них.

— И что, понял что-нибудь?

— Пока нет. Но со своим другом мы кое-что сможем сказать. Не теперь, позже, но догадки определенные есть. Если бы я был психом, все было бы проще. А здесь сложнее будет.

— И кого же ты встречал?

— Так, господина умного. И картины всякие. Но главное — я испытал такое, что никому не пожелаю. Все байки про ад со сковородками — дурь и чушь. А вот когда человек теряет понимание своей самости, когда он представляет мир как ничто, когда этот мир и становится для него ничем, прострацией, пустотой, — вот тогда по-настоящему страшно. Смерть хотя бы извещает тебя болью, удушьем, приближением конца, а есть смерть иная, как в Чернобыле: без цвета, без запаха и без звука. Это и есть ад. Все, кранты: ни тебе продолжения рода, ни мечтаний, ни ощущений, боли, страданий. Господи, оказывается, страдания так важны, вы не представляете себе.

— Да-а-а, что сказать, даже и не знаю.

— Вот и я не знаю. Только чувствую, что что-то вот вот, скоро очень должно произойти, случиться.

— С тобой или с человечеством?

— А это одно и то же. Когда — с тобой, тебе кажется, что повинно все человечество.

— Ты на что намекаешь, на конец света что ли?

— Да нет, не на конец. Но конец чего-то важного непременно случится.

— Сеня, я не ожидал, не ожидал, что ты такими серьезными проблемами обременен последнее время. Но ве-

рять, прости меня, все же не могу. Сильна, знаешь ли, старая материалистическая школа.

— Вот и мне она не дает покоя, а главное — свободы и раскованности все принять. Одни комплексы и преграды: не может так быть и все. Потому что так учили. Вот и выучили. Поэтому я ничего не пытаюсь навязать, а только стараюсь разобраться. Понять — что за этим стоит, зачем этот эксперимент? Прохожу ли его только я, или есть еще граждане? Пока — не знаю.

— Сень, и все же послушай. Даже если у тебя не полные завихрения и ты в отличной форме, отнеси это на счет разыгравшейся фантазии, воображения, еще чего-то сказочного. Но не заморачивайся на этот счет, прошу тебя, свихнешься.

— А я не боюсь, не свихнусь, потому что то самое материалистическое, о котором вы говорите, позволяет отделять, где одно лишь воображение, а где переход в иную реальность. Или — изменение представлений о реальности.

— Но, Сеня, изменение представлений и есть нарушение психики, неужели ты не понимаешь?

— Я о другом изменении. Я ведь ни на чем не настаиваю: что, мол, я — точно Наполеон и прошу мне верить. Я — Арсений, сотрудник издательства, собрался увольняться, чтобы продолжить свои научные эксперименты по изменению человеческого сознания, по его трансмутации и так далее.

— Ну что ж, есть еще завтра, ты все же подумай. Будет ещё время, я не стану тебя торопить.

— Вот и отлично, вот и спасибо.

— Интересно, есть, над чем подумать. Заходи ко мне в понедельник, потолкуем.

— Спасибо. Но это уже будет другая беседа, другая обстановка, и вряд ли я решусь. Вряд ли еще раз вернусь к этой теме.

— А ты не загадывай. Идет? Вот и хорошо.

С этими словами главный поднялся, одернул свой роскошный вишневым свитер и вышел из гостиной, где гости слегка поутихли, и того шума и танцев уже не было, а звучала тихая, спокойная мелодия. Все устали.

Сеня соображал, сразу ему плюнуть и уехать из этого очаровательного вертепа трёпа, интеллектуальных пересмешек и прочего. Однако что-то все же его остановило, и он решил задержаться. Он увидел, как Галя, разрушая свой же привычный образ, молчаливая и грустная, собирает со стола посуду и делает это тщательно и проворно. Другие особи женского пола были в полной отключке, а в этой все была и была неисчерпаемая энергия какой-то мощной взрывной силы. «Вот ведь какие женщины бывают», — еще раз подивился Сеня и подошел к Гале сам.

— Галь, а ты тихушница.

— Что такое?

— Да так, говорят, замуж выходишь, да за тридевять земель уезжаешь?

— Тебе-то что?

— А то, дорогая моя, что познание человека человеком неисчерпаемо и бездонно. Вот, как с тобой.

— Ладно, я тоже Сартра читала. Нашелся великий трансцендент!

— Впервые слышу прелестный термин в такой грубой усеченной форме. Галка, ты же хорошая, что ты все норовишь слыгть не тем, кто есть на самом деле? Гордыня что ли такие шутки вытворяет? Да, Галя, хоть я и трансценденталист и проку от этого немного, я согласен дать тебе великое напутствие. Слушай. Я не всегда такой добрый.

— Ну?

— А ты без этого, без упряжки лошадей. Слушай и пользуйся моим великодушием. Если тебя позовут — иди, если пригласят в полет — лети, если захотят избавиться от тебя и расстаться, — смело бросай такого подонка.

— Ты че, серьезно?

— Вполне.

— И больше всего мне нравятся полеты. Ты и представить себе не можешь, насколько это увлекательно и будоражит эту твою трансцендентность. А если без выкрутасов и ссылок на Сартра и прочих, не менее просвещенных граждан, — принимай жизнь в ее чистоте и незамутненности, греховности и стремлении к обновлению.

Галка уставилась на него с необъяснимым выражением лица и сказала, что да, выходит замуж по необходи-

мости, ей здесь все осточертело и хочется чего-нибудь новенького. И она нашла такого человека. Не среди русского быдла, что понятно и так, а на приеме в одном культурном центре от посольства. Он был, естественно, сражен ее красотой, умением держаться и... читать стихи.

— Галь, ты прелесть. Но и правильно, что он не из наших. Те бы затерли, не разглядели бриллиант. А какие стихи, кстати, читала?

— Да, так. Сочиняла тут.

— Ну, поделись.

— Ладно. — Галка даже перестала выгибать тарелки из-под зелени и огурцов, сдвинула всю провизию набок и начала мягко так, словно подбираясь к жертве, к самому главному.

Я в зеркало смотрелась и не видела себя,

И к ручью я наклонилась, но и здесь все нет меня.

Я смотрела на деревья, может, там мой облик сирый?

Но не палок, ни колючек, только звук звучит унылый.

Что ж, постылый, подойду, растворю твои оконца,

Но не вспомнишь ты меня, разве бледный свет от солнца.

И на главной стороне всех на свете главных улиц

Улыбнется счастье мне, мой неистовый безумец.

И на краешке огня, в час полярного сиянья

Выйду замуж за тебя — вот тебе мое гаданье.

И на капельке росы сотворю святое слово.

Что же жизнь, моя судьба? — старо-ново, старо-ново...

Галя не хотела больше продолжать, да и Арсению не хотелось портить такое правдивое милое мгновение с критикой нечистот и несогласований в стихотворении. Пусть так, раз ей пишется! Он еще раз внимательно посмотрел на нее, подошел, обнял и в щеку поцеловал. Галка отпрянула, как ненормальная. «Псих», — подвела она черту и была недалеко от истины.

Гости как-то пообмякли, поуспокоились и решили пройтись по саду. Вышивать надоело, кружиться и куражиться — тоже, наступило то умиротворительное состояние, когда вся энергия какого-то бесовского характера улетучи-

лась, и хотелось покоя, неспешных бесед, откровений, ухаживаний (уже не на пьяную голову), а чего-то возвышенного и замечательного. Люди были сплошь образованные, только дорвавшиеся до полной, какой-то абсолютной свободы и раскрепощенности. Побесившись всласть, они были в том благодном состоянии, когда самоуважение — не просто слово, а кое-что покрупче. Более того, хотелось даже демонстрировать эдакое владение собой, своими эмоциями, способность отрешаться от праздности и окунаться в вещи высокие, почти недостижимые. Поначалу — просто сказочные. Корректоры, редакторы, литсотрудники, во главе с главным, мирно продвигались по залитой луной дорожке и восхищались поблескивающими искрами снега на вечных елях, которые столь торжественно внимали их разговору, что сами словно становились выше и умудреннее.

Сеня оставался на крыльце и какое-то время смотрел вслед двигающейся восторженной толпе приличных людей, и такое в нем рождалось хорошее чувство сопричастности ко всему происходящему, включая и их, и этот сад, и Галку с ее непонятным замужеством, и ту девочку с московской аллеи, которую он встретил на днях и забыть которую не мог. И все ждал и ждал, когда же кончатся эти вздорные выходные, чтобы можно было пойти на то же место, чтобы увидеть ее.

Все было настолько спокойно и пристойно, что создавалось подозрительное ощущение, а не мираж ли все это, не закончится ли все вот теперь, сию же минуту то чудное и недолговечное, что поразило в самое сердце.

А ведь в сущности — пустяк: ну, подумаешь, прогулка, небо, ели-сосны, гуляющая протрезвевшая толпа сослуживцев и... зима с ее чарующим ароматом непредсказуемости, чистоты и прозрачности.

Сеня решил, что на сегодня, пожалуй, хватит: и перелетов, и встреч едва ли не с инопланетянами, и их странных предзнаменований, и веселья, и захотелось в свою пустую теперь квартиру, неубранную, но все такую же уютную и ждущую его. И он потихоньку вошел в дом, взял свои вещи, набросил куртку и вышел в сад. Но не к гуляющей публике, а напрямиком к калитке. Однако тут

же и напоролся на Женьку, который в гордом одиночестве стоял неподалеку и смотрел отчего-то прямо на небо.

— Нет, любезный, так не пойдет, не отлынивай. Испей, так сказать, все до конца. Хотя бы в смысле чая.

— Жень, ладно, я устал. Домой хочу.

— Вот и чудненько. Выпьешь чаю и — вперед. Автобус придет ровно в полночь. Нечего тебе по электричкам шататься. Иди себе.

— А ты-то что тут делаешь?

— Я? Смотрю. На небо, на сад, на гуляющих, на свою жизнь, в конце концов.

— И что же ты видишь?

— Я? Вижу, что жить надо, и что лучше жить — хорошо! Понял? Вот так-то. Иди давай. Вели поставить чай.

— Кому это велеть?

— Да кого найдешь

Сене ничего не оставалось делать, как вернуться в дом и самому поставить огромный старинный чайник на плиту, расставить чашки и усесться на диван в ожидании гостей.

Интересно, кто хозяин этого дома? Как все тут не современному и в то же время изысканно, просто, удобно. Наверное, какие-нибудь профессора или актеры. Странно, в таких разных профессиях есть все же нечто неуловимо общее. Какой-то интеллигентский дух, что ли. Старинные фотографии, посуда, старые добротные диваны и кресла, лестница — это уж непременно, — ведущая на второй этаж, и — камин. Это неотъемлемая часть такого барского дома. Надо спросить у Женьки, кем ему приходится эти люди, хозяева, если вообще кем-то приходится.

Он мялся и все же, преодолев робость, пошел по этой массивной, темного дуба лестнице, с наслаждением вдыхая непривычный аромат. «Такое жилище, и ничего другого в жизни не надо», — подумал он без всякой зависти и заглянул в первую же комнату, дверь которой оказалась открытой. Там тоже стоял диван. Еще больших размеров, чем два нижних, у окна расположился темно-коричневый рояль, а в самом углу, у кирпичной кладки, являвшейся продолжением камина, лежал кот. Никто не заметил его внизу, а здесь он чувствовал себя хозяином. Более того, барином. Он даже не повернул головы на

входящего мужчину и так и продолжал лежать, вытянувшись всем своим огромным рыжим пятном на темном ковре. Ковер, вероятно, тоже был из тех, что нынче не выпускают, и у Сени вдруг заняло где-то под ложечкой: вот это жизнь! Вот он, недостижимый почти покой! И сюда поганец-Женька еще смел кого-то водить, пусть не сам, но передавая ключи случайным людям?! Вот ведь прихоти жизни: в такую-то красоту и — на блядки. Ужас!

Едва он отошел от своих размышлений, как кот, огромный, благообразный кот вытянулся, размял лапы и равнодушно посмотрел на Арсения: что, мол, ты тут делаешь, и кто разрешил забрести на мою половину? Сеня робко приблизился к великолепному животному, все понимающему, только что не говорящему, и попытался склониться над ним, как в ту же минуту почувствовал чье-то присутствие позади себя. Он оглянулся и увидел позади за роялем крошечный диванчик, на котором лежал человек. Сеня осторожно приблизился: это был старый-престарый мужчина, почти, как в сказке, ему, наверное, стукнуло едва ли не девяносто, но он был так благообразен, даже красив и не немощен, что у Сени защемило сердце.

«Господи, ну какие же мы сволочи, — подумал он, здесь живой человек обитает, а мы ржем, орем, пляшем, визжим...». Не успел он додумать свою фразу до конца, как появилась средних лет женщина, очень бледного, даже болезненного вида, которая принесла на подносе старику чай. Женщина не была строга, более того, скорее, даже приветлива. И мужчина, старик, сказал ей, вернее, вымолвил всего пару слов: «Всё хорошо, вы идите, Лидия, я справлюсь».

Сене сделалось совсем уж не по себе. «Что ж это такое, — подумал он, жизнь и немощь — все рядышком? Как мы могли, как мог Женя?» Он приблизился весьма аккуратно, даже с величайшей осторожностью передвигая ноги, и спросил: «Простите, вам, наверное, было плохо от этого шума, словом, от всего, что там, внизу?...»

Старик повернулся, чтобы лучше видеть Сеню и спокойно сказал: «Не беспокойтесь, этот дом таит так много загадок, но вы не тушуйтесь, я вполне в норме».

«Это же надо, — про себя подумал Арсений, одиннадцать вечера, а человек ни словом, ни стуком, ни каким-то еще проявлением не выразил своего неудовольствия, негодования, в конце концов. Какие они ДРУГИЕ, мы бы так не смогли». Он подошел совсем близко и тихо спросил: «Вы кто же будете, хозяин этого дома?» — «Так точно», — последовал ответ. — «И что же, не ропщете, не бунтуете?» — «А зачем? Да и что уж такого страшного здесь случилось?» — «Да, но это не в первый раз!» — «Знаю, и, представьте, мне это даже интересно. Интересно, что жизнь еще продолжается».

Сеня совсем скис от этих оптимистичных заверений, хотя сказать и спросить было, о чем. О многом. Но он, однако, терпел, не смел. Помог сам старик.

— Видите ли, я так долго живу на свете, что сам удивляюсь, как это свет выдерживает меня.

— Да что вы, помилуйте!

— Вот-вот, в этом вашем восклицании скрыта определенная принадлежность и к профессии, и к угадываемому классу.

— И что же у меня за профессия? Да вообще-то, Бог с ней, с профессией, вы о себе лучше расскажите.

— Во-первых, вы лингвист, но не чистый какой-то, а с примесью...

— Понятно.

— Ничего вам, молодой человек, непонятно. В вас есть тайна, и она так и кольшется над вашей головой, обстриженной, правда, над вашими руками, словом, над все тем, что есть вы.

— Можно спросить, как вас зовут?

— Естественно. Мое имя... Господи, зачем вам мое имя?

— Послушайте. За последние несколько дней уже два человека не решились, или не захотели назвать мне свои имена. А ведь в имени скрыт, заложен огромный смысл.

— Это вы мне говорите?

— Попробую угадать, что же у вас за имя такое. Ну, во-первых, оно никак не отражает вашу сущность; затем, по каким-то невидимым тропам, совершает свой, отдельный от вас путь и существует совсем отдельно. Вы — человек отчаянный, способный к экстремальным поступкам, а имя у вас... Как бы это помягче сказать...

— Но ведь вы его даже не знаете.

— Но зато я знаю, что в нем имеется некое противоречие: с одной стороны, оно благородно и имеет отношение к старым русским именам; с другой — его низвели до удобного, короткого и мало что выражающего. Не так ли?

— Да, я — Арсений, Сеня.

— Вот, не позволяйте с некоторых пор называть вас Сеней. Собственно, так оно и само случится. Скоро.

— Простите, вы всевидящий? Или маг и волшебник?

— Нет, я просто сорок лет с лишним посвятил себя изучению физики, продольных волн и тому, в том числе, как влияют волны на характер человека. Если в течение многих лет произносится имя человека, то та волна, которая воздействует на него, а стало быть и на имя, влияет на характер, формируя его и выстраивая. Поэтому так недальновидны мамы, которые в любви своей к детям бесконечно коверкают имя, то низводя его до неузнаваемого, то совершенно меняя его суть.

Помолчали, и Арсений увидел, что пожилому человеку весьма непросто говорить в его положении. Хотя рядом стояли и чашка чая, и еще какие-то пузырьки и таблетки. Старик представлял собой явную загадку. И Сеня решился.

— Простите, а можно я еще спрошу вас, если вам, конечно, не трудно.

— Вы столько жили, столько знаете...

— Увольте, я не маг и не волшебник.

— И все же. Ваш возраст и ваш опыт — что они, что они значат?

— Это мне нравится. Опыт, мой друг, не значит ничего. Ровным счетом. Представьте себе.

— А что же в таком случае значит?

— А ничего. Просто проживание этой жизни, состояние качелей...

— Как это?

— От надежды к отчаянию.

— Здорово.

— Можно подумать, вы сами этого не знаете.

— Знаю. И, представьте, не понаслышке.

— Догадываюсь. Что у вас стряслось?

— Не хотелось бы говорить банальности, но разделю

то, что стряслось, на два уровня: первый — банальный: ушла жена. Жила со мной, но обманывала, не любила, наверное. А второй — это события последних месяцев. Со мной что-то происходит, что-то, что не вмещается в привычные представления о нормальности, здравом смысле и трезвом уме.

— Я вам так скажу, молодой человек, никто еще никогда не отважился достоверно объяснить, что есть ум здравый и полноценный, согласующийся с реальностью, что — так себе — шизо.

— Простите, мы вот говорим, а имени вашего я не знаю.

— Это ничего. А зовут меня Арсений Игоревич.

— Как?

— А что вас так изумило?

— Но...

— Я понял. Что-то вам напомнило это имя?

— Да, меня.

Оба засмеялись и были так искренни в своем откровенном дружеском участии друг в друге, что и не заметили, не обратили внимания, как возвратились гости, как рассаживались в просторной гостиной и потихоньку начали позвякивать чашечками. Было совершенно очевидно, что атмосфера этого просторного жилища таит в себе какую-то неразгаданную тайну, что-то было в этом доме такого, что все больше и больше привлекало к нему внимание, и уходить не хотелось.

— А скажите, Арсений Игоревич, почти что мой тезка, как вам здесь живет-дышится, кто за вами ухаживает, и как вы вообще позволяете собираться такому шумному обществу?

— Скажу, отчего же не сказать. Я люблю даже, когда кто-то приезжает. Но не всех, разумеется, а по ранжиру, чтоб вовремя успокаивались и не переступали границ. Знаю, попляшут, покричат, погломоят. А потом пойдут в сад и... все как рукой. Другая жизнь откроется.

— Это точно. Я чуть было уже не ушел, да Женя остановил. Теперь не жалею. Вам он кем приходится?

— Женька-то? Он внук моей двоюродной сестрицы. А дача — на нас двоих записана. Но ее нет уже несколько лет, вот я здесь и коротаю жизнь. С помощницей, да с рукописями.

Тут Арсений еще раз обвел глазами комнату и увидел, какое огромное количество книг было собрано в ней. Причем, лежали они и на рояле, стопкой были собраны у каминной трубы, рядом с ними возлежал даже кот, который во все время разговора не изменил позы и так и продолжал внимать им, полагая, видно, что он и есть самая главная царственная особа.

— А кот этот роскошный ваш?

— Мой. Монарх зовут. В нем и правда есть нечто царственное, согласны?

— И все-таки непонятно, как вам удастся примириться со всем, что тут только недавно происходило.

— Вы странный. Неужели только положительные впечатления питают ум, душу? Заблуждение, молодой человек-тезка. Так как вас по батюшке?

— Павлович.

— А я вот — Игоревич. С Женькой нашим служите вместе?

— Служим, прохиндеи.

— Ну, это уж вы загнули. Он не такой царственный, как этот вот Монарх, но стержень есть, это не отнять.

— Арсений Игоревич, а кто же по хозяйству у вас?

— Ох, да бросьте вы, все нормально, разве это в жизни главное?

— А можно я вас спрошу?

— Отчего же нет?

— Вам когда-нибудь доводилось летать?

Старый человек молчал, долго смотрел на Сеню, поправил одеяло, даже на подушках подтянулся и затем со вздохом сказал:

— Не только летал, но и теперь доводится.

— Это как, образно?

— Зачем же? Самым натуральным способом, при помощи рук и ног. А за спиной — крылья.

Арсений Игоревич звонко, совсем не по-старчески рассмеялся и даже похлопал Сеню по плечу.

— Что, тянет? Да, без этого нельзя, мечтать надо, стремиться. А куда — в небо или под воду — не все ли равно.

Сеня заметно погрустнел и решил не обременять старика своими проблемами. Однако, видно, не тот это был

характер. Казалось, он все прекрасно понял, но отчего-то уходил от ответа, не шёл на разговор. Оно и понятно: человек перед ним малоизвестный, зачем, мол?..

Но Арсений Игоревич словно уловил Сенино, отнюдь не радужное настроение, и сказал:

— Приезжайте как-нибудь сами, без коллег, поговорим, поразмышляем. Согласны?

— Благодарю вас. Очень благодарю.

Сеня поднялся, слегка даже наклонил голову в знак благодарности, глянул на кота, тот тоже приподнял свою огромную роскошную рыжую башку и отметил Сеню строгим взглядом, затем перевернулся на другой бок и замер.

Сеня со странным чувством покидал старика, этот причудливый и вместе с тем такой спокойный дом и тихо, никого не предупредив, направился в сад, а там — за калитку.

Ночь была в полном расцвете. Как в апреле, одетые в белое, стояли фруктовые деревья, как весной поблескивал чарующий, слегка призрачный свет, и, как весной, сердце пылало надеждой на что-то непременно новое и неожиданное. Наверное, на любовь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Шел Арсений по зимнему уже лесу и вспомнились ему вдруг строчки Поля Элюара: «Время сквозь пальцы уходит, подо мной кружится земля...». «Вот именно, — подумал Сеня, — подо мной»...

Через некоторое время он услышал шум, совсем нехарактерный для леса, обернулся и увидел свет фар: это был автобус с господами-сотрудниками. «Интересно, заметят меня или нет? А, может, вообще в лес поглубже срулить?» Но здравая мысль о том, что незачем плестись одному по глухому темному лесу одержала верх, он вышел на дорогу и остановился. Его с гиканьем и упреками, что смылся в одиночку, подобрали, и ехали к Москве уже в полной тишине.

«Время сквозь пальцы уходит...» Сеня подумал, что это точно про него и вспомнил, ну, как это обычно бывает совсем не к месту, как они познакомились с Соней. Более того, подумал, где она теперь и помнит ли о нем.

Но задал себе и более жесткий вопрос: помнит ли он? И нужна ли эта память?

Так вот, почти двадцать лет назад он был в одном южном городе, шел по местному рынку, и рядом с мешками, наполненными рисом, заметил тоненькую девушку. Она с таким знанием дела перебирала крупу, приближая ее к глазам, щупая, перетирая, даже нюхая, что он сразу понял: она местная. Но была в ней такая совсем не восточная, а русская стать и красота, что он загляделся. Даже узбек, продававший рис, заметил его замешательство и насмешливо кивнул. Что это означало, сказать было трудно, но его поняли — и это немаловажно.

Да и пора была совершенно изумительная: зацвели фруктовые деревья, все белело и сверкало, на каждой улице, в каждом дворе. Даже входить туда не требовалось: и через невысокие заборы эта белая зелень пробивалась сквозь доски, хиленькие заграждения, калитки. Как же чуден был этот город с его неспешностью, спокойствием и достоинством. Даже на базаре люди не орала и не казались озлобленными и ожесточенными, как на нынешних российских рынках, а жили себе потихоньку, делали свое дело и любили мир.

«А вот мы мир любить перестали, отсюда все беды и несчастья. Не любим ни себя, ни работу, ни сослуживцев. Все бегом, бегом. Ушла неспешность и удовольствие от встреч друг с другом. Когда это случилось, почему? Да и в том городе, наверное, уже все не так. Наверное, и туда проник вирус вражды и неприятия, отсоединенности человека от человека. Ушла из людских сердец близость, соучастие в ближнем. Все бегут, растворяя и растаптывая те крохи красоты, что еще так недавно были разлиты по всем городам страны. Да только ли нашей?!»

Так вот, девушку эту он так напугал своим пристальным вниманием, что она чуть не убежала с базара. Он шел за ней следом и все приговаривал: «Да стойте вы, не бойтесь, я здесь в командировке, из Москвы». Ему, как и большинству населения страны в ту пору, казалось, что слово «Москва» имеет прямо-таки магический смысл, и ради него не то что остановиться, но и побежать за представителем этой части света можно. Что большинство и делало.

Но вот какое дело: девушка не останавливалась. Она шла и шла, пока не оказалась у малозаметной калитки, куда и быстренько нырнула. Он даже не успел заметить, где она располагалась, эта калитка. Надо же, все же в ходу еще были незыблемые правила приличия, нарушать которые не полагалось, знакомиться вот так, запросто — тоже. И девушка исчезла.

Он ждал. Ходил по улице. Потом перешел на другую сторону и наблюдал, но никого не было, она так и не появилась.

Он занял свой плацдарм на другой день и проходил мимо кустов, где спрятана была калитка, часа три. Все мимо. И когда он уже собрался уходить со своего поста, оглянулся напоследок и не поверил своим глазам: она стояла возле необычных сиренево-фиолетовых кустов, и калитка, злосчастная калитка, была распахнута. Стоял и он. Девушка сделала шаг навстречу и почему-то храбро произнесла: «А дерево это называется... А почему вы не спрашиваете, как?» Сеня посмотрел на дерево, на его огромную шапку сиреневого цвета и сказал: «Главное, как вы называется?» Девушка рассмеялась и все не могла утомиться, и тут вышел из калитки парнишка, осмотрелся, оценил ситуацию (а, скорей всего, он уже и знал о ней) и сказал: «Ее зовут Соня. А вас?» Девушка резко обернулась к болтуну и сказала: «Кто тебя просил, Вовчик, что ты сделал?» Сеня шагнул ближе, протянул Вовчику руку и сказал: «Спасибо». Соня смутилась, опять несколько отошла в тень, поближе к своей калитке и стала накручивать на пальчик прядку своих длинных пепельных волос. «Все спрашивают про это дерево, оно цветет каждую весну, а мы толком и не знаем его названия. Но такого нет нигде. А вы что, из Москвы?» Как, каким чутьем угадала она, откуда он, трудно сказать, но такие мгновения прозрения повторялись у нее и позже, уже потом, когда они стали жить вместе.

Она трудно, неохотно шла на развитие отношений, но когда встречи все же случались, была искренна и наивна. Расспрашивала про его город, в котором никогда не бывала, про метро и еще... растут ли там красивые деревья. Это его умиляло страшно, и он охотно посвящал ее во все прелести своего огромного мегаполиса и даже вспом-

нил про Ботанический сад, в котором столько самых разнообразных деревьев, что, наверное, и такое там тоже есть.

«Вот бы посмотреть!», — однажды сказала Соня, и он поклялся, что покажет ей все, и что не он будет, если не привезет ее в Москву, и вообще... что она не станет его женой.

Потом была встреча с мамой, с сестрами отца. Сам он давно умер от глупого, нелепого случая: поел утку и запил виноградным соком. Видно, что-то не так сошлось, но начался заворот кишок, поздно приехали врачи, и возникло заражение крови. Папа Сонин погиб в сорок девять лет. Для ее матери это была трагедия, которую она так и не сумела пережить даже со временем. Соню опекали тетушки, сестры отца, боготворившие милого ребенка.

А однажды Соня сказала, что у них во дворе сегодня праздник, все пекут, и будет театр. Сказала так значительно и серьезно, что Арсений понял, что театр для нее не просто слово, звук.

Вечером младшие продавали билеты на спектакль, который должен был проходить прямо во дворе, где уже была подготовлена сцена, висели лоскуты занавеса, а Соне отводилась особая роль. Мама ее так и сказала: «Сонечка с детства танцевала, теперь большая стала, но старое не забывает, малышню учит, да и сама нет-нет, да выступит».

Поставили проигрыватель, предварительно продав Сене билет и как почетного гостя усадив в первый ряд (а таких было аж четыре), и действие началось. Дети читали стихи, вставая — кто на стульчик, кто — сидя на траве; втроем пели песню о дорогой столице, золотой Москве, которую сроду никто не видел. А потом вышла Соня.

Зазвучала очень быстрая мелодия, Сеня и не сообразил, что это за музыка, как Соня в прекрасном шелковом платьице, из которого, правда, давно выросла, вышла на середину, поклонилась, и... и просто началось чудо, во время которого Сеня еще раз поклялся себе, что проживет всю свою жизнь только с ней, с Соней, и будет боготворить ее и вообще носить на руках.

Ее длинные волосы развевались, юбка все время при-

поднималась, обнажая тонкие ножки девочки-подростка, а Соня была где-то далеко. Она то возносилась к каким-то далям, известным ей одной, то опускалась на колени и прикладывала к щекам цветы, вынула которые из лифа платья. Но главное — как она почти профессионально вертелась на одной ножке и продельвала это много-много раз. И, наверное, не выдержав такого накала страстей и общей эмоциональной атмосферы, она неожиданно запела, и это тоже было великолепно. Дети поддержали свою любимицу, и все гости стали хлопать. Были там и тетушки, и мама Сони, соседи, да кого там только не было. Была знаменитая соседка, например, тетя Сима, которая сказала, что место Сони не здесь, а в Большом театре Москвы и все это, мол, знают. Сеня был согласен.

Он в тот же вечер сделал предложение Соне, сказав ее маме при всех тетушках и тете Симе необходимые слова, на что те хором ответили, что все решает Соня. «Наша Соня», — добавили они. Сеня повернулся в сторону своей, уже дорогой Сонечки, и спросил, согласна ли она. Та оправдала платье, посмотрела на тетю Симу и неожиданно для всех сказала: «А как же я уеду, так и не зная, как называется то дерево?».

Все засмеялись, и дело, можно сказать, было решено. И правда, через три дня Сеня приехал к знаменитой калитке, позвонил (там был скрытый от посторонних глаз звонок), и выбежала Соня. Она смеялась и говорила, что ходила сегодня с Вовчиком в зоопарк. Сеня опешил: как так, накануне, можно сказать, женитьбы какой-то там зоопарк! Но промолчал и только сказал, что завтра надо будет ехать. «Как, так скоро?» — удивилась Соня, на что Арсений изумился еще больше. Он догадался, что всей серьезности происходящего Соня, по-видимому, не осознает. «Конечно, завтра. У нас самолет!» — «А как же институт? Я же должна сдавать экзамены!» — «Ничего, в Москве не один институт, уж куда-нибудь поступим!» — сказал Сеня, уже всерьез опасаясь, что Соня передумает. А если уж совсем по-честному, то просто откажется, ведь своего «да» она так и не сказала.

Но... обошлось: Соня полетела. Провожал ее весь двор, Вовчик и подруга Любочка, да и тетя Сима плакала. Толь-

ко мама держалась более стойко, и ей Сеня пообещал, что она непременно будет вместе с ними.

Он сдержал впоследствии свое слово. Мама была несколько лет рядом, в одной квартире, и тогда все еще было хорошо, не было ни лжи, ни укрывательства, ни прикрас. Но мама заболела, трудно и долго хворала, лежала в больнице, а потом ее не стало. И Соню понесло!

И все же первые годы жилось прекрасно. Соня закончила один из вузов, связанный с языками, стала много ездить по Москве, по музеям и выставкам, вполне освоилась, и постепенно устойчивый, как казалось, корабль их безоблачной семейной жизни не только дал трещину, но и накренился, и вообще поплыл не в ту сторону.

Сеня задавал себе вопрос, любит ли он сейчас свою жену и не находил ответа. Не знал. Он многого не знал в последнее время. Но где она теперь, с кем, что подельвает и как проводит время, — его действительно не интересовало. Он был свободен от этих мыслей. От подозрений, от стремления убить, уничтожить, отомстить. Он только понимал, что некоторая, пусть и не такая глубокая миссия, все же лежит на нем и ее следовало бы выполнить.

Добрался он до дома далеко-далеко за полночь и решил именно ночью навести в доме порядок. Делал он это с удовольствием, тем более, если учесть, что в последние полтора месяца не брался ни за тряпку, ни за щетку. Он разобрал все вещи, разложил их по местам, натер полированную мебель, смахнул, где надо, пыль, выбросил старые цветы, ставшие вонючим веником, даже двери, и те протер, а потом перешел к самому неприятному: вещам Сони. Но, по счастью, их оказалось не так уж много, и он довольно быстро уложил их на самую верхнюю полку антресолей.

Когда все было закончено, он огляделся, осмотрел свое жилище и остался вполне доволен. Вытащил из шкафа новую светло-сиреневую рубашку, бежевого цвета брюки и решил, что завтрашний его наряд вполне то, что надо.

Лег он уже около четырех часов, но встал бодрый и тут же стал собираться. Он точно знал свои планы и потому не спешил. До двенадцати, по крайней мере, времени было предостаточно. И потому он завершил вчера-

нюю свою уборку, привел квартиру в совершеннейший порядок и подошел к окну. Очень он любил именно это окно, из гостиной, которое выходило в торец дома, было достаточно тихо, и можно было наблюдать за всеми превращениями природы.

Вот и теперь за окном было явное подтверждение того, что и в город пришла зима и факт этот не скрыть. Снег лежал не то, что повсюду, он облепил провода, лишив оставшихся птиц своего привычного пристанища; завалил балкон, что в общем-то никак не раздражило Сеню, выстелил всю проезжую и переходную часть, и только крошечный кусочек оказался нетронутым: это было местечко, скрытое крышей дома, где обычно он и подходил к подъезду. На него-то и не нападало снега. Во всяком случае, в том количестве, в каком он находился повсюду.

И снова он вспомнил, как еще в первые годы они с Соней любили брать санки и, перейдя большую дорогу, присоединяться к малышне, съезжая с них, вопя и радуясь. А радоваться было чему: снегу, солнцу, своей любви, сугробам, лицам, которые были едва видны из-под снега...

Но уже много лет они не позволяли себе этого удовольствия: как же, стали взрослыми и солидными! Да и другое: постепенно что-то стало разлаживаться в отношениях. Соня отдалялась, из прелестной наивной девочки превратилась во вполне разумную, обеспеченную, знающую себе цену женщину. Да и это, наверное, не самое главное. А вот то, пожалуй, что ни при каких обстоятельствах она не могла не приврать, не нарушить слово.

Это стало такой Сениной мукой, что, не в силах совладать с собой, он и задумал свой зловещий план. Наивный, он полагал, что таким образом сумеет избавиться даже не от самой Сони, но от муки, которая разъедала его последние годы. Он сознательно обходил все моральные запреты, связанные с грехом и только и думал, как, каким образом все свершится?!

Но вот что вышло, совсем не по плану стала развиваться и его, и Сониная жизнь. Столько сложностей, перипетий случилось всего за какие-нибудь полгода. Жалел ли Сеня о дерзком своем замысле? Раскаивался? Он не хотел думать на эту тему, всякий раз освобождая себя от

морального гнета. Даже в мыслях он обходил стороной эту часть своей жизни, понимая, что расплата, которая все месяцы так и кружила над ним, не завершила свое дело до конца. Никакой последующей праведностью, чистыми помыслами не избежать было, не искупить той дьявольской подготовки, того смакования намерений, которые лелеял он и в предвосхищении которых жил.

Однако случилось все так, как случилось, и Сони больше нет с ним. И даже теперь он не хотел обременять себя мыслями, хорошо это или плохо. Да, размышлял много, да, появилось нечто новое в его жизни, под стать его дьявольским намерениям. Но освободиться вполне от страшной тайны, которая сжимала его своими тисками, было не под силу.

Он вышел из подъезда и удивился еще больше той картине, что открылась его взору. Снег был похож на легкий пуховый ковер; не тот, что стальным панцирем сковывает землю в марте месяце, а был именно невесомый и совсем еще не зимний, не как в январе, скажем. Такой снег растаивает обычно к полудню, и Сеня шел в надежде, что так и случится. А мечтал он об этом потому, что надеялся, очень надеялся на встречу на аллее.

Шел он не торопясь, еще и раздумывал, зайти в редакцию, или плюнуть, и, приняв второе, зашел в маленькое французское кафе, которое очень любил за изящество и обстановки, и тех блюд, что там подавались. Ну, что скажешь: французское!

Он заказал два пирожных, двойной кофе и стал размышлять о предстоящем дне. Но розовые его намерения растаяли, как этот, лежащий повсюду снег и медленно, почти на глазах исчезающий. Он поймал себя на мысли, на такой в сущности простейшей мысли, что все, что планируется и к чему тщательно готовишься, частенько терпит фиаско. Вот импровизация — да, вещь серьезная, как бы ни казалась легкомысленной на первый взгляд. В ней всегда есть место воздуху, простору для смакования главной темы. И это касается всего: актерской игры, научной идеи, особенностей беседы, взаимоотношений, да просто принятия какого-либо решения. Это такое поле возможностей! А Сеня знал толк в том, что только проглядыва-

ется, что только готовится воплотиться в идею, роль, словом, в чудо и волшебство.

Так и в его науке: есть глобальная идея-мечта, попахивает она, скорей всего, некой сумасшедшинкой, но внутри нее такой простор и потенциал! И пусть все закончится ничем, он так и не сможет доказательно объяснить ту особенную природу человека, которая позволяет ему ПЕРЕВОПЛОЩАТЬСЯ. Пусть! Но как же прекрасен сам поиск истины!

Сказать по правде, не переход в иной, ирреальный мир заботил Арсения, но многие нюансы, штришочки на этом пути. Сама возможность и готовность, сегодняшняя готовность в науке совершить прорыв и сделать недостижимое прежде. Да, в большей степени он занимался металлами, но и этот путь был многотруден и окружен загадками. С человеческим материалом помогал разбираться преданный Геннадий. Это была его сфера, его прямое дело. Но вот ведь что: именно он, вовсе не причастный ни к металлам, ни к их особенностям и сложностям, одаривал Сеню великолепными идеями и подсказками. И сам при этом говорил, что его Арсений спасает от рутины, предлагая парадоксальные ходы в его, Гениной, науке.

Арсений очень дорожил этими встречами, дружбой с нетривиально мыслящим ученым. Встречаясь не так уж часто, они все же находили время для экспериментов, опытов и — главное — для обсуждения всего проделанного обоими.

Сене оставалось сильно недоумевать, отчего это главный вдруг увидел в нем, отлыньщике, прогульщике, человеке, по-настоящему занятом совсем другим делом, одного из своих помощников. «Наверное, нестандартное отношение к делу, — решил Сеня, и сам посмеялся своей догадке, — а, может быть, ему и нужен такой: ни во что не сующий нос, вечно в других делах и проблемах сотрудник?» Но тут же и отогнал от себя эту мысль: не такой трус Виталий Егорович, чтобы прикрываться просто несостоявшимися людьми. А в то, что Сеня был хорошим редактором, не сомневался никто; просто не все знали, что в его успехах и предоставлении «продукции» к сроку большая заслуга принадлежала Соне. Это она ве-

черами, после своих отлучек и пребывания неизвестно где, просиживала над творениями неизвестных ей авторов и приводила рукописи в порядок.

Ну, а коль скоро все поменялось, какой из него словист? Все думы, все силы он отдает тому неведомому и потому еще прекрасному, что нуждается в разгадке. Он должен, он просто обязан в отведенное ему время решить проблему с веществом. Старики Петрашевские (сгреб он их всех, граждан от науки, в кучу), как же я вам поперек горла! Вы всю жизнь питались одной-единственной гипотезой и так все привыкли к ней и к полному одиночеству и единообразию, что Арсенины «выкрутасы», как говорил старик Петрашевский, портят всю картину. Был, видишь ли, Левитан, а тут пришел какой-то Моне со своим видением мира. Писать надо реалистично, как все русские живописцы. Не для России вся эта импрессионистическая бодяга. «Боярыня Морозова» — вот это да, вот это Суриков! При чем тут какой-то Васильев или еще кто-то, которые вечно говорят (как у Чехова) «про непонятное?»

«Да-а, — сам себе сказал Сеня, — косность, она вещь упрямая, без боя не сдастся. И не сдастся».

На улице все случилось, как он и прогнозировал: снег почти растаял, и мгновенно улетучилось то великолепие, которое еще утром окутывало землю.

Он пошел знакомой аллеей, приметил скамейку, на которой прошлый раз наблюдал, как бежала незнакомая девочка, очень напомнившая ему его Соню в юности, и стал ждать.

Никто не появлялся. Так только, шли обычные прохожие, которым не было никакого дела до Сениных мечтаний. И так прошло довольно много времени. Он начал мерзнуть и подумал, что вот простуда никак не входит в его планы. И в это самое время, почти как в сказке, мимо него чинно и совсем невесело прошли двое: ЕГО девочка и мальчишка, совсем мальчишка. Рыжий, лохматый, как вечно у этих рыжих, с мешком за спиной. Интересно, это тот, к которому она бегала, или который ей нравится? Сеня не знал ответа на свой вопрос, но предположил худшее: что это ее избранник. Но только отчего она грустна и плетется еле-еле? Неужели они не видели сегодняшнего снега и всего великолепия, выданного природой?

И снова случилось чудо: девочка неожиданно остановилась, оглянулась и сказала: «А это вы?» Что это означало, Сеня решил обдумать потом, но тут же встрепенулся, отряхнул пальто, потому что сидел на скамейке, снег на которой еще не вполне стаял, и довольно мужественно произнес: «Конечно, а вы что подумали?» — «Интересно, а у нас одной лекции не было, вот мы с Кириком и идем себе». — «И куда же путь держите?» — «Наверное, в кафешку. А что?» Этот вопрос сбил Сеню с ног. «А что?» Действительно, а что? Кто он такой, чтобы лезть и вообще... Чтобы задавать вопросы. «Вы что же, вдвоем идете?» Этот вопрос рассмешил ее настолько, что она долго не могла успокоиться и повторяла: «Вдвоем!» — «Я в том смысле, что не всем курсом. Или теперь это не принято?» — «Вы отстали от жизни», — сказала девочка, и Сеня подтвердил ее догадку. Действительно, он отстал со своими металлами, перелетами, разводами, кошмарами...

Очнулся он только когда его фея произнесла: «Можем и вас взять. Пойдете?» Пойдете?!!! Да как она могла сомневаться? Как могла подумать, что он откажется? Он, одевший прелестную сиреневую рубашку с бежевыми штанами! И пальто было в тон, коричневатое, длинное. Он был хорош, это точно, разве мог он раздумывать и отказываться? Итак, он пошел!

Ситуация была так нелепа и смешна, что все трое почувствовали это. И проявилось это опять же смехом девочки: «Вот, теперь мы не вдвоем, а втроем. А скоро будем четвером». — «Отчего это?» — спросил Сеня. — «А очень просто. Мы вот проходим один предмет... ну, не важно, главное, что всё, понимаете, всё, имеет способность к умножению. Вы согласны?» Сеня посмотрел искоса на свою спутницу и произнес: «А еще есть выражение, чудесное, кстати: не умножай сложности». — «Да, здорово», — сказала смышленная девочка, имени которой Сеня не знал до сих пор, а ее сокурсник шел молча и не проронил ни единого слова, а, стало быть, по имени к ней не обращался. И тогда Сеня решился.

— Простите, но как-то нелепо разговаривать, идти и не знать имен друг друга. Вас как зовут?

— Ой, меня... Да, я забыла...

— Имя?

— Да нет, назвать свое имя. А давайте сначала вы.

— Идет. Меня зовут дядя Арсений.

Девушка смеялась так долго, что Сеня забеспокоился, не случилось ли чего у нее где-то внутри, что она никак не может остановиться. Но она вдруг успокоилась и просто сказала:

— Ужас, от вас я устала.

— Уже? — подивился Сеня.

— Да нет, смеяться устала. Я — Арина, всё просто.

— Это точно, — успокоился Сеня и предложил пойти в кафе, которое ему хорошо известно, и там здорово.

— Это вам, может быть, а всем вместе?

— И вместе тоже будет здорово, я ручаюсь.

— Тогда пошли.

— А вы пошутили, правда, что вы — дядя Арсений? Вы же просто Арсений. Может быть, даже Сеня. Да?

— Так точно.

— Ой, а вы не военный?

— Нет, я просто шучу.

— Это я заметила. И еще ... вы не злой.

— Как это вы сразу так определили?

— Я человека сразу вижу. Вот сегодня, например, я проснулась и сразу подумала, что непременно вас встречу. Так и вышло.

— Представьте, я подумал примерно то же самое. Ну, когда проснулся.

— И еще я заметила, что вы грустный, и что у вас не все в порядке. Правда?

— Правда.

— Ничего, я знаю средство.

— Поделитесь.

— Надо мечтать — это раз, а второе ...

— Так что же второе?

— Я потом вам скажу.

— Договорились.

Три человека в приподнятом настроении направлялись в теплое местечко, и всем им не было никакого дела до жизненных глобальных перипетий, судеб человечества, а уж тем более, — до смерти и ненависти, нелюбви и непощения. Им просто было хорошо.

В кафе в это время дня народу было полно. И им при-

шлось приложить некоторые усилия к тому, чтобы их заметили и приняли заказ. Но это никак не повлияло на настроение, атмосферу, они разговаривали и много смеялись.

— Скажите, Арина, а в честь кого вас так назвали? Няни Пушкина?

— Вот еще! Просто это старинное русское имя. Вот вы где родились?

— Я? — опешил Арсений.

— Да, вы, вы.

— Здесь.

Все снова засмеялись, так нелепо прозвучал ответ.

— А вы где? — спросил в свою очередь Сеня.

— Я — далеко-далеко, где кочуют туманы. Знаете, давно-давно такая песня была, и моя мама ее очень любила.

— Вы вся — тайна, загадка, и все такое прочее.

— А вот и нет. Зовут меня — вы знаете, как; где я родилась — Потстдам. Слыхали?

— И что это ваших родителей туда занесло?

— Значит, так надо было. Отцу. А мама, ну что ж, а мама — она всегда с ним.

— Это хорошо, — заметил Арсений и подумал, что это действительно здорово, когда родители не разлучаются и даже детей рожают в чужих городах и странах.

— А где вы работаете? — подал голос Кирюха.

— И кем еще, скажи, — добавила Арина, но Сеня спокойно ответил, что вообще-то он ученый, но только с литературным уклоном.

— А так бывает?

— Видите ли, в жизни бывает все, — философски изрек Сеня. — Я — физик, но еще есть образование филологическое, так и маюсь между точным знанием небес и их неподвластностью человеческому разуму. Шучу.

— А правда, есть ли, вообще бывает точное знание небес? — спросила Арина, и Сеня сам задумался. Как много верного порой в вопросах дилетантов. Они не в рамках профессии, границ того, что можно, что — нет и потому вольны понимать мир, как заблагорассудится. В этом есть какая-то прелесть.

— А почему вы ничего не едите, здесь же так вкусно! — сказала Арина, и Сеня подумал, что он ведет себя по-

дурачки, сидя и отвечая на почти детские вопросы молодых людей.

— Нет, отчего же, я ем. — Он взял вилку и намотал большой круг из макарон. Ему отчего-то стало легко и весело, и совсем не стесняло присутствие почти незнакомых граждан, ни психологии которых, ни идеалов (если они были) он не знал. Но так хотелось проникнуть в их мир. В особенности, конечно, Арины.

— У вас на сегодня все, правда ведь? — задал он вопрос наугад, и Арина тут же отозвалась.

— На сегодня — да, но на завтра — огромный реферат. Как мы успеем?

— А вы не печальтесь и не думайте. Главное — отпустить проблему, это бывает очень полезным, даже в вашей психологии об этом пишут. Словом, никогда не надо бежать за трамваем, отсюда все беды и ошибки.

Снова все дружно посмеялись над трамваем, но Арина возразила.

— А что, если следующий трамвай так и не придет? — и как-то искоса глянула на Арсения.

— В вашем возрасте весь транспорт — ваш и всегда к вашим услугам.

— Пусть не весь, но в этом что-то есть. Вообще-то я не люблю, когда все легко дается. Даже посадку в трамвай надо заслужить. Ну там, втиснуться, протолкнуться что ли...

— И я не люблю легких путей, все иду и иду черт-те как, то спотыкаюсь, падаю, ребра вот недавно сломал...

— Правда?

— Да образно.

— А у вас дети есть? — опять спросил не совсем деликатно Кирилл. Сеня помолчал и ответил:

— Будут, непременно будут.

— Значит, нет, — подытожил молодой человек.

Все доели свои спагетти, допили кофе, и им принесли счет. Сеня полез за портмоне, но молодые люди возразили.

— Мы сами, если позволите.

— Ну это же смешно. Уж я могу себе позволить маленькое угощение?!

Студенты поднялись и вышли на улицу.

Господи, и впрямь улица, город, суэта в последнее время нравились Арсению больше, чем дом. На улице он отвлекался и был непринужденным, раскованным. Чего не скажешь о доме. Многие там угнетало и напоминало о плохом и грустном.

И вдруг, сам не зная, почему, он сказал: «А поехали ко мне, у меня такая разнообразная коллекция музыки. Всякая разная. Думаю, и вам что-то понравится».

Ребята сначала ступевались, наверное, вспомнили о реферате, да и неудобно было: все-таки незнакомый человек. Но выручил Кирюша.

— Вы езжайте, а мне еще на рынок. Мать просила.

Это в корне меняло ситуацию. Сеня молча смотрел на Арину, та не произносила ни слова, и Сеня расценил это молчание как возможное согласие.

— Так как, едем? Отсюда не так далеко.

Арина так и не сказав ничего, пошла с ним, они поймали машину и через тридцать минут входили в Сенин подъезд.

Сердце у Сени колотилось так, что в какой-то момент он прижал руку к груди, словно пытаясь приостановить его бешеный бег. «Почему, почему она согласилась?» — пытал он себя, а сам предлагал пройти в комнату, вешал ее пальтишко, и велел не снимать обувь. Но Арина возразила, сказав, что ее приучили разуваться и у себя дома, и у других. Последнее слово она произнесла как-то неуверенно, и Сеня понял, почему. Действительно, все так стремительно двигалось неизвестно пока, к какой цели, что Сеня понял: что он действительно пока просто «другой». Что ж из этого?

Он спросил, какую она предпочитает музыку, и она сказала, чтобы поставили что-то грустное и старое. «Что же это?» — спросил Сеня. — «Ну, например, Рахманинова, Шуберта. Классика у вас есть?»

Классика у Сени имелась, и он исполнил желание Арины. Зазвучали чудные звуки рахманиновского концерта, и Арина сказала, что в детстве мечтала стать музыкантшей, но много переезжали, так что, не пришлось. Но музыку, мол, любит с ранних лет, в особенности классику. Но может и оторваться по полной. Так и сказала. И в клубы ходит, и на дискотеки.

Сеня принес на подносике чашки с чаем и поставил их перед ней. И стал смотреть. Смотреть и слушать. И еще вспоминать, когда в последний раз вот так сидел один или с Соней и слушал музыку. И — не вспомнил.

Вдруг Арина посмотрела в его сторону, отпила свой чай и неожиданно сказала: «А мне кажется, я знаю, что у вас стряслось. И от чего вы к нам присоседились. И вообще. Просто я наблюдательная. От вас ушла жена. Бросила вас. Именно она». Сеня был потрясен: откуда, каким таким чутьем она могла уловить происходящее с ним, ведь квартира никоим образом не выдавала его принадлежности к семейной жизни; он изъяс все напоминания о ней.

— Вы и вправду наблюдательны. Но как, по каким приметам вы могли прийти к таким выводам?

— Знаете, где я учусь? Я же говорила. Так вот, все видно: и по одежде, ее тщательной продуманности, семейные одеваются иначе; по вашим грустным глазам. По тому, наконец, что все хоть и выдраено, но не по-женски, а по-вашему, по-мужски. И чашечки в семейном доме так наготове не бывают. А в прихожей только одинокий шарфик остался, больше ничего. Видимо, торопилась, или вам на память оставила.

Сеня молчал. Он обдумывал сказанное и не находил слов. Какой же серьез в этой смеющейся девочке! И умение замечать мелочи. А он даже не увидел шарфика, надо же!

— Музыка, я ее так люблю, что даже говорить о ней не могу. А в детстве обожала балет. И когда показывали по телевизору, все уже знали, что в комнате я должна остаться одна. Мне казалось, что чужие, даже очень родные люди не поймут. Ну, в той мере, как я.

— А мне кажется, я уже люблю вашу смешную манеру наматывать кончики волос на палец.

— Это с детства. Вы же знаете из психологии? Просто мне кажется, прежде, чем приступать к изучению какой-нибудь науки, надо погрузиться в постижение души, то есть психологии. Вот на Западе важнее философия. И правильно. А мы — один нос изучил, другой — ногу, и так далее. Нет целостного понимания человека. Неправильно нас учат. Вы согласны? Так что, все — из нашего дет-

ства: и комплексы, и проблемы, и недолюбимые мы — тоже отсюда.

— Вы же маленькая, откуда вам известны такие вещи?

— Из жизни. Откуда же еще?!

— Мне хотелось бы как можно больше узнать о вас.

— А-а, это ерунда.

— Как?

— Да так, что значат поступки без понимания того, зачем они, почему, чем продиктованы?

— Да, вы точно учитесь на психолога. Согласен, мотивация — вещь действительно необходимая. Думаете, в моей науке не так? Вот недавно наш главный предложил мне место своего зама. Зачем? Я жутко нерадивый сотрудник. Но у него, стало быть, были к тому причины. А у меня свои. Я решил уйти, уволиться и заняться только одним — своими экспериментами. Как думаете, я правильно поступаю?

— Не знаю, это должно быть известно только вам. А почему вас бросили? Вы что, не заботились, или...

— Никакого «или» не было. Так сложилось. Такое бывает иной раз у взрослых людей.

— Представьте, так бывает и не только у взрослых людей.

— Вы что же, уже расставались?

— Сколько раз!

— Жаль

— Ну, в первый раз в школе, в четвертом классе. Он не ответил на мое новогоднее поздравление, открытку ему писала, тогда еще писали открытки. Я и решила — все, больше в его сторону не гляну.

— Не глянули?

— Нет. А потом... Потом был один...

Тут Арина рассмеялась и опять превратилась в ту маленькую девочку, которую он встретил на аллее. Наверное, под воздействием музыки она стала взрослой и серьезной. И как-то отдалилась от него. Хотя какое уж тут отдаление, когда знакомы — всего — ничего! Но он точно учуял, как волк, как лесной хищник, понял, кожей ощутил, что если сейчас, сию минуту что-то не предпринять, она упорхнет и все. Всё! И он, сам не осознавая, что делает и правильно ли, и не глупо ли, неожиданно поднялся

со своего места и опустился перед креслом, в котором с ногами сидела девочка, на колени.

— Простите.

— За что?

— Не знаю. Но только не исчезните.

— Я постараюсь. А сейчас, сейчас я пойду.

Сеня уткнул голову ей в колени, и ему потребовались немалые усилия, чтобы не расплакаться. Он издал звук, похожий на рычание, и поднялся.

— Приходите завтра, нет, послезавтра туда же. Если, конечно, сможете.

— Я смогу.

— Вот и славно. А живу я с мамой и папой.

— Нет, обождите, вы там, на улице хотели сказать мне что-то про второе. Еще добавили: мол, потом.

— Я помню.

— Так что же это?

— Да в сущности, я почти и сказала. Но могу...

— Сказали, что знаете средство.

— Знаю, мне так кажется. Но на бегу не хочу.

— Ладно, согласен, и телефон не дадите?

— Фи, это банально. Что по телефону можно сказать?

Главное — вы приходите. Без всякого телефона.

Она поднялась, вышла в прихожую, надела свои коричневые короткие ботиночки, застегнула куртку и с сумкой на плече была готова к выходу.

— Если вам вдруг станет грустно, скажите себе, что все еще можно поменять. Понимаете, всё! И главное — изменить взгляд на вещи. Вот.

Он закрыл дверь и медленно пошел к креслу, где только что сидела девочка. Ему было одновременно тепло в нем и грустно от сознания того, что уже ни взгляды, ни оценки он поменять не сможет. Он уже был слишком много перестрадавшим мужчиной и ему казалось, стало казаться, что все, что могло случиться в его жизни, уже случилось.

«Неужели и ее я бы стал так же ревновать, или еще чего похлеще?» — пронеслась адовая мысль, но Сеня поспешно встал и понес чашки на кухню.

И тут вспыхнула еще более жестокая мысль, чем предыдущая. Он резко подошел к телефонному аппара-

ту, набрал Галкин номер и сказал, чтобы немедленно приезжала. Та, как водится, справилась, не случилось ли чего и, поняв, чего от нее ждут, положила трубку.

Сеня не готовился, не прихорашивался. Злое, мерзкое чувство накрыло его с головой, и он решил обмараться до конца, до последней своей слезинки. Да, только что выпроводил принцессу, к которой он не смел и притронуться, он решился на темное дело.

Приезд Галины, их встреча, и все, что за ней последовало, напоминало схватку двух хищников, их противостояние и борьбу. Оба понимали, что к страсти и уж тем более — любви — объять их не имеют не малейшего отношения. Но Арсений шел на это жестко, не рассуждая, сжимая Галину так, что она вскрикивала от боли, а не от чувств. Он едва не душил ее, так ненавистна была ему вся ее женская природа с ее прелестями и загадками. Он шел на собственное разрушение, не имея ни тормозов, ни упреков.

Он не копался в себе, да и некогда было. Ему важнее было исковеркать то, что было свято для дома. Он решил не просто согрешить по пьяни или по страсти, но зло и грубо. Он намеренно осквернял свое жилище, куда до тех пор не ступала ни одна женская ножка. Он был чист и безгрешен. Но это было раньше. Это было так давно, что он уже и забыл об этом.

В какой-то момент Галя спросила, что это с ним и что она и не догадывалась, какой вулкан в нем сидит. Но он ухмыльнулся, что-то процедил и снова опрокинул ее и схватил за шею. «Идиот, мне же больно». — завопила Галка. Но он душил ее за всех: за поруганную свою жизнь, за измены Сони. За несостоявшуюся любовь, за то, наконец, что уже никогда не сможет расцвести в его душе то прекрасное сиреневое дерево, у которого он впервые увидел Соно.

Когда, наконец, он совсем выдохся и изнемог, Галя молча взяла свои тряпки, ушла в ванную, а потом так же молча, громко шараясь дверью, покинула его дом.

И он остался один. В квартире висела странная, никогда прежде незамечаемая тишина. Она была так страшна и несла в себе нечто злое, что показалась Сене словно предостережением, угрозой.

И все же ему стало легче. Он, наконец, вполне освободился от всех былых привязанностей, детских надежд и иллюзий по поводу возможного возвращения былой любви. Ничто никогда не возвращается. Может, и правда: все еще может быть, но вот возвратиться! — нет, не может.

Сеня устал так, как будто в юности скреб палубу корабля, на котором проштормило его целых два года. Он всегда мыл и драил ее лучше всех. И все его за это уважали. Может, уже тогда проглядывали первые признаки гнева и агрессии, которые он так ловко сублимировал на армейском судне? Кто ж знает?

Этот гнев, которому он дал волю и который поверг его в жуткое, совершенно отвратительное состояние, был сродни отсечению чего-то в человеке: руки, ноги в антисанитарных, лесных условиях. Когда помощи ждать — не от кого и действует следует решительно. Он и отсекал. Причем, делал это вполне сознательно и безжалостно, растаптывая себя, прошлую жизнь. Это было похоже на мазохизм, столько в акте совокупления и терзания двух тел было нищенской потребности унижить и унизиться. Одному — завершая счеты с прошлым, другой — в канун новой жизни.

Зачем он это сделал? Пошел на это зачем? Вымарался досмерти с какой такой надобности? Разве мало было переживаний, скорби, страданий? Разве всего, что пришлось испытать, мало?!

Он вспомнил, как несколько лет назад тяжело заболел, и его положили в больницу. Проблема тянулась еще из армии — легкие. И Соня, прибегая почти ежедневно и оставляя свои булочки и бананы в пакете, именно залетала в палату, щебеча о своих делах и проблемах, словно не желая замечать, что с ним, с её Сеней. Сначала он списывал все на определенную женскую хитрость: мол, желает отвлечь внимание от болезни. Но когда пару раз ему намекнули в палате, что жена у него очень уж торопливая, да и не сильно обеспокоена здоровьем мужа, он призадумался. Вообще, он считал себя дураком и недотепой. Нет, не всегда и не во всем, но в том, что касалось провидческих вещей с женским полом, он был явный телок: верил и хотел верить. Так было легче. А его надували уже тогда.

И сегодня он рассчитывался и за ту свою болезнь, за свою идиотскую открытость, за вечную доверчивость. Одним словом, дурак!

Но это был легкий, вполне безобидный приговор. На самом-то деле он хлестал себя куда более жестко, наотмашь. Он знал, что грех — все же не на ней. Грех лежал на нем, на дураке Сене, который долго и тщательно, то приступая и собираясь в кулак, то отступая вновь, готовил свою зловещую расправу. Что из того, что таблетки так и не были использованы по назначению! Он же ХОТЕЛ, хотел употребить, свершить дело, которое задумал. Смалодушничал просто? Вот именно так.

Сеня лепил себе пощечины и сладострастно замирал при одной только мысли, что с прошлым он рассчитался вполне, и оно не наступит, просто не может вернуться назад. Ничего не возвращается, сказала девочка Арина. Пусть, он этого хотел

Предстояло разобраться с самым загадочным и непонятным в последние месяцы его жизни: с полетами, встречами, посещениями, — трудно сказать, с чем именно. И главное — с тем предостережением, которое было высказано в последний раз. И, пожалуй, самое важное: его странного предчувствия беды ли, конца, которое испытал он уже дважды. Что это было? Просто наваждение, сон или четкое предсказание?! Он не знал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Жизнь, понятное дело, разделилась на «до» и «после». Вот с этого последнего и хотелось бы начать. Но как это сделать, чтобы не обидеть принцессу, ту девочку, которая так неожиданно вошла в его жизнь? Как не просто уйти из издательства, но объяснить все сотрудникам, чтобы они поняли, где его главная жизнь и интерес. Как? Не обидеть никого не получалось, все равно кто-то бы не понял, кто-то посмеивался бы даже... И все же Арсений решил действовать. Он буквально на следующий день после своего грехопадения, сознательного и неотвратимого, подал заявление об уходе и пошел в свой старый академический институт проситься на нищенскую зарплату, но чтобы иметь реальную возможность пробираться туда

не тайком вечерами, а являться, как и все, ранним утром и работать над темой. Предстояло, конечно, обойти некоторую сложность: никто и никогда в обозримом будущем не позволил бы ему заниматься его родной темой — превращением металлов. Поэтому требовалось слукавить, мягко говоря. То есть взяться за официальную тему, а параллельно работать на свою.

Он так и поступил: пошел к завлабу, маленькому, всех и во всем дурном подозревавшему Кадмию Иосифовичу, и повиниться, попросить взять его назад в штат.

Все было, как в расписанном Арсением сценарии: его журили, пеняли на то, что вот, мол, какова правота старших, и что нечего заниматься преждевременно всякими околонуучными глупостями, и что даже на базе Академии наук создана специальная комиссия по выявлению и санкциям к этим нерадивым ученым, покушавшимся на отечественные завоевания в области химии.

Сеня молча кивал головой, не возражал и попросился в тот же подвал, где и прежде накапливал свой, свой личный материал по опровержению доводов милейшего Кадмия. Там он был в отдалении от всей группы сотрудников, конечно же, примыкающих к стратегической идее НИИ и разделяющей ее. Стало быть, единомышленников у Сени не было, и быть не могло. Однако все же имелись весьма славные люди, сочувствующие, можно сказать, которые были в курсе Сениных пристрастий и частенько шли ему навстречу: делали аналитику, добывали реактивы, связывались с другими крупными институтами, производящими независимые анализы. Так что, все обстояло не так плохо: народ был и не весь отвергал Сению.

Ему велели обождать пару дней и действительно, вскорости позвонили, перечислили необходимые документы и сказали, когда явиться. Такое соглашательство со стороны института объяснялось очень просто: нет, они не считали Арсения выдающимся ученым, но зато ценили руки, его возможности экспериментатора. Так что, сепаратный мир, где обе стороны понимали намерения другой, был воцарен, и Сеня уже через три дня буквально несся в свой институт в прекрасном, тихом уголке Москвы.

Он бежал и улыбался: ну как не могли понять господу выдающиеся ученые, что и в природе, и в человеческих отношениях, и в созревании и изменении какой-либо идеи (ну, помните закон Энгельса о переходе количества в качество?) нужен был, необходим эволюционный процесс; что никакой простолоудин из металлов никогда не смог бы перейти в стан благородных, не будь на то своих законов и — пока — эмпирически подсмотренных процессов, совершающихся в природе, а, стало быть, и с веществом. Ура алхимикам! — ликовал Арсений. Знали бы граждане Средневековья, что всего лишь под воздействием высокочастотных импульсов, антенны специальной конструкции и особым образом устроенной колбы все и совершается! Все процессы превращения.

Понятное дело, что колба представляет собой не ту, что в школьных опытах используется, а целая рабочая зона, но тем не менее, принцип тот же. Антенну уже три месяца изготавливали во Фрязино, где в одном из институтов нашелся такой же сверхверяющий в чудеса кандидат физмат наук и который периодически навещает лабораторию, где Сеня творил свои чудеса. Была еще в институте пара человек, так или иначе поддерживающих Арсенины фантазии. Один из них всегда охотно соглашался делать сложные анализы, другая же, старейший работник НИИ, просто улыбалась, давая понять, что она — за. Однажды даже сказала: «Сейчас вас, Сеня, не поймут, даже и не надейтесь, пока жива наша старая гвардия. А вот потерпите, тогда, глядишь, и поумнеет народ. Да еще и поверит. А пока сидите в своем подвале и придумывайте. Это тоже не так уж мало».

Призывы Елены Семёновны потерпеть иногда действовали, иной раз доводили до белого каленья. Медлить он не мог уже, он столько выжидал, столько, как ему казалось, претерпел, что еще ТЕРПЕТЬ — нет уж, это слишком.

Но это только так, на первый, на самый горячий взгляд. Вообще-то Сеня терпеть умел и делал это на протяжении всей своей жизни. Но вот именно с экспериментами, с доказательствами, с аргументацией — здесь хотелось бы поскорее. Но то антенну не везли, то Юра из лаборато-

рии стопорил анализы: большой заказ от начальства поступил, куда уж тут денешься?

Однако Сеня знал, что доведет дело с его крошечными успехами, микроскопическими долями результатов, едва видимыми частицами вещества до логического завершения. Это побуждало не только работать, но и просто не выходить из лаборатории. Никогда и ни за что!

И все же Сеня не мог не помнить, что на его плечах — еще масса нерешенных дел. И связанных с работой, и с предстоящим последним (как ему было сказано) полетом в иное измерение на самую, самую главную встречу.

Он знал также, что уже взял на себя ответственность за девочку-принцессу, с которой иногда виделся на аллее. И это была едва ли не самая важная (после экспериментов, которые все равно когда-нибудь закончатся) миссия. Здесь бы не совершить ошибок, не наломать чего.

Еще он точно знал, что неминуема его встреча с Соней. Где, когда, при каких обстоятельствах — он не знал и не ведал, но отчетливо понимал, что встреча эта состоится. Но она его не страшила.

Он должен был в самое короткое время все обрешить и все расставить по своим местам. Вот это, пожалуй, он понимал отчетливее всего. И он действовал.

Скорости и активности требовало еще то ощущение, которое уже не раз испытывал он: это близость завершения. То ли самой жизни, то ли огромного ее этапа, то ли того самого эволюционного процесса, без которого не обходится ни одна человеческая жизнь.

Он обожал все, связанное с эволюцией. Вот недавно они с Аришей были в музее, и там он тоже явственно ощутил ее присутствие, которое незримо, почти бестелесно скрывалось в мазках и композиционных приемах, в колористике, в тех оттенках света и тени, которые делали полотно художественным произведением. Но вот ведь странность: например, у Рембрандта словно светится мысль о раскаянии и отчаянии, которое гасится мудрым старцем, тело которого обнимает пришедший, тот, что, наверное, испытал столько, что и самому старику не привиделось. Эта гармония примиренности в картине художника «Возвращение блудного сына» несравнима ни с одним другим трагического звучания произведением.

И вот — современность. Лица, позы, даже тревожные взгляды и повороты головы. Но есть ли, вычитывается ли тот трагизм, который сквозит, просвечивает сквозь полотно Рембрандта, — трудно сказать.

И все-таки эволюция совершается. Она, пожалуй, в той раскованности и вседозволенности, которые не почитались художниками Средневековья, Возрождения, нашими русскими мастерами. Она — в свободе мазка, в гневности даже этого броска руки; в безотчетном стремлении подчинить себе реальную жизнь и стать над нею. Да, если вычленишь сверх-сверхзадачу произведения или миссию художника, то так и получается.

Ариша, остановясь у одного полотна Ильи Глазунова, сказала: «Все прекрасно, и даже отступление от правил и норм хорошо. Но где же здесь трагизм?» И Сене нечего было ей возразить. Он все больше удивлялся ее провидческому пониманию, ощущению жизни: она, к примеру, видела драму там, где кто-то просто улыбался и находила смешным то или того, кто тщился быть важным и специвым.

Еще они ходили в театр. Главный драматический театр страны. Он очень ждал этого похода еще и потому, что много наслышан был о пьесе, о знаменитых братьях-разбойниках, ее сочинивших, и не мог предугадать, какая будет реакция у девочки на все то, что она увидит и — главное — услышит со сцены.

И не напрасно переживал. В какой-то момент Арина не выдержала ненормативной лексики, градом ссыпавшейся на зрительный зал, все еще в своем бархатном великолепии, и попросилась уйти.

Они так и сделали, ушли и долгое время не решались смотреть друг на друга, разговаривать: так неловко было после спектакля.

«А вообще-то я театр не люблю, — как-то позже сказала Арина. — Мне нравятся лошади». И засмеялась, так нелепо было это сравнение.

Трудно сказать, развивались ли и впрямь отношения Сени и его Арины, или это были нечастые встречи двух людей разного возраста, но с очень схожими взглядами на жизнь. Например, Арина на дух не переносила вранья. Она могла уйти от ответа, сказать, что расскажет о

чем-либо позже, но не глала. Она рассказывала, что когда мама водила ее в детский сад, то непременно увещевала, чтобы дочка ела суп. Почему-то непременно суп. А на обратном пути спрашивала, как с супом дела. Дочка отвечала, что ела. И мама задавала удивительный по нынешним меркам вопрос: «Ты правду говоришь, не надо честное слово спрашивать?» Честное слово в семье произносилось крайне редко и в весьма чрезвычайных случаях. Эти крайние ситуации были связаны, например, с мороженым, которое дети во дворе, где жила Арина, ели немерено. А у Арины были проблемы с горлом, вот мама и переживала.

Эту детскую привычку, которая закрепилась с детства, Сеня очень ценил. Он так трепетно относился к своей девочке, что и это ее свойство, и масса других приводили его в восторг. Но он сдерживал себя, понимая, что нечего спешить: не дай Бог спугнешь. И он старался не пугать эту девочку, почти ребенка.

Встреч было — по пальцам пересчитать, но Сеня и не стремился их увеличивать опять-таки по причине бережного к Арине отношения. У них почему-то не принято было звонить, и получалось, что встречались они всякий раз неожиданно и случайно. Однако ясно было, что в этих неожиданностях и как бы необязательности таилось то, что ожидали оба. Они знали, когда закончатся Аринины занятия и она покажется на аллее, и только после этого выстраивались планы. Что с выставкой, что с походом в театр.

Однажды после такой встречи они отправились в кафе, где были в первый раз. Заказали чай для Арины, Сене — кофе и пирожные. Арина предпочитала чай, а к кофе относилась... да никак, собственно, не относилась. Так вот, сначала Сеня спросил про занятия, педагогов, процесс учебы, но Арина неожиданно перевела разговор на другую тему.

— Сеня, а вы не хотели бы посмотреть, как я живу, где?

Сеня чуть не потерял дар речи: он бы не хотел? Да еще как! Но снова то же чувство осторожности словно зацепило его, и он произнес:

— Конечно, вы и сами это знаете. Но предлагаю обождать.

— А чего ждать? Или кого?

— Да так, думаю, одно событие кое-что должно решить, вот я и не решаюсь.

— А вы что же, не храбрый что ли?

— Я, к сожалению, очень храбрый, но в большей степени — отчаянный. Поэтому оттягиваю.

— Оттягивают обычно удовольствие. Есть такая пошлая фраза.

— А мы и не станем пошлить. Вы и есть самое главное...

Он не закончил фразы, потому что получалось еще хуже. «Может, я дурак и надо не сопротивляться? Что я делаю? И правда сто лет с девушками не дружил».

— У меня много цветов и вообще... Посмотрели бы.

— Спасибо, позже. Я правда, благодарю вас, но потом. Может быть, послезавтра.

Они оба рассмеялись предложенной Сенею длительности ожидания и сошлись на том, что послезавтра — самый раз.

Они шли по своей аллее и каждый думал о чем-то своем. Между ними то устанавливались совершенно легкие, доверительные отношения, то возникала неловкость, как тогда, в театре, и повисало молчание. Но оба все же довольно быстро справлялись с нависшей тишиной и принимались наперебой говорить, рассказывать о жизни.

Зима уже была в полной своей поре, повсюду, где было можно, соскребали и сметали снег, но по краям аллеи он все же оставался, и именно этой неприбранностью был хорош город.

Наступило послезавтра, и они, как обычно, встретились на аллее. Арина вопросительно смотрела, и тогда Сеня проговорил: «Вы серьезно насчет вашего дома?» — «Еще как серьезно. И вообще... что это вы мне все выкаете? Мне еще не девяносто восемь, прошу звать Ариной, без отчества и на «ты». Принято?» — «Как это без отчества? А какое оно у вас, кстати?» — «Две ошибки: снова «вы», и, — она рассмеялась, — вторую забыла». — «Хорошо, я попробую. Как зовут твоего папу? Идет?» — «Идет». Она подцепила носком ботиночка снег, наметила какой-

то рисунок и удовлетворенно вздохнула: «Вы слышите, какой сегодня день?»

Сеня снова задохнулся от чего-то скребущегося в гортани и выдохнул: «Слышу, моя девочка, слышу». Оба снова рассмеялись, и тогда Арина сказала, что папу её зовут Артемий Карлович, а ее дед был родом из того самого Потсдама, в котором она и родилась.

«Значит, вы, госпожа принцесса, Арина Артемьевна? Так?» — «А что, не нравится?» — «Как вы посмели подумывать такое?!» Он схватил ее, как берут маленьких детей подмышки и закружил. «Отпустите, все!» — молила Арина, но Сеня не сдавался: «Пока не скажете “ты”, не отпущу». — «Все, хватит, отпусти». — «Вот теперь порядок», — резюмировал Сеня и стал стряхивать с ботинок Арины снег, который летел и падал на их плечи, лица, на все вокруг.

Они шли, возбужденные кружением, предстоящим походом в гости к Арине, и Сеня нет-нет, да и дотрагивался до Ариных плеч, все так же сбрасывая, а иногда сдувая снег с ее волос.

Они добрались только под вечер, так долго гуляли. Сами не заметили, как время куда-то испарилось. Открыла дверь высокого роста миловидная дама в очках, но лицо ее было совершенно не строгим. «Проходите, Арсений, замерзли ведь оба, дрожите». «Мам, все в порядке. А где папа?» — «Проходите, он в гостиной».

Когда они разделись, Сеня слегка наклонился и хотел представиться, но женщина опередила его и сказала, что зовут ее ...но он перебил хозяйку дома и сказал: «Мария Юрьевна». — «Понятно, Ариша позаботилась. Она и ваше имя называла. Впрочем, в доме особых тайн нет. Как-то миновали это».

А они уже входили в комнату, где в глаза бросился огромный концертный рояль, и все остальное меркло перед его великолешием. Стол, столь же большой и готовый к принятию гостей, все убранство комнаты, как-то больше походившей на старинную, из 19 века гостиную, где вот-вот соберутся гости, дамы в кринолинах и начнется пение, чтение стихов и прочее прекрасное действо, уже ждал их.

Однако пока Сеня ошарашенно рассматривал комна-

ту, из соседней вышел поджарый, много ниже жены мужчины в изящном то ли сюртучке, то ли домашнего покроя пиджаке, довольно свободного покроя. Оба слегка наклонили головы, и хозяин дома произнес, подходя к Сене и подавая руку: «Артемий Карлович». — «Арсений», — сконфуженно вымолвил Сеня, и Мария Юрьевна, видимо поняв, что ему не совсем комфортно, выручила и сказала: «Вот, прошу к столу. Нет, постойте, я вам сначала кое-что покажу». И с этими словами она повела гостя по комнате, рассказывая о некоторых предметах убранства, интерьера. О люстре, например, сказала, что ей сто семьдесят лет, а может, и больше. Действительно, люстра была очень хороша и не походила на все те, что он видел даже в фильмах про другие времена. Была в ней, что называется, некая изюминка. Она переливалась изумрудными и сиреневыми нитями, позванивая и колыхаясь. Удивительное создание мастеров!

Но в какой-то момент Арсений поймал себя на мысли, что все происходящее как-то очень банально и, более того, он уже все это где-то видел: в каких-то фильмах, спектаклях, читал в книгах. Все эти церемонные знакомства, когда толком ничего не происходит, а люди говорят про что угодно, но только не о предмете, их интересующем. Он и так ощущал себя не в своей тарелке, а тут еще важная, дворянская обстановка, наклоны-поклоны, люстры, старинные фотографии в таких же старых рамах, и конечно же — рояль, украшение всего дома. Что-то стало злить Арсения во всей этой чопорной благостности. Он хотел нормального, не церемонного разговора, но его просто не могло быть в таких условиях и такой ситуации.

Нужен был взрыв, что-то опасное, такое, что выбивало бы из привычных рамок хозяев и гостя. Но что?

Еще при подходе к великолепному старинному дому он подумал, что не прослыть бы недотепой и не наткнуться, как любимый им князь Мышкин, на какую-нибудь вазу, не зацепить бы чего. И вот, вспомнив свое опасение, он с преувеличенной небрежностью вдруг подошел к крышке рояля и прихлопнул ее, поскольку она оказалась открыта. Возникла тягостная пауза. «Ничего, — ободрял себя Сеня, это только начало, пусть не думают, что я на их добро позарился, видали мы такие органы с пианинами».

Он нарочно, искусственно растревлял себя, пытаясь разозлиться и не принимать правила игры, которые здесь предлагались.

Однако взмах руки хозяйки говорил о том, что пора к столу. Сели, стали накладывать, ухаживать, наливать, говорить о незначительном. И тут Сеню прорвало. «Помните, в «Мастере и Маргарите» ее полеты? Вы могли бы себе представить, к примеру, что существует иная реальность, и полеты эти вполне возможны и ничего сверхъестественного в них нет?»

Артемий Карлович дожевывал свой печеный кусочек мяса индейки под великолепным абрикосовым соусом и, промокнув рот, сказал: «А заметьте, Арсений, все, что происходит у Булгакова, так живо напоминает день сегодняшней, что диву даешься, как он смог все предусмотреть и предвидеть! Что же касается полетов, я в этой области не специалист. Меня больше жанровые особенности литературных произведений волнуют. Что же до чистой литературы, до его, булгаковской литературы, я, конечно, верный его приверженец, люблю его». Сеня помолчал и все же не выдержал.

— Но почему «конечно»? Это что, дань времени, моде? Теперь вроде и неприлично сказать, что Михаил Афанасьевич тебе мало симпатичен, неинтересен. Согласитесь, именно законы общего мнения так привязывают нас к оценкам, что не остается ничего другого, как соглашаться и кивать головой.

— Не кивайте, никто вас не просит. Но то, что он — мастер, — бесспорно.

— Хорошо, я скажу. Но позвольте, чуть позже.

— Как хотите.

Господи, ну что они такие невозмутимые, не выходят из своих рамок, и все тут! Арсений и сам с трудом бы сказал, зачем ему понадобилось ломать границы и вытаскивать какую-то толику правды из этих взрослых людей? Вели они себя замечательно, благосклонно принимали нападки Сени. Ариша больше молчала и, казалось, вслушивалась в то, что происходило за столом. Ее благородная мама мастерски исполняла роль хозяйки, и в какой-то момент Сене и вправду показалось, что сейчас все встанут, подойдут к инструменту и ... запоют.

Что он так завелся, Сеня и сам не понимал. Но ему хотелось выйти за пределы чего-то такого, что неизбежно накладывало строгий отпечаток нормы и правил. Он стремился услышать, что на самом деле думают, и как по-настоящему ощущают себя эти люди в жизни. А для этого годилась провокация. Ему было одновременно и тоскливо, и опутывал некий азарт. И он уже не мог свернуть с этого азартного пути.

— Знаете, — сказал Сеня, — а я не люблю Булгакова. Слишком все резко поделено. Мне по роду работы тоже приходится, приходилось заниматься литературой...

— А Ариша говорила нам, что вы — физик или биохимик...

— Я и то, и другое.

— Так не бывает, молодой человек.

— Бывает все, уверяю вас. И то, что я произнес о полетах, — не бред и не какая-нибудь галлюцинация, а вещи существующие. Они тревожат и не дают покоя. Правда, и ответов пока не дают. Но строгость и глубинная философия той части, где действуют небесные силы, намного превосходит всю эту карусель с Воландом, котиком и прочими. Это такая чехарда мыслей, идей, образов. Бесконтрольное нагромождение лукавства, скороговорок, напластований смыслов — так и кажется, что это дань только времени, не больше. И одно из свидетельств тому — сами письма Булгакова Сталину, его наивная вера в чудеса, в сказку, которую может подарить вождь всего и вся.

— Да, круто.

— Против правил, понимаю, да и как поперек общепринятого? Все только и молятся теперь, как на икону. Так всегда в этом государстве было: либо в кандалы, либо — в оклад. Еще Менипп до нашей эры создал свои менипповы сатиры, где действие происходит наверху, в небесах, и на земле. Совмещение того и другого — действительно особый жанр.

— Приятно, что вы так образованы.

— Нет, не совсем, просто многое черпал из того, что приносили авторы. Занимался правкой, редактурой. «Алтиста Данилова» Орлова, с его полетами, тоже мы едва ли не первые читали. Скажу вам, не очень мощная вещь.

О Булгакове есть хоть, о чем спорить. Но я его, повторыю, не люблю. Да и вы, если спокойно, не для чьего-то мнения, а сами для себя попробуете отстраненно отнестись к этой литературе, легко обнаружите многие провальные куски, главы. Разве органично завязаны «Верх» и «Низ»? Разве эти пласты определяют единую, целостную идею произведения?

— Сень, может споем о чем-нибудь другом? — вступилась за отца Ариша.

Сеня несколько отодвинулся от стола, вздохнул, собрался внутренне и спокойно ответил, что готов.

— Вот и отлично, — заключила Арина, — я начну, пожалуй. А Михал Афанасьевича я тоже не сильно жалею.

— Вот те раз! Я и не знал, — заявил ее отец и тоже поднялся из-за стола. Казалось, что общее напряжение не только коснулось этого дома, но пронизало сам воздух в комнате, настолько он стал плотным и едва ли не осязаемым. Все, кто находились здесь, чувствовали это и всячески старались преодолеть тягостное напряжение.

К роялю подошли мама и дочка. Мама заиграла знакомую мелодию старинного романса, а Арина, не кочеряжась и не кокетничая, запела. Романс был совсем не «дворянский», простой, чуть ли не деревенский. «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъясн...» Но исполняла его Ариша так, словно арию Далилы из оперы «Самсон и Далила» — страстно, отчаянно, будто это было единственное в ее жизни, последнее пение.

Сеня и не предполагал, сколько страсти таится в душе этой девочки, сколько могучей силы в голосе. Вот уж чего он предвидеть не мог, так это действительно ее по-настоящему профессионального исполнения. Неужели она тоже, под стать мне: и психолог, и певица? Так вот отчего она попросила глубокую, серьезную музыку тогда, у него дома! Теперь многое прояснилось.

Сене постепенно становилось не по себе от своего бойцовского настроения, желания эпатировать хозяев и нападать на хорошего писателя Булгакова. Он слушал, затаив дыхание, и не мог до конца поверить, что это действительно поет Арина, его девочка, с которой он встре-

чался на аллее, ходил в кафе и в театр и думал, что она знает о жизни не больше, чем воробушек.

Когда романс завершился, Сеня и родители зааплодировали, женщины поклонились, и Сеня был сражен окончательно. Он подыскивал тему, слова, которые могли бы его хоть сколько-нибудь реабилитировать в глазах гостеприимных хозяев. И он придумал.

Когда сели пить чай, Сеня вполне покорно сказал:

— Это было замечательно. Мне в какой-то момент даже показалось, что это не наяву, что я лечу или слышу это во сне. Вы что же, учились?

— Во-первых, мы перешли на «ты». Немного училась, но пошла вот в психологию. Творчество и психи — все это ведь рядом. Знаете, что стихи — от греческого «стихия». Написал стихотворение, скажем, и успокоился. Стих, значит.

Она, по обыкновению, рассмеялась, и все заулыбались. Но Сеня все еще был под впечатлением замечательного глубокого голоса девушки и ее столь же глубокого исполнения.

— Знаете, — обратился он к сидящим, — а я частенько летаю. И, пожалуй, мне предстоит еще одна, надеюсь, последняя поездка. Вернее, полет последний.

— Ну и фантазер же вы, молодой человек, — заключил Артемий Карлович, — прямо под стать нашей Арине. А то, что Булгакова не жалуete, так это ничего, это даже интересно. Всегда любопытно послушать человека, который против общепринятого.

— Понимаю, вы не верите, ну, в то, что я сказал сейчас. А между тем, это так. Но сегодня на эту тему я распространяться не стану, пусть пройдет время.

— Как скажете. Могу вас успокоить, что все время от времени летают, и это даже очень хорошо, ничего тут криминального нет.

— Не скажите. Все не так просто.

— Ну, и что же вы там видели, кого встречали?

— Да, и видел, и встречал, но главное — то, что я ощутил. Это, пожалуй, самое страшное, самое незабываемое.

— Что же, поделитесь?

— То, что, попадая в определенные пределы, в некое особенное пространство, которое мы насмешливо назы-

ваем адом, ты в самом истинном, самом действительном смысле ощущаешь, осознаешь, что это именно так. Но только без сакральных атрибутов в виде всякой нечисти, дымящейся на углях. Этого нет. Есть более страшные вещи. Например, полное осознание своей беспомощности и никчемности перед будущим. Более того, ты понимаешь, что будущего нет и наступить не может. И ты — совершенное, возведенное в абсолют НИЧТО, нет ни тебя, не может быть твоего продолжения, ты — нуль. Нет, это все-таки число. А там правда ничто. И только самым краешком сознания, самым последним усилием воли ты улавливаешь, что это действительно так: ничто. И вот это осознание своей никчемности, полной, ненужности ни-ко-му! — означает гибель, уничтожение, исчезновение, пропасть. Всё!

Все молчали, и говорить действительно, казалось, было и не о чем и незачем. Да и что скажешь человеку, который рассказывает при полной (или кажущейся!) вменяемости и внешней адекватности такие вещи, о которых и думать-то страшно, не то, что верить! И тут заговорила Мария Юрьевна:

— Скажите, вам было страшно?

— В том-то и дело, что я вообще, **ВООБЩЕ** не испытывал никаких чувств. Они куда-то делись, выветрились, испарились. Как и мое тело, как мой дух, моя память и плоть.

— А к психологу вы не подумали обратиться?

Сеня засмеялся, вспомнив свой визит к доктору, увидел напряженную реакцию слушателей и попытался успокоить их.

— Уверяю вас, я без всяких там тараканов, вполне нормальный дяденька средних лет. Да, я пережил большое потрясение: от меня ушла жена. Но это уже и не горе было. Так, наверное, было необходимо. Все шло к тому. Ой, простите, сам не знаю, зачем я вам все это рассказываю? Может быть, оттого, что встречаюсь с Ариной? И вы все должны знать. Вот теперь, кажется, все.

Мария Юрьевна подошла к Сене и положила на его плечо руку. «Всё будет хорошо, не волнуйтесь. Знайте, теперь у вас есть мы. Понимаете?»

Сеня даже не нашелся, что сказать, так он был взвол-

нован и растроган. И он решил, что самым лучшим будет, пожалуй, удалиться. Он поднялся и сказал, что ему пора, что Арине еще позаниматься нужно, а ему — подумать. Его не удерживали, проводили до дверей, и уже у самого выхода к нему подобралась совсем близко Арина и прижалась к нему. Тихо и осторожно.

Арсений вышел, не застегивая пальто и у подъезда поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо, на звезды. А они были, потому что схватывал морозец, и небо раскинуло свои серые лабиринты и предстало во всей своей синей красе. Иссиня-синей. И всё было на этом небе: и звезды, и совсем новая луна, и полный покой тихого ярного вечера, которые случаются не так часто. По крайней мере, у Арсения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Он чувствовал, всей силой своего здорового организма ощущал, что сегодняшний вечер — особенный. И что именно сегодня произойдет то, что он довольно долго ожидал. Да, ему действительно подкинули несколько месяцев покоя, это точно. Чем это окупится только? Сегодня наверняка он получит сполна: и ответов, и впечатлений, и не меньших загадок.

Он еще раз взглянул на дом Арины и ее родителей, убедился, что стоит он надежно и в замечательном месте столицы и отправился к метро. Хотя уже по дороге предполагал, что никуда он не поедет: попросту не успеет. Все должно состояться теперь, без оттяжек.

Не успел он додумать своей фразы, как за плечо его тронул незнакомый человек в наглухо застегнутом пальто, да и воротник был поднят высоко. Шляпа и вовсе закрывала лицо. Сеня услышал: «Следуйте за мной». Сеня даже не успел удивиться: так он был готов к предстоящему. Он спокойно направился за человеком в шляпе и вскоре заметил, что никакого метро рядом и в помине нет, а вокруг — некое подобие гор, какие-то возвышенности, пересекающийся пейзаж.

И это тоже не слишком поразило Сеню. Казалось, теперь его вообще мало чем можно было удивить. Он особенно и не оглядывался, понимая, что главное — впереди,

и что появятся совсем другие люди или другие существа, и попадет он туда, куда готовился все это продолжительное время.

Через несколько мгновений он решил проверить, здесь ли его человек в шляпе, но никого не увидел и понял, что остался один. Это не смутило его также, и он продолжал путь. Куда он шел, неизвестно, но он твердо держал какую-то, одному ему известную линию, и, полагал, что не ошибается.

Так и было.

Вскоре характер пейзажа круто изменился, и он увидел, что перед ним огромных размеров, высоты гора. Он задрал голову, проверяя, сможет ли увидеть здесь небо в звездах, но и небо куда-то подевалось, и вокруг действительно сверкали мерным, приглушенным светом какие-то блики, шары, весьма похожие на звезды. Если бы это и вправду были звезды, он наверняка бы сгорел. Ну, скорей всего, горячо бы ему стало, уж точно. Нет, это явно были не звезды, а горящие, почти живые существа, которые не просто светились, но словно указывали путь.

На Сению накатило веселое настроение, он был полон иронии к окружающему и самоиронии. Подействовало, несомненно, то прекрасное светлое вино, вкус которого и теперь он ощущал на своих губах. Во всяком случае, страха перед неизвестным не было, и он шел и шел, надеясь, что вот-вот приблизится цель и закончится путь. Во всяком случае, путь неизвестности.

Глядя на высокую гору, он прекрасно сознавал, что ему предстоит преодолеть ее. И, нисколько не сомневаясь, отправился в следующий виток пути. Он никогда не был альпинистом, и приходилось ему нелегко. За прошедшие часы (а он полагал, что прошли уже часы его восхождения) вымазалось пальто, которое от непонятной жары в ночное время он просто скинул и оставил позади себя. Рубашка, прелестная, сиреневого оттенка рубашка, все больше стала походить на клочки тряпок, а брючины болтались, изодранные о торчащие корни, камни. Иногда ему приходилось ползти на животе, так он был утомлен и истерзан. Но он не останавливался, и ничто не смогло бы, наверное, замедлить его путь.

Быть может, прошли вообще не часы, а совсем другое

время, значительно большее, он не знал. В какой-то момент только вспомнил гипотезу своего друга, доктора физмат наук со странной фамилией Гиреев, который утверждал, что времени нет, а есть пространство. Это только кажется, мол, человеку, что течет время, он стареет, проходят годы. Но для Вселенной, для цивилизации его и впрямь нет. Сения всегда с интересом слушал своего приятеля, доводы и аргументы, которые он приводил, и иногда склонялся к тому, что прав, пожалуй, был Гиреев. Вот сейчас же, теперь он не осознает, есть ли оно, движется ли, сколько вообще прошло с того момента, как он вышел из дома Арины. Голод, как хоть какой-то показатель прошедших часов, не проявлялся: есть он не хотел. Так что, даже косвенные догадки не срабатывали и не помогали. В какой-то момент он стал надеяться, что выглянет солнце, займется день, отступит мгла, и все прояснится. Но он снова ошибся: ничего не менялось, никакого солнца не было. Все так же поблескивали живые звездочки, а гора, казалось, не кончится никогда.

Долго, очень долго карабкался Арсений и за всё время (вот, опять время!) много о чем думал. Это дало ему основание полагать, что разум его в порядке, умом он не тронулся, и следует дотянуть только до вершины. Там, именно там все и откроется.

Преодолевая свой путь, он старался не останавливаться вовсе. Но иногда, когда излом горы становился совсем уж крутым, он приостанавливался, лежа на прохладе этой горы, где порой была видна и растительность, но по большей части хилая какая-то; так вот, останавливаясь, он размышлял, вспоминал, сопоставлял. Так, он не к месту припомнил, как трудно защищал свою диссертацию (нет, не по филологии и редакторскому делу, а по геологии), и как на восемь положительных отзывов пришел один отрицательный. Но именно он и решил все дело не в пользу Арсения. Он успокаивал себя мыслью, что и в 19 веке находились великие, которым писали не менее знаменитые ученые отрицательные отзывы. За плохой, трудный язык петербургский академик Остроградский дал отрицательный отзыв не кому-нибудь, а самому Лобачевскому. Да, так было. Такие парадоксы случаются в науке, и Сению как только в ту пору не называли: и фантазером, и

некремлевским мечтателем, и прохиндеем. А однажды он случайно нос в нос встретился на автобусной остановке с самим Петрошевским, который зло и нагло съязвил: «Не по Сеньке шапку надел, милый». На что Сеня мгновенно парировал: «Простите, но я шляпы ношу, и вам советую на них переходить».

Права сотрудница из его НИИ: только когда перемрут, начнется новое понимание в геологии, новое мышление. Сейчас заслоняет старье: устаревшие представления, отказ, нежелание вслушаться в чужую, отличную от привычной, мысль, идею, убеждение. Год Сеня ждал приговора ВАКа, но нашлись, однако, свободно мыслящие люди, которые не дали засохнуть на корню Сениной гипотезе, и ему, спустя столько времени, все же присвоили звание кандидата геолого-минералогических наук. «Люди, как же боятся они всего нового. Потом — вот перевертыш! — привыкают, потом он становится привычным, затем удобным, а после и вовсе принимается. Слово так и нужно было! Но сколько на это требуется сил, времени, ожидания, труда!!!

Именно после этих усилий Сеня плюнул на все свои завиральные идеи и ушел в редакторы, благо образование позволяло. И вот тебе, фокусы времени: он снова вернулся к своим идеям, пусть завиральным, каким угодно, но любимым и родным. Да, он считал, что мир, эволюционируя, не оставляет в этом процессе безучастной природу. Стало быть, все просто: способны к изменению и превращению и природные объекты, ископаемые, то есть, металлы. А по большому счету — ВЕЩЕСТВО.

Вот с этим-то не хотели соглашаться именитые академики: как же, расспался весь их так хорошо и приватно обустроенный мир! А Сеня решил его разрушить, ибо свято верил в свою правоту и доказательность идеи. Тем более, что последние три года (даже не каждый день, даже тайно встречаясь в недрах родного НИИ) он провел эксперименты, результаты которых были потрясающими. Вот где фантастика, что уж там про мелочи говорить!

И Сеня знал: он не отступит от трех, по крайней мере, вещей в своей жизни: от науки, от любви и от той встречи, на которую сподвинулся, которую ждал и в святость которой верил.

Только бы добраться до цели, сколько бы ни пришлось взбираться и карабкаться. Неизвестно, сколько на самом деле минуло часов или дней; стали меняться человеческие обычные пристрастия: ну, например, ни есть, ни пить он не хотел, иногда присаживался в кустики, но и только, но обычные желания, связанные с удовлетворением физических потребностей все больше сходили на нет, и даже обычная малая нужда постепенно перестала его беспокоить.

Так он понемногу стал осознавать, что это и впрямь иной мир с иными потребностями и возможностями, что человеческий организм здесь ведет себя совершенно по-другому. И он все больше убеждался в том, что все-таки существует та неведомая пока реальность, в которую он волею судьбы или чьей-то прихоти был вовлечен. Что ему было уготовано, на что его наставляли, к чему вели? — эти вопросы постепенно стали утрачивать свой животрепещущий смысл и приобрели более спокойную и взвешенную окраску, обрамление. Он и сам уже начинал догадываться, что за цель была там, наверху, за которой он был послан. Только открывалась она слишком долго и неотчетливо. Наверное, и в этом таился тот промысел, который люди обычно называют божьим.

Ни солнца, ни привычной уже луны — ничего этого не было, а вершина приближалась крайне медленно, и иногда ему казалось, что это миф, мираж, и он никогда не сможет ее достичь. И все же что-то подсказывало ему, что он способен одолеть эту немислимую преграду, иначе каковы условия игры, зачем он послан, зачем за ним прислали?!

И наконец, в какой-то момент наступил перелом или что-то похожее на него. Рядом с ним оказалась птица, но подобного вида на земле он не знал. Ни по окраске, ни по размеру, ни по манере вести себя. А птица вела себя достаточно странно, даже загадочно. Присев рядом с Арсением, она склонила свою рыжеватую головку к нему на грудь, и ему почудилось, что он услышал (или только так показалось), что он слышит некие слова. Птица не открывала клюв, не издавала звуки, но слова он явственно слышал. Вот что это были за слова: «Осталось немного, дойдем, и сам увидишь, сам убедишься».

Это словно придало ему силы, и он, поблагодарив птицу с нежно-розовым клювом и очень пышным хвостом, длинной шеей и тремя лапками, решил, что он дойдет непременно, чего бы ему это не стоило. И сам усмехнулся: «Зачем, к чему тогда весь этот демонический замысел?»

Неожиданно образовалась площадка, ярко освещенная, но не звездами-шарами, а светилом, которого, вероятно, раньше он не заметил. Было светло и по-прежнему тихо. Арсений огляделся, но не увидел никого. Только понял, что путь, уготованный ему, он преодолел, и именно поэтому так светло и тихо, что стоит он на самом краю высоченной горы, а под ним струится что-то, напоминающее прежнюю его жизнь: облака, например, едва слышимый ровный шум или шелест ветра; звуки, весьма далекие, но явственно ощутимые звуки то ли птиц, то ли еще кого-то живого, кто мог пребывать на такой высоте.

И это вселяло надежду на то, пожалуй, что жизнь, хотя и в иной форме, продолжается и здесь.

То, что он сумел преодолеть мощнейшее препятствие, придало ему новых сил, и он громко, как только мог, закричал: «Я здесь, я жив, здравствуй, солнце!» Ему никто не ответил, тем более солнце, и только снова появилась птица, которая присела рядом и, также, как и прежде, ему почудилось, что он слышит голос, ее голос. Так ли это было или нет, он в точности не знал, но проделал, однако, то, что ему было велено. Он спустился чуть ниже, и совсем с другого, противоположного края, увидел тропинку, явно ведущую в какой-то то ли склеп, то ли отверстие в скале. Он поддался и пошел. Было совсем не страшно, ибо он знал, зачем и куда движется. По крайней мере, ему так казалось.

Там, на этой узенькой тропочке не было ни растительности, не слышались звуки, и он предположил, что находится, быть может, и не на земной поверхности, а где-то на другой планете. Собственно, это было не столь и важно, поскольку предстояло решать совсем другие вопросы. Он шел себе и шел, и нисколько не смущала его мысль о том, что он в рваной одежде, грязен, истерзан. Есть не хотелось, как не хотелось вообще ничего кроме главной, решающей встречи.

Спустя время (а, может, такового и вовсе не было, как он уже решил), словом, через некоторое расстояние он увидел подобие входа, но не маленького и убогого, но обнесенного похожей на чугун решеткой или прутьями из непонятого металла. Он хорошо разобрался в металлах и такого состава не мог припомнить. Однако он вошел в это отверстие, тропинка превратилась в ухоженную дорогу, посыпанную тоже неизвестным ему составом то ли почв, то ли глянцевого, поблескивающего металла.

По мере того, как он спускался, ему становилось все теплей и теплей, и в какой-то момент он заметил, что одежда на нем, изодранная и испачканная, чудесным образом превратилась в совершенно ухоженный наряд. Пропали его пыльные брюки, куда-то подевалась рубашка, о пальто и говорить не приходилось, поскольку он даже забыл, когда видел его в последний раз.

Нет, ничего этого не было, кроме воздушной, замечательно пахнущей рубахи. Была она розоватого цвета, отчего-то до пола и действительно источала незнакомый, непохожий на духи или иные пахучие средства, запах.

И тогда он понял, что его действительно готовят, что все не так-то просто. А он и с самого начала не думал, что обойдется простеньким решением вся эта затея, вся то ли дьявольская, то ли, наоборот, божественная, затея. Приняв правила игры и больше не сопротивляясь, Арсений оказался в весьма просторном помещении, где пока не было ни души. Пока.

И все-таки все эти атрибуты чего-то необычного и даже загадочного были не самыми главными в том, что случилось дальше. То тепло, которое он ощутил чуть раньше, становилось все явственней и притягательней. Он понимал, что начало происходить нечто такое, что постепенно, медленно и какими-то пока незначительными штрихами вползало в него, входило в душу, застилало своим светом и все тем же необъяснимым теплом. Боже мой, какое же блаженство окутывало его и проникало во все частички его тела. Но что с душой? А с душой происходили и вовсе необычные превращения. Он вдруг, в одну секунду осознал, что все те глупости, что он натворил в своей жизни, не имеют ровно никакого отношения к подлинной, глубинной ее сути, к той напряженной философ-

ской насыщенности, которая одна и является главной и единственной. И что не успехи в науке и попытки разобраться в инородных частицах металлов или проникновение в иные материи и миры — условие жизни и ее суть, а простые, очень простые вещи: привязанность друзей, любовь женщины, дети.

Кстати, отчего это у него до сих пор нет детей? Ответ прост: вероятно, не так хотел, не так был настроен, наверное.

Словом, такая чудесная легкость и понятность, что дальше размышлять не было никакого смысла. Если в тех страшных посещениях и по ощущениям, и по последствиям, был страх и отчаяние, осознание никчемности и одиночества человека, то здесь начиналось совсем иное. Прямо противоположное.

Понимание своей причастности к жизни, ее простейшим проявлениям и развитию. И не страх, вовсе нет, а удовлетворение и радость, великая радость от того, что ты есть, и ты жив! И что жизнь — несмотря ни на что — продолжается, и ее ход, движение неостановимы. Эти простые истины, к которым только приближалось, подкрадывалось сознание Арсения, делало его поистине счастливым. Он вспомнил все заумные споры о том, что же есть счастье. Один умный доктор говорил, что счастье — это ожидание счастья и, наверное, был прав.

Хотя бы потому прав, что только теперь, в это самое мгновение человек Арсений понял, что вот оно, свершение этого ожидания, которое, наконец, настигло его. И счастье — это и миг, и огромный цикл всех жизненных процессов, да просто сама жизнь. Ее дыхание, смех, уныние, нежелание жить, потребность, алчная потребность убить близкого, и радость и свет — вот, пожалуй, и есть то самое счастье. Вряд ли слова способны передать ощущения, что с головой накрыли Арсения. Одновременно простота и ясность происходящего, а главное — понимание того, что должно быть дальше, — вот что слышал Арсений в глубине себя самого.

И именно в это самое мгновение он услышал голос, тоже ясный и спокойный, глубокий. Голос существа, которого он не видел, да и не мог видеть. Он слышал лишь одно: невероятное тепло и желание жить. Вопреки все-

му: уходу Сони, научным сложностям, неприкаянности внутренней. Но он — он знал — обязан был жить, и никогда, ни при каких обстоятельствах не помышлять о смерти другого. Он сидел и словно казнил сам себя. Но не напоказ, без малейшей эйфории, а как этот, вдруг прозвучавший голос.

Что было сказано? Всего несколько слов. Он не видел говорившего, он и не хотел этого. Иначе пришлось вступить в такой контакт, который увел бы от сути. А здесь был именно голос, только он.

«Ничего нового ты не услышишь. Ты побывал и почти в аду, и приблизился к противоположному. Почти раю. Но это еще не значит, что он и впрямь существует. И вот, пожалуй, что: живи. Ничего иного не скажу. Живи. Еще есть время».

Больше он не слышал ничего, как не пытался вслушиваться в оглушающую тишину и безмятежность. Он не ко времени вспомнил вдруг, как еще тогда, при первом своем посещении азиатского города, когда встретил Соню и то удивительное дерево, так поразившее его, он решил, что сделает в своей жизни все, чтобы она была счастливой. И после этого — решил убить. Как легко и скоро оказалось отступить от клятвы, от любви, от ее законов! Легко и просто.

Он поднялся, осмотрелся, но уже ясно понимая, что никого больше так и не увидит и не услышит никаких напутствий; стряхнул свое новое, такое неожиданное одеяние и отправился в обратный путь.

Постепенно и одежда, и все причиндалы прежнего облика стали возвращаться к Арсению, и он, совершая свой спуск, который был не менее труден, чем восхождение, заметил, что до сих пор не испытывает ни чувства голода, ни жажды, ни других потребностей. Он просто шел. Это даже было сложно назвать именно так. Временами он то скатывался, то съезжал, словно на санках. Иногда просто полз на животе и понимал, что идти вниз еще труднее, чем подниматься вверх. Но хорошо, туда он двигался за словом, за определенным подтверждением своих простых догадок, а вниз? Вниз он спускался, уже снабженный полученными напутствиями, и это было еще

сложнее: давил груз знаний. Как там древние говорили: что пользы в знании, если от него одно только горе!

Странное дело, вспоминая те прежние посещения и нынешнее, он с удивлением обнаружил, что сказанные слова были примерно одинаковыми, во всяком случае, содержали один и тот же смысл: все просто устроено в жизни, как и сам этот мир, и требуется лишь одно: жить, не нарушая заповедей. Вот оно что, оказывается: они есть, работают и ТАМ. И ТАМ о них не просто помнят, их бережно чтят. «Да, не то что мы, люди,» — подумал Сеня, и от этой догадки ему сделалось совсем хорошо. Он почти не ощущал тех трудностей, с которыми совершался его длинный, долгий путь, а шел и шел, вернее, спускался и сползал, все больше осознавая сакральный смысл происшедшего.

Господи, неужели нет никаких тайн, и прав и тот старый доктор, сказавший, что все просто, нужно только поменять взгляд на вещи, и мир встанет на нужное место, вернее, вы его увидите в нужном ракурсе; что сам Господь Бог и его ученики — все говорили об одном и том же. Что ж, значит и нет никаких секретов, и нужно и правда вбирать каждый день, отдавая ему сполна всего себя? Что за буддистская философия!

Однако Сеня лукавил и сам понимал это. Никакая не восточная, не «здесь и сейчас», что, может быть, и очень облегчало бы жизнь; нет, именно заповеди и впитанное с самой земной сути христианство, которое одно помогало освоить и путь, и основы, и верить. Вот с верой у Сени были проблемы. Он не мог сказать, истинно ли он верующий человек? Или просто привык, что вовремя наступают те самые, ожидаемые всем христианским миром праздники, и в этой упорядоченности совершаются те самые закономерности, которые питают мозг, интеллект человека и просто-напросто формируют его веру. По крайней мере, представления о ней.

Способ жить, который в ходу у подавляющего большинства граждан, зачастую наплевательский и основан на простом механизме: течет и течет себе (жизнь, события, любви-ненависти), ну и пусть их. А анализ, как же редко и объективно подходят к нему! Да, есть и самоедство, и копание в себе, своих словах и поступках. Но уме-

ние дать объективную оценку своим действиям и вынести самому себе вердикт, не всегда радужный и безоблачный, научиться раскаиваться, а не только поддаваться страху, — это редчайшее умение. И Сеня даже подумал, что — хотение. Неохота — вот и вся отписка.

А между тем он постепенно стал видеть совсем другие приметы окружающего его: стали прорисовываться именно земные атрибуты жизни. Это были то редкие деревца, то неожиданно прорывающиеся звуки, которые приятно удивляли своей узнаваемостью. Это были снова те простые и незначительные радости знакомого, без которых жизнь была бы неполной и огорчала бы, наверное, своей усеченностью.

Он спускался, полз и снова и снова вспоминал именно Соню, ее жизнь в далеком городе, который поражал его не только особенным восточным колоритом, но прежде всего манерой общения людей, их мягкостью, детской доверчивостью, даже наивностью. Им только казалось, что они такие хитрые и запросто могут надуть на ста граммах риса или кураги. На самом же деле, оставаясь истинными торговцами и видя смысл своего существования именно в этом, они не спорили, как на московских рынках за какие-нибудь сто граммов, а с радостью и удовольствием напутствовали (особенно приезжих) своим излюбленным выражением «с походом». Что означало простую вещь: тебе полагается чуть больше, и это большее отдавалось охотно.

Воспитанная и выросшая в таких беспечных легких условиях, Соня так и не смогла, не захотела принять все заморочки московской жизни. Ей казалось (и правильно, между прочим), что люди в российской столице намного жестче, более закрыты, тревожны. И примениться за двадцать лет к новым для себя условиям она так и не смогла. Может быть, правда, не хотела? Но что это меняет теперь?! Теперь Соня неизвестно где и с кем, а у него, у самого Сени, появилась девочка, напоминающая принцессу, иногда рокершу, прелестную певицу, выросшую совсем в другой среде. Смогут ли они понять друг друга, станут ли жить вместе? Этого Сеня не знал, да и не очень-то хотел найти ответ на этот вопрос. Время, которого, может быть, и нет, но нечто, заменяющее его, ответит на

эти вопросы. Словом, нужно ждать и полагаться на это самое несуществующее почти время и на ... судьбу.

Он и не заметил, как оказался внизу, у его ног лежала вполне оформленная цивилизация со всеми вытекающими последствиями, и он понял, что оказался на земле. На настоящей планете — Земле. Оглядев свой костюм, он понял, что его тут же сгребут милиционеры, а таких, как он, они любят, как любят: из бывших интеллигентов, так сказать. Не могла же знать доблестная милиция, что никакой он не бывший, а просто побывавший в раю человек. Сеня представил реакцию стражей порядка на подобное свое заявление и улыбнулся. Не то, что они, он сам себе не верил, что побывал там, откуда вернулся только что.

Но самое интересно ожидало его позже. Он направился было к метро, но, передумав, все же решил добираться каким-нибудь другим путем. Трамваем, маршруткой. На привычном месте, где этих машин прежде было пруд пруди, теперь был разбит цветник, и никаких кавказцев с усами и в помине не было. Сеня огляделся и спросил на вид незлую тетку, где теперь стоянка маршрутных такси. Она оглядела его и как-то так быстренько отпрянула, отодвинулась и при этом, однако, успела сказать, что слава Богу, их уж два года почти как нет. Хорошо, что рядом была скамейка. Сеня сел и запечалился не оттого, что маршрутки убрали, и граждане СНГ неизвестно где теперь промышляют. Нет, он приуныл потому, что понял: его не было не каких-нибудь пару часов, а значительно больше.

— Нет, вы правда про два года?

— А вы, пожилой молодой человек, что думаете, я шучу с вами? Вы себя в зеркале давно видели?

Сеня потрогал свою физиономию и понял, что оброс, и у него огромная борода, усы и вообще...

— Видите ли, я долго отсутствовал...

— Оно и видно. Недавно вышел?

— Нет, точнее будет — сошел.

— С неба что ли?

— Почти что так. Вы ведь все равно не поверите. Странно, что сейчас тепло и снега нет.

— Ну, вы даете!

— Да, когда я улетал, была зима и шел снег. А я все боялся, что пальто по дороге потерял. Оно и не пригодится. Да-а, я даже не думал, что так, такие...

— Вы что же, больны были? Или правда сидели?

— Да нет, милая женщина, нигде-то я не сидел, я делал свое дело, очень важное и большое. Но, как вижу, к земным своим делам безнадежно опоздал.

— Обождите, может, все еще наладится?

— Да-а, — снова протянул Сеня, а сам стал нащупывать ключ от квартиры.

Удивительное дело, но он, нетронутый, так и лежал в кармане. И тут он понял, что страшно голоден. Но как быть с продуктами? Ведь ни денег, ни провизии — ничего этого у него нет. А со всех работ его либо выгнали, либо давно забыли про него. Господи, сколько же сейчас времени? — подумал он и снова усмехнулся, так как совсем недавно еще размышлял над тем, что его нет вовсе, да и не так оно важно. А вот надо же, маршруток нет, кавказцев нет, денег на дорогу — тоже, а цветник — вот он, пожалуйста, полюбуйте.

Но мысль о цветнике так развеселила и обрадовала его, что он решил: есть в жизни перемены. Более того, они желанны и возможны. Кто бы мог подумать в его (ЕГО!) время, что когда-нибудь не будет маршруток, которые казались вечными. Как и их водители из конкретной страны. Кто бы мог подумать, что здесь будет цветник?!

Нет, осознать такие кардинальные перемены Сеня в одночасье не мог и потому решил за лучшее отправиться к дому своим ходом. Есть, однако, хотелось очень. Что он станет делать, Сеня не мог ни придумать, ни понять. Главное — попасть домой, — решил он. А там можно будет и позвонить кому-нибудь.

Понятно, что принцесса, наверное, уже замужем и вполне вероятно, что и родила ребенка. Куда деться бедному путешественнику, так легко и безрассудно двинувшемуся в путь, исчислить который временем, метражом было невозможно. Разве мог он предугадать, что не только с ним самим, но и внутри города произойдут такие решительные перемены? Не мог. Точно не мог.

«Наверное, преодоление пути станет теперь моим ос-

новным занятием», — решил Сеня, насчитывая свои километры. Он проходил мимо церкви, которая в этот вечерний, поздний уже час была закрыта, но что-то его побудило подойти поближе и остановиться. Давненько он не подступал так близко к храму. Чуть ли не в лохмотьях, заросший и немый, голодный и бездомный, Сеня стоял и неуверенно молился. Он думал о всем том, что видел и слышал, как проделывал свой путь и вдруг ощутил на губах непривычную соленую влагу.

Не плакал он почти никогда. И вот теперь, спустя столько ВРЕМЕНИ, он стоит, держит в руках сорваную веточку дерева и плачет. Оказывается, слезы могут приносить облегчение, — сделал удивительное открытие Сеня и провел по лицу руками. Затем поклонился и зашагал к дому.

Не так уж невероятно долго он отсутствовал, чтобы не узнать свой высокий кирпичный дом. Это Соня не особенно жаловала его, саму квартиру, а Сеня любил и свой район, и место, и даже шум эстакад. Из окон его квартиры открывался необыкновенно красивый вид и, несмотря на жару летом, шум машин, грохот трамваев, он был доволен, что можно смотреть далеко вперед и не видеть рядом по соседству стоящих домов, окон, бегающих собак и их хозяев, а с высоты девятого этажа просто наблюдать жизнь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он беспрепятственно попал в свое жилище, благо никто не встретил его по дороге, и осмотрел его. Ничего вроде бы не изменилось, все оставалось по-прежнему. Тогда он подошел к холодильнику в надежде, что и там может что-то завалиться. И, к своему удивлению обнаружил не зацветший кусок сыра, а вполне свежие, едва ли не только что принесенные продукты. Сеня обомлел: кто, каким образом и с какой целью поджидал его? А, может, здесь уже живет кто-то другой? Ведь его могли и выселить за неуплату услуг, света и так далее? Он быстро прошел в маленькую комнату, Сонино прибежище, и удостоверился, что никто чужой, к счастью, еще не поселился в его квартире. Все было на месте, даже постель застлана его,

Сениным способом. Боже мой, ну кто, кроме Сони, имел ключи и доступ к квартире? Только она одна и могла это сделать. Но эта догадка никак не вязалась со всем предшествующим ходом событием, их разрывом, ее отъездом... Чудеса!

И все же что-то екнуло в его наболевшем сердце: неужели Соня, его Соня могла вернуться? И вправду чудеса.

Он доставал продукты, распаковывал их, и сердце стучало сильнее и сильнее: ее почерк, только она знала его вкусы, предпочтения. Неужели Соня продолжала ждать его? Что произошло в ее жизни? Вопросов была масса, но пока ни на один из них ответа он не находил. Он просто ел. Сидел и долго, долго жевал, затем пил чай и вдруг с облегчением поймал себя на мысли, что больше никогда его не потревожат, не появятся в окне, и он не отправится в необычный путь. Пусть и чудесный, но — стоп, больше не надо.

Затем он зашел в ванную, открыл воду и долго смотрел на нее. И только наглядевшись, разделся и лег под нее. Лежал так долго, что чуть не уснул. Решил пока не бриться, просто не было сил. Прошел в Сонино пристанище и мгновенно уснул.

Прекрасное умиротворенное чувство покоя и чего-то важного, что сделано и что, несомненно, перевернет и уже изменило его жизнь, лежало не просто подле него, но гнездились где-то внутри, глубоко-глубоко.

Он не помнил сна, он только сознавал, что наконец-то дома. ДО-МА! И вдруг зазвонил телефон. Этот звук был настолько резок и неожидан, что Сеня вздрогнул. Он забыл, что на свете существует телефон. Да и вообще не помнил многое из того, что составляло предмет его прежних забот и переживаний.

Сеня поднял трубку и... услышал голос. Это звонила Соня. Очень просто она сказала:

— Ты дома? Я сейчас подъеду.

Вот и все, так запросто.

Сеня забеспокоился, чуть ли не решил пойти побриться, но вовремя остановился и вспомнил, что теперь ему эта суета ни к чему. Он сел и стал ждать. В окно кухни он разглядывал свой любимый вид, сумел рассмотреть пробуждающийся после зимы (уже второй зимы, оказывает-

ся) город и отметил, что и квартира, и место, и — главное — природа его вполне устраивают. Еще промелькнула мысль, что не худо бы справиться о работе, как там вообще, помнят ли его и все такое. Но это потом, не теперь. Теперь он ждал свою бывшую жену Соню.

Она открыла дверь своим ключом и вошла в коридорчик.

Арсений как сидел на своем стульчике на кухне, так и остался там, хотя слышал и как вошла Соня и как встала, разглядывая его и едва не падая в обморок. А он продолжал сидеть. Соня медленно, очень медленно сделала несколько шагов, отделяющих ее от кухни и от самого Сени и встала.

— Что с тобой?

— Со мной? А что со мной?

— Ты такой обросший, борода... у тебя никогда не было такой бороды.

— Да... А теперь вот есть. Как ты?

— Я? Где ты был? Я так ждала тебя...

— Потом. Давай пить чай. Все остальное — потом.

— Хорошо.

Соня достала из пакетов опять еду, разложила все на столе и присела. Потом спохватилась, зашла в ванную, вернулась и снова в упор стала разглядывать мужа.

— Где ты был?

— Я?

Сеня весело рассмеялся и сказал: «Ты все равно не поверишь. Я был в раю». Соня еще более пристально посмотрела на Сению и сказала: «Оно и видно».

Оба помолчали, и все же им было так многое интересно и непонятно, что долго молчание не продлилось.

— Скажи, почему ты приходила и вообще, все эти продукты? Ты что, тут жила?

— Нет. Я давно снимаю квартиру, вернее, комнату у своей приятельницы, еще по старым, институтским временам. Надя, ты, может, помнишь? А сюда... да, сюда приходила, ждала. Мне казалось, ты вот-вот вернешься.

— И что же, ты регулярно приносила продукты?

— Какая разница?

— Ты очень изменилась, похорошела. И еще...

— Что? Договаривай.

— Мне кажется, стала какой-то серьезной. Ты как себя чувствуешь?

— Я? Я — хорошо, а что, не видно что ли? У меня все хорошо. А ты, как ты?

— У меня тоже.

— Тебе не кажется, что мы ведем пустой разговор?

— Не кажется. Он все равно куда-нибудь вырвется.

— Какой мудрый.

— Я? Да.

— Сень, а ты обо мне думал?

— Честно?

— А как же?

— Что значит «как же»? Когда-то соврать для тебя не было проблемой.

— Не будем о прошлом. Я не вру. Понимаешь? И прежде всего — себе.

— И о чем же ты не врешь себе?

— Например, о том, что ты мне очень нужен.

Соня сказала это так просто, так спокойно, без всякой экзальтации и напряжения, что Сеня весь как-то обмяк и не мог вымолвить ни слова. Он сидел молча, вспоминал все то, что ему довелось пережить и понимал, что такой опыт, долгий и чрезвычайный, так бесследно и так беззаботно не пройдет. Он, этот опыт, все больше и больше проникал в Сенино сознание, обволакивая его и мешая говорить обычные, незатейливые вещи. Однако он понимал и другое: то, что произносят они сейчас, — лишь прелюдия к главному, совсем не так важно, о чем говорится, а важнее другое — что каждый думает, чувствует, что по-настоящему хочет узнать, понять.

— Тебя сначала искали на работе, я еще тогда привирала, говорила, что болен, что не можешь сам разговаривать. Потом они сказали, что если ты объявишься, вернее, выздоровеешь, то они ждут, чтоб ты возвращался. Но это, правда, давно было. Хотя нет, не волнуйся, недавно встретила твоего Юру, ну, который анализы делал тебе. Так он снова все подтвердил.

— Это хорошо. Хотя... Какая теперь разница? Пойду капусту выращивать. Помнишь, мы всегда мечтали? Пойдем на пенсию и будем выращивать.

— Господи, какая капуста, какая пенсия?!

- Что, не согласна?
- Почему?
- Соня, а ты бы вышла за меня замуж? Снова?
- Вышла.

Как же они смеялись, как было легко и весело на душе. Как хотелось обнять не только друг друга, но и весь мир, и всех граждан, и саму Землю!

Потом они выпили шампанского, закусили хорошо и решили, что пора выходить из кухни. Когда они сели: он — на диване, она — на своем любимом кресле-качалке, то засмеялись почему-то снова, и действительно было очень весело. Во-первых, хотя бы потому, что они сидели вместе, рядом, что жизнь (какая — никакая) продолжалась, а в самых главных — потому, что у обоих вдруг появилась надежда на что-то новое, какой-то невиданный прежде виток отношений.

— Ты что, правда пойдешь за меня? Не бойся, я ни о чем не буду тебя спрашивать...

— А я и не боюсь, мне скрывать нечего. Никого у меня нет, не было и не будет. Кроме тебя! — воскликнула Соня и он, Сеня, вдруг убоился, что такая эйфория может не пройти бесследно и чем-нибудь закончится нехорошим. Но это была только так, мелкая быстрая мысль, не больше.

— Я потом, потом, если смогу, расскажу тебе про себя. Сейчас не готов.

— А я и не спрашиваю. Наверное, это то, о чем однажды, давно, ты говорил уже. Ты что, правда летаешь?

— Да. Но больше — не буду. Все, к счастью, закончено.

— И что будет?

— А будет... Да кто ж знает, что будет. Я, например, точно знаю, что надо сбрить бороду, усы, повести потом тебя в твое любимое кафе. А там посмотрим. Значит, говоришь, на пенсию рано? А мне кажется, в самый раз.

— Какая капуста, какие валенки?

Они снова рассмеялись, так как это было одно из любимых Сениных выражений.

— Ты хорошая ученица. Знаешь, а я видел рай. Мне так кажется. Или что-то, очень его напоминающее.

— И что тебе сказали в раю? — засмеялась Соня.

— А ты не смейся. Сказали. И весьма простое: надо

жить. И, по возможности, жить хорошо. Вот и вся нехитрая истина.

— Ничего себе «нехитрая». Это очень, очень трудно. Знаешь, как мне было сложно отказаться от прививаний? Я уже так привыкла к ним, так срослась с тем, что вижу, делаю одно, а говорю другое... Не думала, что освобожусь от этого. Ведь в юности, в детстве этого близко не было.

В этот момент Сеня отчего-то вспомнил Арину, которая тоже рассказывала о заведенной дома привычке говорить правду. Там это был своеобразный символ жизни, принцип существования что ли. Что с ней? Как сложилась ее жизнь? Год — ничего себе срок. Да за это время все, что угодно, могло произойти. Например...

Сеня не успел додумать про свое «например», как увидел, что на его глазах Соне становится плохо.

— Что, что с тобой?

— Да-а... Так бывает. Возьми в сумочке таблетки, дай две. Не волнуйся ты так.

Сеня вскочил, схватил ее сумку, вытащил новый, незнакомый ему препарат и дал запить таблетки.

— Может, скорую? Что такое с тобой, Соня? Что? Опять старое?

— Потом. Голова. Бывает. Сейчас...

— Давай, я сделаю укол. Здесь есть еще ампулы?

— Ничего не надо. Пройдет.

— Милая моя, только не это. Я столько прошел, столько вынес. Только не болей. Мы все, все преодолеем с тобой, уверяю тебя. Дать чаю?

— Угу.

Сеня сделал, как и раньше, крепкий чай с лимоном и подумал, что, наверное, поднялось давление. Таких таблеток у Сони раньше не было. Господи, только не потерять, не лишиться ее теперь, когда год жизни вне жизни фактически преобразил обоих. Когда жить хочется, как никогда.

Сеня сидел, наклонившись над женой и думал лишь о том, чтобы приступ прошел, и вернулось то настроение, тот азарт, что был всего несколько минут назад.

Постепенно Соне становилось легче, и она смогла нормально говорить.

— Сонечка, что это? Новый виток того, старого? Это давление?

— Да, давление. Бывает, скачет. Но я постепенно примирюсь.

— Ты не сможешь, наверное, идти теперь?

— Да нет, это проходит довольно скоро, если принять меры. Но случается, что длится долго. Не бойся. Да ты же знаешь. Я ведь была с Надей, так что все в порядке, она следила за мной, за давлением.

— Ты очень, очень меня испугала.

— Я привыкла. Вернее, привыкаю.

— Ничего, поедем на природу, будем в нормальных условиях, где воздух и все такое прочее, и все пройдет, восстановишься.

— Угу.

Сеня помолчал, налил еще чаю и снова присел рядом. Он держал Сонины руки и думал о том, что хоть и сделано ему было такое напутствие, выполнить его, наверное, будет все трудней и трудней, поскольку уже есть такая страшная вещь, как опыт. Он не учит, он только усложняет жизнь. Опыт — такая глупая вещь. Ну, можно стать осторожнее, чтобы кошелек, скажем, не потерять, можно больше чего-то опасаться. Но чтобы научиться? Трудно сказать. Сеня не знал, можно ли выучиться благодаря опыту, или он только умножает страхи, опасения и отнюдь не предостерегает. Человек просто-напросто лишается легкого, беззаботного отношения к жизни, вот и все с этим опытом.

— Соня, ну как?

— Да отпустило, не волнуйся, сейчас поедем.

— Может, не будем рисковать и побудем дома?

— Я так хотела забрать свои вещи. Ты же берешь меня назад?

— О чем ты говоришь?!

— Вот и хорошо. Поедем.

И все же Сеня настоял, даже нарочно нашел какие-то неотложные дела по дому, чтобы подольше задержать Соню. И только когда понял, что все, она вполне оправилась, они отправились к ней, вернее, к ее подруге за вещами. «Великое переселение народов!» — цитировала Соня

мужа, а он ее поправлял: «Нет, перенос порток на новый шесток».

Когда, наконец, они оказались возле дома Надежды, у которой бывали оба еще в прежние годы, но это было так давно и редко, что сама Соня об этом забыла, потому вначале и невнятно сказала о ней Сене; так вот, когда они подъехали, Сеня вдруг понял, что не должен идти, а удобнее для Сони пойти одной. Он полагал, что так, наверное, будет приличнее. Соня не сопротивлялась и отправилась сама.

Поскольку Сеня стоял на улице совершенно один и забыл напрочь, как он выглядит, так был увлечен видом расцветающего города, отдельных двориков, что и не заметил, как возле него остановился мужик неопределенного возраста. Он стал рассматривать в упор огромную нестриженую и неухоженую бороду Арсения, весь облик которого явно свидетельствовал о некоей принадлежности Сени к роду то ли нелюдей, то ли антихристов. Наконец он, вдоволь насмотревшись, сказал: «Вы часом не с неба спустились?» Сеня парировал мгновенно: «Так точно, мой генерал». — «А, шутите, тогда понятно, тогда наш. А чего такой нечесаный?» — «Видите ли, милейший, — все так же пытался язвить Сеня, — такие чудеса случаются в природе, что сам и не знаешь, где нынче окажешься. Вот вы, к примеру, к вечеру точно будете либо в Красноярске, либо в Воркуте».

Сказал и сам себе посмеялся. Хорошее, давешнее настроение возвращалось к нему, и ему было легко разгрызывать пристающего мужичишку. Однако тот оказался не так прост, как поначалу показалось. Возьми, например, и скажи: «Что-то кажется мне, видел я тебя где-то. Ты, часом, не летаешь? Да не юродствуй, истинно скажи».

Сеня внимательно глянул на любопытствующего и вдруг узнал в нем давнишнего своего приятеля, с которым учился еще в институте.

— Матвей, ты что ли?

— Откуда ты меня знаешь?

— Да как мне тебя не знать?! Ты всю жизнь повернутый был насчет полетов-перелетов. Да разве о таком спрашивают?! Кто ж тебе правду скажет?

— Матвей, правильно. Теперь признал: ты — Арсений. Имя хорошее, как и мое. А откуда про Красноярск знаешь?

— Да это я так, с дуру сказал, не знаю я ни про какой Красноярск.

— Врешь. Я как раз туда собираюсь. Откуда тебе это могло быть известно?

— Да брось, Матвей, скажи лучше, где ты, кто ты, как живешь?

— Я кто? Я — чародей и волшебник.

— Понятно, то-то я смотрю, рядом забор розового цвета. Ты оттуда вышел, с Бехтерева, 15? Из...

— Знаю, знаю, что там психушка. Но я не оттуда. Хотя уверен, ещё окажусь там. Может, вместе и полежим-посидим.

— Брось, Матвей, ты не женился? Дети есть?

— Откуда им быть? Да и не хочу я никаких детей.

— Вот те раз! А я очень хочу. Что бы такое сотворить, чтобы дети были?

— Могу адресок дать...

— Давай, гони, если не врешь.

— А живу я здесь, неподалеку. Иду вот за продуктами. Хлеб там, вино и прочее.

— Хорошие у тебя продукты!

— А не скажи, конечно, хорошие.

— Матвей, ответь, пожалуйста, ты счастлив?

— Дурак ты, Сеня. И всегда казался мне дураком. Ты хоть имеешь внимание к счастью? Знаешь, с чем его едят?

— Может быть, теперь кое-что знаю.

— Неправда. Когда знаешь, такие вопросы не посещают. Значит, не все еще усвоил.

— Может, ты и прав.

Сеня подумал, что юродивым и всяким странникам, или того хуже — людям, все потерявшим, — всегда жилось лучше. Они не думали, как бы еще чего купить, приобрести, а просто, как прожить. Как день конкретный пережить и не быть голодным.

— Ты слишком гордый всегда был.

— Почему «был»? Я и есть ГОРДЫЙ. И тебе советую таковым оставаться. Прощай!

С этими словами Сеня пошел к дому, из которого уже

выходила его Соня. Он видел, как странный его прежний приятель и сокурсник, покачав головой, двинулся за своими продуктами, и пути их снова разошлись, теперь, наверное, навсегда.

Соня, как всегда более предусмотрительная, заказала уже машину, и вскоре они садились в новенькую почти «Волгу» и ехали домой. Вещей (на удивление) было не так уж много. Соне помогла вынести все Надя и ее закадычный друг Павел, который за все двадцать лет так и не надумал на ней жениться. Поэтому Надя так беспрепятственно могла позволить себе взять Соню на постой. Наверное, обе в этом видели какой-то особый для них смысл, и обе радовались такому существованию. Соня отлучалась домой, по-прежнему ожидая Сеню, и подруга могла быть вполне счастлива со своим Пашкой на это время. Соня, помимо небольшой лекционной нагрузки, также брала переводы на дом, редактировала рукописи и была свободна от каждодневной обязанности присутствия на службе. Такая же практика была и в академических институтах, когда люди за гроши добровольно приходили и делали свое дело, оставаясь и во внеурочное (по-старому) время, лишь бы что-то подтвердить и доказать, сделать, одним словом. Не все, конечно, многие просто ходили за жалованием, и все научные идеи их давно перестали волновать, но настоящая когорта ученых была именно такой: бессеребрениками, отдающими все и вся во имя науки.

«Интересно, как там последние анализы, что Юрка на своем спектрометре обещал сделать?» — подумал Сеня и решил, что вечером же позвонит в лабораторию. «Неужели меня не поперли?» — недоумевал он, и сам себе удивлялся, что теперь эти проблемы, связанные с трудовой книжкой, стажем, больничным, его едва ли волновали.

Ехали не так долго: все-таки от Царицино до Тульской, но донимали пробки. И Сеня снова с благодарностью и удивлением подумал, что Соня преодолевала такие расстояния, еще зная его нелюбовь болтать по телефону. То есть, попросту говоря, он мог вообще не поднять трубку или вовсе отключить его. И она ездила. Ездила и ждала. Чу-де-са! Так подумал Сеня, как совсем недавно по другому поводу, думал, что путешествие его

заяло всего каких-нибудь несколько часов. А прошел — не больше, не меньше — год. За это время любой человек изменит направление мыслей, а уж снабженный такой информацией, — тем более!

Ему и всегда-то намекали (а он и сам догадывался), что голова у него неплохая, светлая, как говорили когда-то, во времена его родителей. Вот куда бы следовало отправиться, так это к ним на кладбище. Столько не бывать!

Он всегда чтит их память, даже при своих сложных отношениях с религией, он неизменно бывал на все положенные праздники и всегда с благодарностью вспоминал особенно отца, ученого-ботаника, отсидевшего, промотавшегося с семьей долгих двенадцать лет по разным экспедициям, а потом осевшего во Владикавказе. Мать рожала, но дети — все девочки — умерли от жесточайшей дизентерии. Да и сам Сеня был на грани, но спас его опять-таки отец. Когда в больнице ему передали ребенка с очень крутым приговором, он завернул его в байковое одеяло (летом!) и отправился в горы. Отпаивал кумысом, отхаживал на свежем горном воздухе и добился своего: Сеня выжил, выкарабкался, вымахал в мужика один метр девяносто сантиметров и знал всегда твердо одно: за все надо платить, и ко всему идти долго, но идти. Только выстрадав что-то, можно это ЧТО-ТО получить.

И он страдал, хотя внешне казался ироничным, веселчаком даже. Но это так, внешне. На самом деле он глубоко чувствовал и переживал любое событие, любые отношения, схождения и разрывы, любви-ненависти и так далее.

Он даже за встречу свою с Ариной так исказил себя, что места живого в сердце не оставил. Одно успокаивало: время. То самое время, которое, как оказалось, и лечит, и меняет привязанности, и вновь возвращает любовь.

Подъехали к дому, и он снова поймал себя на мысли, что не может, по всем законам эволюции и просто баланса между плохим и хорошим, не может не случиться чего-то. Он понимал, что не работу и прочую ерунду имеет в виду, и потому в особенности гнал от себя подальше шальную мысль о конце. Какой конец, как это вообще возможно, если жизнь только-только начинается?! Не дадим,

не позволим, выкарабкаемся, как тогда выскочил, с помощью отца, из лап смерти.

Соня распаковывалась, а он прошел к так нелюбимому им телефону и набрал номер, забыть который не смог бы ни при каких обстоятельствах. Трубку подняли сразу же.

— Слушаю, — услышал он привычный тенорок своего коллеги Сереги.

Он, молодой, но очень трудолюбивый и талантливый, обычно задерживался допоздна и был вовлечен во власть науки так же отчаянно и беспощадно. Последнее связано было с семьей, которая время от времени роптала на отсутствие хозяина, но мужественно терпела. Так вот, именно Серега ответил, как из небытия, из общего их научно-подвала.

— Вот и слушай, — насмешливо произнес Сеня и засмеялся в трубку.

— Вот это да! Неужели вы, Арсений Пальгч?!

— Я, кто же еще?

— А мы вас пару раз уже схоронили...

— И на могилке были?

— Все вам шутить. Знаете, как волновались!

— А я решил, меня давно не то, что схоронили, но выкинули из нашего любимого подвала.

— Какое там! Здесь ваш Юрий такие анализы сделал по последним экспериментам, жуть. Весть по всему институту разнеслась. Вас будут встречать, как героя. Вы же придете?

— Сейчас не обещаю, но в принципе, если пропуск еще действует...

— Ладно вам, какой к черту пропуск?!

— Обыкновенный.

— Арсений Пальгч, как я рад. Мы вас заждались.

— Ладно, лирику потом. Завтра буду. Встречай у входа. А то и вправда могут не пустить.

Сеня положил трубку и обернулся к Соне. Она стояла, улыбаясь, и в руке держала бутылку вина. Он понял, что это то самое, которое они так и не откупили, и не успели выпить. Главное, что вино, которое в доме пролежало пару лет, было цело и ждало их. А издания оно

было какого-то двадцатого года прошлого века. Ничего себе!

Они пили изумительный напиток пурпурно-красного цвета и вспоминали прошлое. Например, было приятно пошевелить память и обернуть ее на какие-нибудь лет двадцать назад, когда все только начиналось. И тот азиатский город, и дерево, название которому так и не отыскалось во все двадцатилетие.

Соня много рассказывала о детстве и радовалась, что ее так и не забыла любимая подруга Любочка, с которой выросли в одном дворе, носили похожие платья, и всеобщей завистью двора была особенность существования семьи Любочки зимой, когда все ели какие-нибудь примитивные макароны с сыром (в лучшем случае), а ее семья и в зимнее время имела на столе огурцы и помидоры.

И еще они разводили кроликов, на которые дети сбегались смотреть. Такое это было удивительное зрелище, что глаз и правда было не оторвать. Дети пытались сосчитать, сколько же их лежало всего, но каждый раз кто-то ошибался, дойдя до шестнадцати или двадцати. Возможно же такое!

И эта подруга детства, с которой они с Соней не виделись лет пятнадцать, время от времени позванивала, а Соня отправляла свои гостинцы. Звонки Любы были камертоном правды и добра, той настоящей любви, которая и случается только глубоко в юности. Но и длится всю жизнь. По крайней мере Соня была очень счастлива, когда выдавался случай пообщаться через Любу с любимым городом детства, юности, услышать через знакомые интонации родной аромат старого двора, который помнил и не забывался все годы.

Соня была в таком ударе, что даже включила магнитофон и, услышав звуки цыганочки, стала танцевать. Танцы и правда были когда-то ее страстью. Но уже несколько лет он не видел, как это происходит. Их отношения настолько потускнели, что было не до танцев. А ведь в первые годы, в особенности, когда они приезжали на Сонину родину, она обожала танцевать. Причем, ей было совершенно все равно, что звучит, лезгинка, гопак, трагические аккорды Брамса, — она поднималась и танцевала. И не просто совершала некие танцевальные па, а плас-

тично, профессионально исполняла что-то такое, что и правда было танцем, и авторство принадлежало только ей, Соне. Бывало, она сбрасывала туфли и танцевала босиком, но и на шпильках постучать тоже любила.

Когда-то она занималась в замечательном коллективе, руководил которым солист местного театра оперы и балета и прочил Соне привлекательное будущее. Но! — не сложилось: не разрешила мама. Тогда Соня отправилась заниматься художественной гимнастикой, получила через месяц первый взрослый разряд и готовила программу мастеров. И всегда ее сопровождали слова тренера, смысла и значения которых тогда она не понимала. «Неспортивный у тебя характер, Соня, не стать тебе олимпийской чемпионкой!»

И какое же счастье (во всяком случае, для Сени точно), что не стала его жена ни чемпионкой, ни просто комсомолкой и спортсменкой. Она была поначалу чудесной женой, много пекла и учила свои языки, ну а потом... Потом случилось (так постепенно, не сразу, исподволь) то, что случилось, и что стало разводить по разные стороны любящих когда-то людей.

Да и Сеня уже не был так озабочен теми святыми словами клятвы о вечном счастье своей жены. Отступился. Дела, проблемы, привычка видеть и слышать ее и не допускать мысли, что она может куда-то деться, многое испортили в отношениях.

— Знаешь, Сенюш, а я была уверена почему-то, нагло так уверена, что мы увидимся, примиримся и... сойдемся. Нет, неправильно! Не сойдемся, а снова полюбим друг друга — вот так, пожалуй.

— Ты что, любишь меня? Ты никогда этого не произносила. Или почти никогда.

— Представь себе. На это, правда, ушло много времени, на понимание. Но дошло же, в конце концов.

— Сонь, не верю. Еще раз!

— Тоже мне Станиславский!

— Прошу вас, девушка, еще раз! Для меня это очень, очень важно.

— Хорошо, скажу... Ой, ты меня смущаешь.

— А ты не бойся, вспомни театр детства и поставь себя в предлагаемые обстоятельства. Слушаю!

Они чокнулись, поставили свои бокалы с чудным красным вином, и Соня встала и обняла Сеню.

— Я не решаюсь. Пока не решаюсь. Я еще смогу, не сбрасывайте меня со счетов.

— Да куда уж нам! Придется положиться на время и запастись терпением. Нам не привыкать!

Они пошли в маленькую Сонину комнату, ее девичье прибежище, как оба шутили и легли. Но не спали, конечно, а долго, изучающе смотрели друг на друга, поглаживали руки, плечи и впитывали те новые ощущения, что подарила им жизнь.

Сеня вспомнил, что тогда, давно, позволил себе дотрогнуться до Сони спустя два месяца после начала их совместной жизни. И теперь его чувства очень напоминали ему те, давние уже.

Как он мог обходиться без нее, как вообще жил все эти длинные дни и месяцы, непонятно. Оба были нежны и осторожны, понимая, что нежность порой выше страсти, и не спешили. Не торопили наступление вождельных минут.

В какой-то момент она засмеялась:

— Сенька, ты же забыл сбрить бороду. Мне смешно, она колется. Я еще никогда не любила тебя бородатого.

— Завтра побреюсь.

— Нет, иди завтра так в институт. Пусть потешатся. Чего тебе, жалко?

— Для тебя мне...

И в это мгновение Соня заплакала. Когда он спросил, что такое, что с ней, что стряслось, она посетовала, что прошли годы, что так много, много потеряно.

— Вот глупости, что значит «потеряно»? Все в нас, значит, так было надо.

— Кому, Господи?

— Нам, судьбе. Может, и самому Господу. Ты в церковь не ходишь? Все хотел тебя спросить.

— Стала ходить. И ты пойд.

— Пойду.

— Спи, завтра, как ты любишь говорить, трудный день.

— У кого?

— У нас, дурачок.

Они уснули, и только к утру стали успокаиваться оба,

осознавая, чувствуя, что это не эпизод, не случайность, а начало чего-то нового. Трудно пока понять, чего и какого, но то, что другого, — несомненно.

Наверное, всегда трудно признаться самому себе, что вот, сегодня или завтра началась или начнется новая жизнь. Да и как она может быть иной, оставаясь в тех же рамках, границах, что и была. Если, по крайней мере, внешне, ничего экстраординарного не произошло, не случилось. И все же что-то подсказывало обоим, что новый виток, полоса — как угодно — возникли. Теперь удержать бы курс!

После завтрака Сеня отправился к себе в институт, так и оставив бороду нетронутой. Пусть позабавятся, решил он, а сам прикидывал, когда пойдет прежней аллеей: до работы или после? Ему необходимо было сказать свое слово девочке, которая могла Бог весть что насчитать в его отсутствие. А ему бы этого не хотелось. И все же он выбрал сначала институт, так велико было желание узнать, что там с показателями, данными последних экспериментов.

Сеня шел и думал, что до сих пор в этой области шел наугад, может быть поэтому не складывалось все гладко и КАК У ВСЕХ. Да разве могло быть, как у всех, если сам Сеня был далеко не как все. Одни его завиральные идеи чего стоили, к примеру! Но данные! — это дело нешуточное, с цифирями не поспоришь. К тому же, если сделаны анализы в разных, независимых лабораториях.

На ступеньках НИИ стоял Серега, который, кажется, вырос еще больше, хотя куда уж было при его и так двухметровом росте?

— Арсений Пальч, не ожидал, прямо не ожидал.

Они обнялись, потрясли руками и отправились в подвал. Самое удивительное, что у них никто не спросил пропуск. И это в режимном-то институте! Сеня поинтересовался у Сереги, что случилось, и тот с гордостью показал пропуск, позволяющий провести второе лицо. Стало быть, Сеня и был этим вторым лицом.

Они спустились вниз, и Сеня тут же попросил данные анализов. Когда он взглянул на фантастические цифры, у него захватило дух. Точно: ДУХ! Теперь кто поспорит, кто усомнится в его провидческих научных снах, так бле-

стяще реализованных в цифрах, процентах и прочем?! Действительно, содержание серебра, например, исчислялось в процентом отношении, хотя исходным материалом был свинец.

Пусть теперь курчатовцы похлопают себя по толстым ляжкам: нет, не обойти им Сеню, ни за что не обойти со всем свои сногшибательным оборудованием.

— Арсений Палыч, было велено доставить вас, как объявитесь, к Назимову.

— Давай, доставляй.

Они пошли темным, вечно неосвещенным коридором, поднялись на третий этаж и несердитая сегодня толстая Татьяна, изумленно приподняв бровки, всплеснула ручками: «Как же так, это вы, Арсений Павлович, а мы-то думали»... — «На венки не складывались?» — парировал Сеня, но его не поняли. В кабинете, в котором Сеня был всего два раза, восседал худой высокий человек, его владелец, и было видно, какие черты характера не позволили поставить ему свой стол напротив двери, как это обычно принято было. Он сидел, мало того, что за грудой бумаг, но еще перед ним возвышался старого образца химический шкаф (видимо, для того, чтобы помнить о некотором своем отношении к химии), который почти закрывал его. Во всяком случае, взгляд пришедшего наткнулся сначала на шкаф, а уж потом на хозяина кабинета.

Назимов увидел пару, поднялся, протиснулся между столом и шкафом и вышел к Сене.

— Здравствуйте, молодой вы наш революционер. Ох, люблю же я бунтовщиков! Как вы, в отъезде были?

— В отъезде. А вы что же, не уволили меня?

— Помилуйте, что за вздор. Мы всегда знали, что вы когда-нибудь чем-нибудь, да удивите нас.

— Удивил?

— Вот именно. Так и случилось, как я и предполагал. Я всегда вижу потенциал своих сотрудников. Надо перевести вас из подвала на первый этаж, там и посветлее, и потеплее.

— И мыши не так активно бегают.

— Вот-вот, — засмеялся Назимов.

— Стало быть, можно рассматривать это как повышение?

— Вполне.

— Понял, все же первый этаж — не шутка.

— Шутник вы наш. В мае в Амстердаме конференция по холодному синтезу, вы объявились как раз вовремя. Готовьтесь.

— Но как же данные эксперимента, они ведь еще не опубликованы?

— Арсений, с нашими-то возможностями? Да что вы в самом деле!

— Понял, можно идти?

— Да, еще вот что. Надо как-то оформить ваше отсутствие. Мы что-нибудь придумаем. Например, запишем на вас заграничную длительную командировку.

— Точно, я почти заграничей и был. Только не государства, а земных пределов.

— Это замечательно, только в анкете этого писать не надо, не поймут. А так — шутите на здоровье.

Сеня с Серегой вышли из кабинета, спустились к себе и стали готовить подручными средствами чай.

— Где же вы были, правда, Арсений Павлович? Тут такая волна всяческих домыслов и сплетен, слухов.

— Надеюсь, никто не утверждал, что встречал меня где-то?

— Да, и это говорили, но все путались, где же именно.

— Вот именно. Когда человек врет, он забывает о логике лжи. Потому путается, и его легко поймать.

— Мы сегодня будем работать?

— Серег, сегодня так не хочется! Давай сбежим?

— Мне никак нельзя, я на «младшего» скоро выхожу. Дело нешуточное.

— Точно. А я уже никуда не выйду, кроме, пожалуй, улицы. Ты сиди, паши, я все понял. Но у меня сегодня дела. Так что, до завтра. Идет?

— Идет.

Они пожали руки, и Сеня вышел из здания, серого, красивого, с колоннами и зашагал вдоль небольших посадок. «Надо же, сам Назимов зашевелился, значит, и вправду анализы нешуточные».

Сеня миновал длинный скверик, аллею и приблизился к маленькой церкви, которая стояла чуть сбоку от дороги, и всегда Сене казалось, что она стоит не ровно, а

наклонена набок. Но это, скорей всего, был просто оптический обман, не больше.

Сеня вошел туда, купил несколько свечей и помолился. И еще пораздовался, что в церкви, кроме него, никого не было. Он еще не вполне был уверен, что будет исправным посетителем, исполняющим все предписанные правила, но то, что сделал он это сегодня по собственному желанию и даже потребности, — было точно.

Затем он проехал к месту, где встречался с Ариной. Скамейка стояла, ребята уже шли с занятий, а ее не было. Сеня ждал. Сидел на испачканной лавке и ждал. Время близилось к обеду, а она не появлялась. И только спустя час, даже больше ожидания, Сеня увидел, как Арина идет по сыпучей тропинке с молодым человеком, которого он прежде не встречал. Он поднялся навстречу. Заметил замешательство девушки, которая все же сумела оставить своего спутника и подойти к Сене.

— Надо же, а я думала, никогда вас не увижу. Сначала несколько раз даже к дому подходила, но вас не было. А телефона я не знала.

— А вы здорово похорошели. Это ваш друг?

— Это мой муж.

— Тоже вариант.

— Вы, надеюсь, счастливы?

— Конечно, — был рискованный ответ девушки, которая убеждена была, что быть счастливым — это прежде всего быть молодым. — А вы заходите к нам, родители о вас много раз спрашивали.

— Точно? И их не смутило, что я так нагло прошелся по Булгакову?

— Они понимающие. Решили, что в вас много бравяды.

— Нет, на сей раз они ошибались. Бравяды не было. А было что-то другое. Например, желание покорить вас, завоевать. Но я уже старый, видите, какая борода?

— Вижу, вы что же, в море что ли плавали или ...

— Да, вот и тельняшка, — Сеня показал на светлую рубашку, не имеющую отношения к мореходной форме, — похожа? Вы сказали «или». Вот я был именно там. Там, где или.

— Вы всегда такой шутник. Хотите, познакомлю с мужем?

— Нет, благодарю, меня ждут мои моряки, и я скоро должен отдать швартовы.

— Господи, ничего не понимаю.

— За вами, кстати, долг: вы обещали сказать некую тайну, как надо жить. Как психолог и как просто красивая женщина. Владеете еще ею?

— Да. А у вас борода такая... Вы ее теперь носить станете?

— Она привязывается.

— Ясно. Тайн нет, да вы и сами знаете, все легко и просто до неприличия.

— Но вы же хорошая девочка, соблюдаете приличия?

— Теперь — не всегда. И это так интересно.

— Желаю всего хорошего. Семь футов под килем.

Арина рассмеялась и сказала, что ничегошеньки не поняла. Сеня увидел, как она обхватила своего юношу, худого и тоже длинного (везет мне сегодня на таких, — подумал Сеня) и увлекла его в сторону их кафе.

Сеня мысленно попрощался и с этой своей мечтой и решил, что на сегодня, пожалуй, он выполнил все, что планировал.

И тотчас резкое чувство то ли боли, то ли страха, то ли того и другого одновременно кольнуло Сеню, и он вновь вспомнил о предзнаменованиях последнего времени. «Что это за знаки? Что они означают? Может, уже кранты?» Однако он продолжал идти в сторону метро, чтобы раньше обычного попасть сегодня домой, и постепенно стало отступать все, что еще не так давно казалось важным и значительным: поход к Назимову, данные экспериментов, Арина... Он понимал, что свобода, доставшаяся ему с таким трудом и так трудно объяснимая, — вот она, с ним рядом, запросто шагает на его Тульскую. И не должно, не может быть, чтобы вдруг стряслось что-то непредвиденное. Все события последнего времени против этого. Они с Соней должны остаться и неважно, будут ли переводами и экспериментами заниматься или растить капусту. Главное, что делать то и другое они уже будут вместе.

«Постригусь, приведу себя в порядок и поведу ее в лучший ресторан. А, кстати, а что с деньгами, я и забыл про них совсем, вот дурень». Но мысль о том, что они сохранились и уж по крайней мере не могли исчезнуть

вовсе, явно потешила его. Он усмехнулся: «Да, есть все же в жизни нечто такое незыблемое, что никакими революциями и длительным отсутствием на земле не изменить, не истребить. Самая универсальная форма свободы, эти треклятые денежки. Ладно, теперь их нужно будет не так уж много».

И в этот момент что-то тяжелое, похожее на тот камень, что встретился ему по дороге в гору, опустилось на грудь, и он не сумел выдохнуть. Вдохнуть — тоже. Присев, он не смог отогнать боль, которая превращалась постепенно в огромный светящийся шар, и Сеня безропотно входил в него, принимая его форму и очертания. Нестерпимая боль стала глохнуть, как стали терять привычные контуры объекты реального мира, и Сеня смог только одно: он вольно расставил руки, раскинул их, как мог широко и в своем светящемся от боли скафандре ... полетел.

Теперь он не видел и не слышал никого и ничего, а только все более выраженный свет, который нарастал, был не только видим, но и осязаем, и Сеня понял, что этот полет уже не остановить ничем. Он удалялся и только сиреневое деревце из далекой счастливой жизни покачивало своими листочками. Он точно знал, что окажется рядом и непременно узнает его название и как-нибудь сообщит об этом своей Соне.

Однако полет резко прекратился, и он увидел свет, но другой, не тот, о котором читал, слышал множество раз, свет, возникающий после жизни; но действительно другой, очень что-то напоминающий. Прямо над ним висела огромная металлическая штуковина, типа огромной лампы, переливаясь своими серебристыми гранями. Он вспомнил, что видел подобную в институте у Генки. Тогда он пошевелил пальцами и понял, что жизнь не покинула его, что вот он, живой, дышащий и даже что-то соображающий.

«Ну как, Арсений Пальч, полегчало?» — донесся до него голос склонившейся рядом медсестры, и он осознал окончательно, что жив!

5 февраля — 5 декабря 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	64
Глава четвертая	80
Глава пятая	102

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава шестая	113
Глава седьмая	122
Глава восьмая	133
Глава девятая	143
Глава десятая	149
Глава одиннадцатая	171
Глава двенадцатая	191
Глава тринадцатая	205
Глава четырнадцатая	218

Наталья Александровна КРИВИЦКАЯ-БАРАБАШ

ОТСТУПНИК

Оригинал-макет *О. Комиссарова*

Сдано в набор 05.02.08. Подписано в печать 27.02.08

Формат 84x108/32. Гарнитура «Баскервиль».

Тираж 500 экз. Заказ

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.

Издательство «Серебряные нити»

129224, Москва, Варсонофьевский пер., 8

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Коломенской межрайонной типографии